

В. Б. Помелов

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ, СОРАТНИКИ И ПОСЛЕДОВАТЕЛИ К. Д. УШИНСКОГО

монография

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Вятский государственный университет»

В. Б. Помелов

**ПРЕДШЕСТВЕННИКИ, СОРАТНИКИ
И ПОСЛЕДОВАТЕЛИ К. Д. УШИНСКОГО**

Киров
2023

УДК 371.4(091)
ББК Ч403(2)5
П551

*Печатается по рекомендации Научного совета
Вятского государственного университета*

Рецензенты:

Н. В. Булдакова, доктор педагогических наук, профессор и зав. кафедрой педагогики ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»;

М. А. Захарищева, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики ФГБОУ ВО «Глазовский государственный педагогический институт имени В. Г. Короленко»

Помелов, В. Б.

П551 Предшественники, соратники и последователи К. Д. Ушинского : монография / В. Б. Помелов. – Киров : Изд-во ВятГУ, 2023. – 204 с. – ISBN 978-5-98228-266-8.

В монографии раскрываются основные этапы жизни и научно-практической деятельности предшественников, соратников и последователей великого русского педагога Константина Дмитриевича Ушинского: И. Ф. Тимковского, Е. О. Гугеля, Л. Н. Модзалевского, Д. Д. Семёнова, В. И. Водовозова, Е. Н. Водовозовой, М. И. и В. И. Севевских, С. А. и К. Я. Люгебиль, М. И. Косинского, М. Л. Песковского, Я. С. Гогешашвили, И. Алтынсарина, И. Я. Яковлева, Н. Н. Блинова, Е. В. Антиповой.

Издание адресовано специалистам в области истории образования и педагогической мысли, аспирантам и студентам гуманитарных специальностей, всем интересующимся историей образования и педагогической мысли.

УДК 371.4(091)
ББК Ч403(2)5
П551

ISBN 978-5-98228-266-8

© Вятский государственный
университет (ВятГУ), 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Предшественники	
I. И. Ф. Тимковский.....	9
II. Е. О. Гугель	31
Глава 2. Соратники	
I. Л. Н. Модзалевский	39
II. Д. Д. Семёнов.....	51
III. В. И. Водовозов	59
IV. М. И. и В. И. Семевские	67
V. С. А. и К. Я. Люгебиль.....	79
VI. М. И. Косинский	89
Глава 3. Последователи	
I. Е. Н. Водовозова	96
II. М. Л. Песковский.....	105
III. Я. С. Гогешашвили.....	109
IV. И. Алтынсарин	113
V. И. Я. Яковлев	121
VI. Н. Н. Блинов	130
VII. Е. В. Антипова.....	150
Заключение.....	162
Библиографический список.....	163
Приложения	
Приложение I. Гатчинский сиротский институт	175
Приложение II. Потомки М. И. Косинского.....	182
Приложение III. М. Л. Песковский как родственник семьи Ульяновых.....	186
Приложение IV. Воспоминания Т. Л. Рудыковской о семье Песковских.....	191
Приложение V. Л. С. Таганцева и её гимназия.....	193
Приложение VI. В. В. Григорьев	195
Приложение VII. Н. И. Ильминский	198
Сведения об авторе.....	202

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая вниманию читателей книга доктора педагогических наук, профессора Вятского государственного университета, кавалера медали К. Д. Ушинского Владимира Борисовича Помелова развивает содержание выпущенной в 2023 г. в издательстве ВятГУ монографии того же автора под названием «Жизнь К. Д. Ушинского», в которой представлена личность великого русского педагога, его жизненный путь и, по возможности, полно собраны сведения о его предках и потомках.

Теоретическая значимость монографии «Предшественники, соратники и последователи К. Д. Ушинского» заключается в том, что К. Д. Ушинский показан в ней не только как учёный и организатор народного образования, но и как достойный продолжатель лучших традиций своих предшественников – видных российских педагогов, таких как И. Ф. Тимковский и Е. О. Гугель, и как фактический, хотя и сугубо неофициальный, лидер общественно-педагогического движения, выведший на орбиту научно-педагогических изысканий целую плеяду блестящих педагогов, сочетавших в своей деятельности качества великолепных учителей-практиков, выдающихся организаторов народного образования и замечательных учёных, ставших авторами учебников, хрестоматий для детского чтения, методических пособий и педагогических статей, которыми зачитывались и которые использовали в своей работе российские учителя на протяжении многих лет.

В значительной степени это наследие сохраняет свою актуальность по настоящее время. Разумеется, в каждом из предшественников, близких соратников и учеников К. Д. Ушинского практическое, административное либо научное начала далеко не всегда находились в гармоническом единстве, и чаще всего какое-то из них преобладало. Да и сам Ушинский, как хорошо известно, был, прежде всего, выдающимся учёным, администратором-реформатором и детским писателем и заметно меньше проявил себя как преподаватель-педагог. Среди ближайших соратников К. Д. Ушинского выделялись такие замечательные деятели образования, педагоги-практики и учёные середины и второй половины XIX в., как Д. Д. Семёнов, В. И. Водовозов, Н. А. Корф, П. Г. Редкин и др.

В предлагаемом вниманию читателей томе № 12 собрания историко-педагогических монографий автор счёл необходимым дать соответствующий научный материал о тех педагогах, которых можно

считать предшественниками, соратниками, учениками и последователями К. Д. Ушинского. Автор имеет в виду таких замечательных учёных и педагогов-практиков, как И. Ф. Тимковский, Е. О. Гугель, Д. Л. Семёнов, В. И. Водозов, Е. Н. Водозова, М. И. Семевский и В. И. Семевский, Л. Н. Модзалевский, М. И. Косинский, Н. А. Корф, С. А. и К. Я. Люгемиль, Я. С. Гогешавили, И. Алтынсарин, И. Я. Яковлев, Н. Н. Блинов, В. В. Григорьев, Н. И. Ильминский, психолог Е. В. Антипова.

У читателей может вызвать вопрос о правомерности включения в монографию материала об Е. В. Антиповой, ведь она жила и трудилась в несколько более позднюю эпоху. Автор счёл возможным дать главу об этом замечательном учёном и практике в связи с тем, что на начальном этапе своей деятельности она занималась *педологическими* исследованиями, в частности, в г. Вятке, под руководством В. А. Трейтера. Научное кредо Е. В. Антиповой в полной мере соответствует самой известной фразе великого русского педагога, которую неустанно повторяют его сторонники и последователи; это слова К. Д. Ушинского о том, что, прежде чем воспитывать ребёнка во всех отношениях, необходимо его изучить во всех отношениях. Несомненно, как истинный русский учёный, Е. В. Антипова выступила своего рода продолжателем дела Ушинского по проблематике всестороннего изучения личности ребёнка.

Важно заметить, что вышеприведённые слова К. Д. Ушинского отечественные педологи 1920-х – первой половины 1930-х гг. понимали чересчур буквально и крайне односторонне: в практике своей работы они ограничивались исключительно *изучением* ребёнка, в то время как *воспитывать* его, по их мнению, должен был кто-то другой. Но ведь именно *воспитание* – разумеется, воспитание, понимаемое в широком смысле слова, – является конечной целью работы с детьми, а их *изучение* есть всего лишь средство для достижения этой цели. Трагедия советских педологов заключалась в том, что они остановились на использовании средства и совершенно «забыли» о цели. А вот когда они подверглись жесточайшей критике, они вдруг начали активно ссылаться на Ушинского. Но Константин Дмитриевич никому и никогда «не давал команды» останавливаться «на полпути»; изучение изучением, но вслед за этим обязательно должна следовать практическая, повседневная, всесторонняя работа с детьми, направленная на его многостороннее развитие. Е. В. Антипова, как педолог, психолог и педагог, именно так и поступала на протяжении всей своей продолжительной и плодотворной научной и практической дея-

тельности. Правда, большая и наиболее значимая часть её научно-практической психолого-педагогической карьеры прошла вне сферы влияния тех или иных правительственных постановлений и в работе с детьми с особенностями развития ей не приходилось сверять методику своей работы с содержанием передовиц партийных изданий.

В 1860–1870-х гг. сложилось целое общественно-педагогическое движение, представители которого ставили перед собой задачу бороться за создание бессловной системы образования и за открытие школ, которые были бы доступны самым различным слоям общества и в которых в основу содержания обучения была бы положена идея народности. Подобно передвижникам и представителям «Могучей кучки» К. Д. Ушинский, а также его соратники и последователи боролись за утверждение в области российского просвещения демократических начал, идей прогресса, свободы и народности. В то же время их духовное и творческое единение вовсе не служило препятствием для проявления каждым из них своей индивидуальности, выражения своеобразия в подходах к решению тех или иных общепедагогических и методических проблем; нередко имели место и серьёзные расхождения во взглядах по отдельным вопросам воспитания и обучения.

Под благотворным воздействием личности К. Д. Ушинского и его педагогического наследия находились и другие видные педагоги и общественные деятели, имена которых также упоминаются на страницах предлагаемой вниманию читателя монографии. В монографии «Предшественники, соратники и последователи К. Д. Ушинского» автором даётся характеристика единомышленников и друзей Константина Дмитриевича, т. е. тех исторических деятелей, без которых невозможно представить саму научную, литературную и административную карьеру великого русского педагога.

В качестве предмета нашего исследования были отобраны только те историко-педагогические персонажи – соратники Ушинского, его предшественники, друзья, сослуживцы и другие лица, которые, наряду с их, несомненно, значительным вкладом в науку и педагогическую практику в полной мере обладали таким качеством, как любовь к Родине и её многострадальному многонациональному российскому народу. При этом автор понимает, что содержание книги не отражает все жизненные перипетии героев книги. Также он отчётливо сознаёт, что в ней не нашла отражение деятельность ряда замечательных отечественных педагогов, прежде всего видных представителей народов, как некогда говорили, «национальных окраин», «националь-

ных меньшинств», таких как А. Кунанбаев, И. Г. Чавчавадзе, В. Пшавела, М. Е. Евсевьев, И. В. Яковлев, а также А. И. Анастасиева, И. И. Паульсона, К. В. Ельницкого и многих других. Для подробного раскрытия нами взяты биографии лишь трёх национальных просветителей, а именно Якова Семёновича Гогешашвили, Ибрая Алтынсарина и Ивана Яковлевича Яковлева, что объясняется естественными ограничениями по объёму представленной монографии. Также в книгу включён материал о просветителях нерусских народов В. В. Григорьеве и Н. И. Ильминском в связи с их научными и личными связями с И. Алтынсариним.

Ранее изданные автором публикации о героях предлагаемой вниманию читателей монографии, представляющие, как правило, статьи в педагогических журналах, создали своего рода фактологическую базу для написания книги о последователях великого русского педагога, что особенно актуально в юбилейном для К. Д. Ушинского 2023 году.

Актуальность предлагаемой монографии определяется также значимостью научно-теоретического и методического наследия педагогов, представленных в монографии. Пример жизни каждого из них может служить образцом для подражания всё новым и новым поколениям российских педагогов. В этой связи изучение подлинных, исторически достоверных фактов их биографий, а также их трудов представляется в настоящее время делом важным и актуальным, особенно в плане подготовки будущих педагогических кадров.

Целью монографии о предшественниках и последователях К. Д. Ушинского выступает создание научно-художественного, литературного произведения, дающего достаточно полное представление об этих выдающихся россиянах. Для достижения этой цели автором были поставлены следующие исследовательские задачи: всестороннее изучение биографии и трудов героев книги, создание и реализация в ходе написания монографии своего рода концепции, позволяющей характеризовать их как великих патриотов. В качестве исходных материалов при создании данной работы автором использовались их труды, оценка значимости их личности и наследия со стороны учёных-педагогов разных поколений, выраженная в воспоминаниях современников.

Главными принципами в отборе материала выступали достоверность источников, их полнота, объективность непредвзятость в оценке деятельности характеризуемых предшественников и последователей К. Д. Ушинского.

Методика исследования состояла: на первом этапе работы – в поиске, анализе и интерпретации научных источников; на втором этапе работы – во встраивании полученных данных в канву историко-педагогического повествования для достижения цели осуществлявшейся автором работы.

Основной методологический подход, использованный автором монографии, – аксиологический; в каждой главе и приложениях автор стремился к тому, чтобы выявить всё самое ценное в трудах и поступках своих героев – предшественников и последователей великого русского педагога К. Д. Ушинского. Аксиологический подход реализуется в монографии посредством научного и в то же время художественно-литературного раскрытия основных вопросов содержания, таких как этапы жизни предшественников и последователей Константина Ушинского, значимость их педагогического наследия.

Новизна монографии состоит в приведении в ней значительного количества новых, а также малоизвестных биографических фактов из жизни предшественников и последователей К. Д. Ушинского. Также мы усматриваем новизну монографии в авторском подходе, который можно охарактеризовать как биографический. Именно биографические факты положены в основу книги и составляют её главную ценность и новизну. В свою очередь, анализ научных заслуг предшественников и последователей К. Д. Ушинского занимает в монографии менее значимое место. Именно такое построение монографии способствует, по мнению автора, доктора педагогических наук, профессора Владимира Борисовича Помелова, расширению её потенциальной читательской аудитории.

Практическая значимость книги состоит в том, что она может быть полезна и интересна не только педагогам-практикам (учителям и воспитателям дошкольных образовательных организаций), аспирантам и студентам-гуманитариям, но также и тем читателям, которые, в общем, далеки от педагогической теории и практики и при этом интересуются российской историей и историями жизни выдающихся россиян, к которым, несомненно, относятся великий русский педагог Константин Дмитриевич Ушинский, а также его замечательные предшественники, соратники и последователи.

ГЛАВА 1. ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

И. И. Ф. Тимковский

Большое влияние на формирование личности будущего великого русского педагога Константина Дмитриевича Ушинского в его школьные годы оказал директор гимназии И. Ф. Тимковский, оригинальный мыслитель, лингвист-русист, правовед, педагог и организатор образования, деятель русского и украинского просвещения первой половины XIX в. Его личность незаслуженно обойдена вниманием отечественных историков педагогики. Он лишь изредка упоминается в публикациях, причём исключительно как руководитель гимназии, в которой в детские годы учился будущий великий русский педагог К. Д. Ушинский. Настала пора рассказать об этом примечательном человеке более подробно.

Илья Фёдорович Тимковский родился 15 (26) июля 1772 г. (по другим сведениям – 1773 г.) в городе Переяславе Полтавской губернии¹. Родоначальником рода, из которого он вышел, считается казак Тимофей Антонович, которого друзья звали *Тимко*; отсюда и пошла фамилия – *Тимковский* [74, с. 384]. Один из внуков казака Тимко, отец Ильи Тимковского, дослужился до дворянства и получил чин коллежского асессора. В Черниговской губернии он приобрёл хутор, которому он дал название по фамилии владельца – Тимковщина, или на украинский манер, – *Тымковщина* [85, с. 11].

И. Ф. Тимковский был старшим ребёнком в семье. У него были четыре брата и сестра. Рано скончавшийся брат Иван Тимковский (1778–1808) был поэтом и переводчиком. Брат Василий (1781–1832) вошёл в российскую историю как гражданский губернатор Бессарабской губернии и довольно популярный в своё время писатель. Брат Роман (1785–1820) стал профессором греческой и латинской филоло-

¹ В древней Руси это был центр Переяславского княжества. В древнерусских источниках этот город назывался Переяславль, Переяславль Южный, Переяславль-Русский. Ныне это город в Бориспольском районе Киевской области Республики Украина. Он расположен у впадения реки Альты в реку Трубеж. Широкую известность город получил при гетмане Богдане Хмельницком в связи с состоявшейся здесь в 1654 г. так называемой Переяславской радой, на которой было принято решение о присоединении Войска Запорожского к Русскому царству. В 1943–2019 гг. в память об этом событии город назывался Переяслав-Хмельницкий.

гии, деканом словесного факультета Московского университета. Младший брат Егор (1790–1875) считался знаменитым дипломатом [173, с. 507].

Сестра Гликерия (1788–1829) известна тем, что она была матерью украинского и русского филолога, фольклориста, историка, поэта и ботаника Михаила Александровича Максимовича (1804–1873). М. А. Максимович был членом-корреспондентом Императорской Российской академии наук (1871), деканом историко-филологического факультета и первым ректором Императорского Киевского университета Святого Владимира [83, с. 109]. В круг его друзей и корреспондентов входили знаменитый историк М. П. Погодин и писатель Н. В. Гоголь. М. А. Максимович также вошёл в историю как один из трёх самых знаменитых выпускников Новгород-Северской гимназии, наряду с К. Д. Ушинским и М. К. Чалым. Как видим, все дети Тимковских были высокообразованными людьми, ярко проявившими себя в гуманитарной и близкой к ней сферах.

В 1777 г. семья Тимковских переехала в своё имение в Золотоношскую сотню², а затем в село Загорское, «на Сумщине».

Первоначальное образование И. Ф. Тимковский получил в семье. Позднее он вспоминал: «Домашнее обучение моё было так многообразно, что казалось бы странным, если б не было в свойствах того времени. Четыре года его составляют особый век. Первому чтению церковнославянской грамоты научили меня мать и, вроде моего дядьки, служивший в поручениях, из дедовских людей, Андрей Кулид. Отец его был турчин, или булгар, вывезенный в малолетстве дедом при взятии Хотина в 1739 году. Тот же Андрей носил и водил меня в церковь, забавлял меня на бузиновой дудке, или громко трубя в сурму из толстого бодяка, и набирал мне пучки клубники на сенокосах. Не без того, что ученье моё, утомясь на складах и титлах, бывало в бегах, и меня привязывали длинным ручником к столу» [151, с. 6]. Вскоре на смену домашнему обучению пришла учёба в Благовещенском женском монастыре в Золотоноше, где в то время был небольшой пансион, куда принимали на учёбу и мальчиков.

Здесь же учились впоследствии и остальные братья и сестра Ильи Тимковского. В этих местах, на малороссийских просторах, с их

² *Сотня* – административно-территориальная и военная единица во времена Гетманщины. *Гетманщиной* называлось казацкое государство, территориально располагавшееся в центральной части Украины в 1648–1781 гг. Золотоношская сотня – одна из старейших казачьих сотен. Её центром был городок Золотоноша.

естественным природным ландшафтом и такой же характерностью быта и жизни глубинки, с малых лет, впитал юный Илья Тимковский красоту родного переяславского говора. Об этом с любовью он пишет в своих воспоминаниях: «Природное наречие Переяславля занимательно своею мягкостью, и в формах его встречаются такие тонкости, которые виднее, чем в киевском. Их можно бы отнести к неким остаткам столицы Мономахова века, по крайней мере, давнему стечению образованного многолюдства» [151, с. 6].

В 1781 г. Илья поступил в семинарию в Переяславе, о которой он с благодарностью рассказал в своих «Записках...». Так, об учителях он писал с любовью следующее: «Учители были в благоговении, как полубоги... Праздничные и именинные поздравления от всех классов по одному ученику, с их учителями, приносимые архиерею и ректору, в стихах и речах латинских. В том числе и я имел свою долю» [151, с. 7].

В 1785 г. И. Ф. Тимковский стал учиться в знаменитой Киево-Могилянской духовной академии. При этом он не собирался ограничиваться лишь православным, религиозным образованием; его тянуло к занятию научной или гражданской деятельностью. Для этого необходимо было окончить университет. Выбор в то время был невелик – Московский или Санкт-Петербургский.

Один из первых биографов И. Ф. Тимковского Николай Васильевич Шугуров, служивший членом Киевской судебной палаты, писал: «В то время ежегодно один или несколько человек из окончивших курс академии поступали в Московский университет. Переписывались оттуда со своими товарищами, оставшимися в Киеве. Уехавшие присылали им вести об университете, профессорах и разных подробностях университетской жизни. Эти известия возбудили и в Тимковском желание, по окончании курса академии, отправиться в Московский университет» [166, с. 219].

В 1789–1797 гг. – целых восемь лет! – И. Ф. Тимковский учился на юридическом и философском факультетах Московского университета («по части словесности, физико-математических наук, юриспруденции и политики»). За выдающиеся успехи в учёбе он был даже награждён четырьмя медалями: две серебряные медали были вручены ему в 1790 г. и 1792 г. по философскому факультету, а третья серебряная и одна золотая (в 1793 г. и 1795 г. соответственно) – по юридическому [83, с. 111]. В своих воспоминаниях И. Ф. Тимковский особенно тепло пишет о кураторе университета графе Иване Ивановиче

Шувалове (1727–1797), профессоре Антоне Алексеевиче Барсове (1730–1791) и других видных деятелях, имевших отношение к развитию Московского университета. Они неоднократно посещали университет, и И. Ф. Тимковский имел возможность, пусть и кратко, общаться с ними, слушать их выступления перед студентами.

Интересны зарисовки заседаний «Собрания любителей словесности», которые И. Ф. Тимковский включил в свои мемуары: «Заседания открывались тем, что один по очереди читал с кафедры своё сочинение, краткую речь или рассуждение, в приличном роде с ведома председателя. Затем были и другие, которые приносили и читали свои стихи, прозу, изящные переводы, рецензии. Всё это обсуждалось подробно, критическим разбором. Входили суждения о новых книгах и мнения о языке и словесности. Случались и споры, которые острили язык» [152, с. 44]. Больше всего в годы учёбы в университете И. Ф. Тимковский занимался правоведением. «Кончив первый курс, – писал он в воспоминаниях, посвящённых И. И. Шувалову, – я предался правам и политике, удержал только прикладную математику, по любви моей: знание побочное, но которое на веку часто было мне пригодно» [152, с. 44].

В студенческие годы И. Ф. Тимковский активно сотрудничал в газетах и журналах, помещая стихи и статьи, как переводные, так и оригинальные, за подписью *И-я Тмквск.* Это было не только интересно для молодого человека, но и давало некоторый заработок в виде гонораров. В 1796–1797 гг. появляются многочисленные публикации И. Ф. Тимковского в журнале «Приятное и полезное» (Ч. 9–10, 11–15). Это ландшафтная, любовная и религиозно-моралистическая лирика, отрывки и небольшие рассказы, переводы из ныне совершенно забытых, по крайней мере в России, Ж.-А. Бернардена де Сен-Пьера, Х.-Ф. Геллерта, Ф. Гагедорна и С. Геснера в прозе и стихах. Он публикует и свои собственные произведения. В рассказе «Беглец» (Приятное и полезное. 1796. Ч. 10) он, следуя популярному тогда Н. М. Карамзину, даже отстаивает тезис о том, что «чувствительность встречается нам и в низком состоянии», т. е. среди людей «подлого сословия». В качестве примера он рассказывает историю слуги, бежавшего от хозяина и ставшего на путь разбоя, впоследствии отбывшего полученное по суду наказание и наконец прощённого своим хозяином. При этом необходимость снисхождения со стороны хозяина обосновывается автором тем, что на преступления слугу толкнула, в своё время, «чувствительность».

Гораздо большей художественной убедительности И. Ф. Тимковский добился в лирическом фрагменте «Взгляд на самого себя. 20 июля 1796» (1796. Ч. 12). Это своего рода автобиографическое прощание с юностью окрашено поначалу в грустные тона; в финале отрывка лирический герой обретает успокоение в мыслях о вечной жизни и небесной гармонии. Тимковский публиковал стихотворения и в других изданиях: «Стихи на Новый год» (Московские ведомости. 1797. № 1. 3 янв.), «Новый Эмиль» (Аониды. 1798–1799. Кн. 3), «Весть» и «Утренняя прогулка» (Новости. 1799. № 5. Май; № 8. Авг.). Одно из его стихотворений, помещённое в № 1 «Московских ведомостей» за 1797 г., обратило на себя внимание куратора университета князя Ф. Н. Голицына.

Между тем генерал-прокурор князь А. Б. Куракин обратился в университет с просьбой «доставить ему двух сведущих правоведов». Университетская конференция в числе этих двух выбрала и И. Ф. Тимковского. 7 февраля 1797 г. он был отправлен на службу в Санкт-Петербург, где вначале преподавал русское правоведение в Сенатском юнкерском институте, а в 1801 г. поступил в сенатские секретари. В это время Илья Фёдорович напряжённо работал над исследованием, которое задумал, будучи ещё студентом университета, – «Систематическое расположение законов российских». Необходимо заметить, что это был первый опыт попытки систематизации крайне разрозненных законов тогдашней Российской империи. В итоге в августе 1802 г. эта важная работа полностью в законченном виде была передана в Комиссию составления законов, а её автор получил Высочайшее благоволение (монаршую награду Российской империи) и бриллиантовый перстень [44, с. 263].

Председатель Комиссии граф Пётр Васильевич Завадовский (1739–1812) обратил своё внимание на талантливого юношу и даже предложил Тимковскому войти в её состав, но Илья Фёдорович, к всеобщему удивлению, отказался от столь лестного предложения. Кстати, П. В. Завадовский стал в 1802 г. первым российским министром народного просвещения. В том же 1802 г. было образовано, наряду с другими, министерство юстиции. Его первый глава знаменитый поэт Гавриил Романович Державин (1743–1816) обратился к Тимковскому с просьбой занять должность юрисконсульта в новом ведомстве. Вот на это предложение Илья Фёдорович ответил согласием. За четыре месяца работы там И. Ф. Тимковский, помимо выполнения своей основной работы, составил проект третейского совестного суда.

В январе 1803 г. сотрудник Министерства юстиции И. Ф. Тимковский получил два новых предложения. Первое предложение поступило от представителя созданного в 1802 г. Дерптского университета барона Унгерн-Штернберга. Ему предлагалось занять в этом вузе должность ординарного профессора права. Второе предложение было от первого попечителя Харьковского учебного округа графа Северина Осиповича Потоцкого (1762–1829) – стать профессором правоведения и судопроизводства Харьковского университета, «об учреждении которого состоялось Высочайшее повеление и который ещё предстояло устроить и открыть».

В качестве дополнения к этому предложению Тимковскому было также предложено стать «генеральным визитатором» учебных заведений Харьковского учебного округа. И. Ф. Тимковский, «желая служить ближе к родине», отдал предпочтение второму предложению. Итак, 7 февраля 1803 г. И. Ф. Тимковский принял предложение стать ординарным профессором российского правоведения и судопроизводства в новообразованном Харьковском университете с чином титулярного советника.

В июне он переселился в Харьков и вскоре возглавил подготовку к открытию университета; в марте вошёл в Комитет университета. 4 апреля 1803 г. Потоцкий дал Тимковскому инструкцию, включавшую в себя указания относительно руководства Харьковским университетом и «визитаторской» деятельностью.

Научная, педагогическая и административная деятельность в Харьковском университете стала по-особому значимым периодом в жизни И. Ф. Тимковского. На этапе подготовки к его открытию он был фактически его руководителем. На его долю выпало немало труда в деле подготовки университета к открытию.

Прежде всего, И. Ф. Тимковский был озабочен подготовкой университетского здания, сбором пожертвований на нужды вуза и другими проблемами материального свойства. Приехавшие в Харьков столичные профессора требовали именно от него меблированных квартир, которые были им обещаны ещё в Санкт-Петербурге. Именно на этом обещании они и согласились поехать работать в «новозаводимом» университете. Однако средства на приобретение жилья запаздывали. Также по этой же причине крайне медленно проводились работы по перестройке и ремонту помещений, выделенных под нужды учебного процесса.

В конце марта 1804 г. с приездом С. О. Потоцкого для руководства университетом был учреждён комитет в составе пяти профессо-

ров, в который вошёл и И. Ф. Тимковский. В своём письме к Тимковскому от 21 июля 1804 года граф выразил пожелание, чтобы открытие университета состоялось 30 августа, в день именин российского императора Александра I. Однако 27 августа Василий Назарович Каразин (1773–1842), планировавшийся в ректоры, неожиданно ушёл в отставку из Министерства народного просвещения. Тем не менее университет ныне носит его имя, а сам Каразин даже считается его основателем. После этой внезапной отставки начало работы вуза откладывалось ещё несколько раз. Ремонтные работы зданий были закончены лишь в октябре 1804 г.

Наконец 17 (29) января 1805 г. состоялось торжественное открытие Харьковского университета. К этому событию Тимковский составил специальный церемониал и сочинил стихотворную оду для хорового исполнения. Она прозвучала во второй день торжеств, 18 января 1805 г. Штаты университета были утверждены ещё 17 марта 1803 г., и с этого дня И. Ф. Тимковский был зачислен ординарным профессором с поручением преподавать гражданское и уголовное право на кафедре права, гражданского и уголовного судопроизводства в Российской империи [32, с. 187]. Он читал курсы русского права (1809), государственное, уголовное и гражданское российское право, «вместе с историей оных», а также законы и форму судопроизводства на факультете нравственно-политических наук, позднее получившем название юридического. Правда, как вспоминали современники, лекции его отличались витиеватостью и вычурностью языка и поэтому с большим трудом усваивались студентами.

В 1807, 1809 и 1811 гг. его избирали деканом, причём каждый раз сроком на один год. Любопытен «состав прав и обязанностей декана факультета». В его обязанности входило, в частности, «рассматривание речей, «приготовленных для чтения в торжественных собраниях», и «рассматривание сочинений», т. е. фактически выполнение функций цензора. Торжественное собрание университета происходило ежегодно, 30 августа, а речи должны были быть представлены для утверждения ректором к 15 июля. Так, в 1808 г. Профессор Тимковский произносил речь «О применении знаний к состоянию и цели государства», в 1810 г. – речь «О поместьях».

И. Ф. Тимковский также входил в правление университета, училищный и цензурный комитеты. Преподавательский состав факультета, на котором работал И. Ф. Тимковский, в первые годы состоял из него и трёх немцев (Иоганн Шад, Иосиф Ланг и Иоганн Гамперле),

причём один из них был «бывший бенедиктинский монах». Во многом именно этим обстоятельством определялась система обучения и специфика аттестования студентов.

Как свидетельствовал один из авторов мемуаров, «из приведённых протоколов испытаний за первые три года существования университета мы видим, что испытания студентов при переходе их с курса на курс производились из тех же предметов, которые они слушали на курсе, а на окончательном испытании – из всех предметов, прослушанных ими в течение 3 лет; испытание производилось по программам, составленным преподавателями на латинском, немецком и русском языках; студенты брали по жребию по три билета из каждого предмета и отвечали на языке, *доступном экзаменатору*» (выделено нами. – В. П.) [32, с. 21].

Порой доходило до прямо-таки анекдотических ситуаций. Латинский язык считался «общеизвестным языком», который знали все студенты и преподаватели, а вот русский язык профессорам Шаду и Лангу «был недоступен». Поэтому специально для них программу испытания у профессора Тимковского необходимо было перевести с русского языка на латинский, с тем чтобы немецкие профессора были в состоянии, хотя бы в общих чертах, понимать, присутствуя на экзамене, то, что будут им рассказывать студенты. Невольно вспоминается прямо-таки титаническая борьба М. В. Ломоносова за освобождение Российской Академии наук от засилья невежд-иностранцев, прежде всего от немцев. Те решительные меры, которые предпринимал реформатор российской науки в столице, требовались и в Харькове, и в других городах, где начиналась работа по учреждению университетов.

Ещё одной сложной проблемой, которую приходилось решать именно И. Ф. Тимковскому, был набор студентов. В то время в Харьковском учебном округе ещё не было ни одной гимназии, поэтому в число студентов первого курса поневоле приходилось привлекать даже семинаристов [4, с. 188]. С 1810 г. И. Ф. Тимковский состоял членом учреждённого при университете «Комитета для испытания чиновников и преподавания наук молодым людям, обязанным гражданской службою» [4, с. 191]. Фактически этот комитет занимался повышением квалификации чиновников и их аттестацией, что было значительной новацией для того времени.

Не забывал он и о научной работе. В 1811 в г. Харькове вышла книга И. Ф. Тимковского «Опытный способ к философическому по-

знанию русского языка». Подробный анализ этого замечательного сочинения, представляющего собой значительный вклад в русское языкознание, дал современный исследователь О. В. Никитин [63]. За свои преподавательские и научные заслуги И. Ф. Тимковский был удостоен степени доктора философии Харьковского университета (1807). 18 декабря 1804 г. Харьковский университет, а 30 июня 1805 г. Московский университет признали его доктором прав *honoris causa*. В 1809 г. Геттингенское научное общество избрало его своим членом за работу «Сравнение юстиниановых законов с российскими».

Спустя многие годы после ухода «устроителя» университета добрая память о нём сохранялась, что находило своё отражение в исторических материалах. Историк Харьковского университета профессор Дмитрий Иванович Багалея писал в юбилейном сборнике: «Тимковский обладал огромной педагогической опытностью и редкой любовью к школьному делу. Его заслуги в деле первоначального устройства были весьма велики, и их по справедливости оценил благодарный ему университет, который по выходе Тимковского в отставку постановил внести в журнал следующее постановление: “Университет всегда с величайшею признательностью будет вспоминать, что устройство весьма многих училищ в округе нашего университета, теперь цветущих, обязано благоразумию, усердию и неутомимому труду профессора И. Ф. Тимковского”» [4, с. 191]. В первом томе «Опыта истории Харьковского университета» Д. И. Багалея пишет: «На второе место, вслед за В. Н. Каразиным, мы ставим профессора И. Ф. Тимковского. Это был чрезвычайно полезный практический деятель по части устройства университета, заботливый, сведущий, добросовестный хозяин, вникавший во все мелочи, спокойно, ровно, без скачков делавший своё нелегкое дело. Он, как мы видели, заменил В. Н. Каразина в Харькове и до открытия действий Комитета единолично принимал все подготовительные меры к скорейшему открытию университета» [4, с. 192].

Активная деятельность И. Ф. Тимковского проявлялась также в «визитации» школьных заведений обширного в то время Харьковско-го учебного округа. О результатах своих ревизий он представлял подробные, хранившиеся в архиве Харьковского университета отчёты попечителю или его заместителю Н. Н. Новосильцеву. Тимковский проверял при ревизиях познания не только учеников, но и самих учителей. При этом он не ограничивался лишь констатацией того или иного наличного, как правило, разумеется, невысокого методического

уровня учителей, но планировал проведение при университете для них краткосрочных педагогических курсов. Более того, в своих отчётах он высказывался за широкое распространение грамотности среди крестьян, что свидетельствует о его ярко выраженных демократических взглядах.

И. Ф. Тимковскому была также поручена ответственная работа по устройству средних учебных заведений (гимназий), разработке гимназических учебных программ и осуществлению попечительства над ними. При непосредственном содействии И. Ф. Тимковского были открыты Харьковская, Черниговская, Екатеринославская, Воронежская, Новгород-Северская, Таганрогская и Одесская гимназии, а также многочисленные уездные училища в этих губерниях. Д. И. Багaley отмечал: «Назначение учителей в открываемые гимназии и училища зависело, главным образом, от Тимковского. Он же в большинстве случаев лично выезжал открывать гимназии, сочинял церемониалы их открытия, произносил речи, экзаменовал зачисленных в гимназии учеников, давал наставления директорам и учителям, составлял списки книг для гимназических библиотек и др.» [4, с. 191].

В определении университетского совета от 15 июля 1811 г. указывается: «Университет всегда с величайшею признательностью будет вспоминать, что устройство весьма многих училищ в округе нашего университета, теперь цветущих, обязано благоразумию, усердию и неутомимому труду профессора Тимковского» [4, с. 192].

В августе того же года Илья Фёдорович, ссылаясь на расстроенное во время служебных разъездов здоровье, подал прошение об увольнении в отставку. Университет не желал отпускать от себя человека, столь много сделавшего для него, и ему было предложено воспользоваться годичным отпуском с сохранением полного жалованья. Спустя год, 29 августа 1812 г., Тимковский был всё-таки уволен по причине болезни с сохранением жалованья на один год. 2 сентября 1813 г. «по причине неизлеченной болезни и поданного вторичного прошения» он был уволен «с пенсиєю в год по тысяче рублей» [149, с. 210].

Уже будучи пожилым человеком, И. Ф. Тимковский проявил себя как гражданин в годы Отечественной войны. 18 августа 1812 г. он был избран членом дворянского комитета, снаряжавшего народное ополчение для борьбы с наполеоновским нашествием, и состоял в этом комитете по 2 января 1815 г., вплоть до полной его ликвидации.

«Тогда же мы в Глухове, – рассказывал он в своих воспоминаниях, – положили свой совет, на случай входа войск неприятеля, всем

владельцам, не отставая от своих имений, ради устройства и целостности в них, собраться в городе, как для общей безопасности, так и для связанных действий» [151, с. 129]. Неприятель, как известно, не добрался до малороссийской глубинки, но вся округа в течение всего периода Отечественной войны находилась в предчувствии большой тревоги; все ожидали последних известий и готовились к ним. «Кутузов, – писал И. Ф. Тимковский, – держался пословицы: стели неприятелю золотой мост. Мы о бегущих получали карикатуры. Сами мы перешли на содержание своего ополчения и разные поставки для войск» [151, с. 130].

С 1815 г. И. Ф. Тимковский успешно служил два трёхлетия выборным судьёй в Глуховском уезде. В 1825 г. вновь назначенный попечитель Харьковского учебного округа А. А. Перовский предложил ему занять должность директора Новгород-Северской гимназии. В августе того же года он принял это предложение. До этого первым директором гимназии был её основатель Иван Иванович Халанский (1749–1825).

Об И. И. Халанском известно следующее. Он был родом из села Халань, что «на Слобожанщине»³. С 1774 г. Халанский служил канцеляристом в Санкт-Петербурге. В 1778 г. поступил на армейскую службу в должности полкового квартирмейстера Украинского гусарского полка. В 1782 г. получил звание капитана. В 1784–1789 гг. он прокурор Новгород-Северского земского суда. В 1789–1805 гг. Иван Иванович трудился в области просвещения в Новгород-Северске, Стародубе, Глухове и Чернигове. В 1805 г. И. И. Халанский стал основателем народного училища в Новгород-Северске и первым директором гимназии в этом городе (1808–1825). Вокруг гимназии спланировалась культурная среда, в кругу которой, кстати, была найдена «История русов», исторический труд, написанный в виде политического памфлета в конце XVIII в. или в начале XIX в. Предполагаемым автором был архиепископ Белорусский Георгий Конисский. Преподававший в Новгород-Северской гимназии в 1810 г. Иван Николаевич Лобойко (1786–1861), впоследствии заслуженный профессор Виленского университета, филолог и историк, в своих воспоминаниях указывал, что И. Ф. Тимковский был зятем И. И. Халанского [66, с. 25]

В монографии В. Б. Помелова «Жизнь К. Д. Ушинского» в главе о предках матери К. Д. Ушинского Любови Степановны, урождённой

³ Слободская Украина, или Слобожанщина, историческая область на северо-востоке современной Республики Украина и юго-западе Центрально-Черноземного экономического района России.

Карпинской, указывается, что её бабушкой была Александра Халанская (? – после 1833). Так что не исключено, что К. Д. Ушинский имел родственные связи с обоими директорами гимназии, в которой он учился. Правда, Ушинский никогда не высказывался на этот счёт. Но надо отметить и то, что Константин Дмитриевич не писал воспоминаний, за исключением одной небольшой статьи, в которой он рассказывал о годах обучения в гимназии. Причём основное внимание он уделил в этом, в общем-то, неоконченном отрывке её директору, характеристике состояния здания гимназии и природе родного края. Об отце же он вообще никогда письменно не вспоминал, а о матери лишь однажды заметил, что она умерла, когда ему ещё не было и двенадцати лет. О родных и сводных братьях и сёстрах он также никогда и нигде – по крайней мере, письменно – не упоминал. Разве что один раз вспомнил с грустью о том, что он был вынужден заботиться о младшем брате, когда ему самому было одиннадцать с половиной лет. Впрочем, о домашних перипетиях жизни маленького Кости Ушинского автор данной монографии достаточно подробно пишет в монографии «Жизнь К. Д. Ушинского».

Новгород-Северская гимназия вела своё начало от малого народного училища, открытого в 1789 г. в соответствии с реформой российского образования, принятой тремя годами ранее по инициативе знаменитого поборника просвещения Фёдора Ивановича Янковича де Мириево (1741–1814), приглашённого Екатериной II из Австро-Венгрии в Россию для осуществления этой реформы [102, с. 198]. В соответствии с ней в России были учреждены главные и малые народные училища. Первые открывались в губернских городах; вторые – в уездных городках. В 1804 г. грянула новая реформа образования, которая на этот раз копировала систему просвещения Франции. Малые училища преобразовывались в уездные училища, а главные – в гимназии. «Устав учебных заведений, подведомых университетам» делил всю территорию страны на шесть учебных округов: Московский, Санкт-Петербургский, Казанский, Харьковский, Виленский и Дерптский.

Во главе каждого учебного округа стояли университеты. Была установлена строгая зависимость всех звеньев образования, а именно, одногодичные приходские училища подчинялись смотрителю уездного училища, уездные училища – директору гимназии, гимназии – ректору университета, университет – попечителю учебного округа. Последними были обычно высокопоставленные персоны вроде графа

С. Г. Строганова. Контроль за работой гимназий осуществлялся, конечно, не лично ректором, а *визитатором* – специально назначенным им и попечителем учебного округа для этой цели авторитетным уполномоченным. Процесс преобразования не совершался автоматически; многие училища, не соответствовавшие новым требованиям, были просто закрыты или даже переведены из разряда главных училищ вообще не в гимназии, а всего лишь в уездные училища. При этом работа именно Новгород-Северского училища оценивалась достаточно высоко со стороны генерального визитатора Харьковского учебного округа Ильи Фёдоровича Тимковского.

Он ознакомился с его работой и высказался не только за его сохранение, но и за преобразование училища в четырёхклассную гимназию. Спустя ещё несколько лет, в соответствии с училищным уставом 1828 г., имевшиеся в Новгород-Северске уездное (поветовое) училище и четырёхклассная гимназия планировалось преобразовать уже в семиклассную гимназию. Преобразование это готовилось постепенно и началось только в 1832 г.

Годы шли, и гимназическое здание сильно обветшало. К. Д. Ушинский в своих воспоминаниях дал такое его описание: «Длинное, низенькое, ветхое, почерневшее здание со своей скверной, украшенной флюгером, будочкой наверху, в которой качался неугомный колокольчик, походило, по мнению окрестных помещиков, более на паровую винокурню, чем на храм науки: окна в старых рамах дрожали, подгнившие полы, залитые чернилами и стоптанные гвоздями каблучков, скрипели и прыгали; расколовшиеся двери притворялись плохо, длинные старые скамьи, совершенно утратившие свою первоначальную краску, были изрезаны и исписаны многими поколениями гимназистов. Чего-чего только не было на этих скамьях! И ящички самой замысловатой работы, и прехитрые многосложные каналы для спуска чернил, и угловатые человеческие фигурки, солдатики, генералы на лошадях, портреты учителей, бесчисленные изречения, бесчисленные обрывки уроков, записанных учеником, не понадеявшимся на свою память, клеточки для игры в скубки, состоявшей в том, что гимназист, успевший поставить три креста сряду, драл немилосердно своего партнёра за чуб. Старые почерневшие портреты героев екатерининского времени в старых, источенных червями рамах качались на стенах, украшенных обрывками обоев. Плохо было это здание, но мне жаль его, как жаль первых и живых снов своей детской жизни» [153, с. 311].

Далее К. Д. Ушинский замечает, что ныне это старое здание заменено «прекрасным, каменным». В самом помещении гимназии во времена учёбы в ней Константина Ушинского проживали некоторые учителя с семьями и старики-сторожа. Количество учащихся превышало четыреста человек. Новгород-Северская гимназия в то время была единственной на несколько соседних губерний. Центром притяжения всех гимназистов, вспоминал К. Д. Ушинский, была *шопа*. Это была деревянная беседка, располагавшаяся прямо перед входом в здание гимназии. На ней располагались торговки, предлагавшие свой соблазнительный для детворы товар: арбузные и тыквенные семечки, бублики, маковники, шишки, орехи и прочие лакомства.

В гимназии Константин Ушинский был примерным учеником. Он много читал, часто был инициатором диспутов на различные темы. Неслучайно его одноклассник Иосиф Самчевский впоследствии вспоминал: «Ученики высших, четвёртых классов каждый месяц в присутствии директора и учителей читали свои сочинения... Из числа учеников, отличившихся тогда первыми опытами своих сочинений, был и Константин Ушинский [113, с. 388]. Как отмечали позже его биографы, Ушинский терпеть не мог подхалимства среди учеников и несправедливости со стороны некоторых учителей. С особым уважением юный Ушинский относился к директору гимназии И. Ф. Тимковскому и к учителю истории М. Г. Ерофееву. Именно от этих преподавателей гимназист Ушинский узнал о брошюре «Донесение следственной комиссии, направленной в 1825 году против декабристов» и о деле «О политическом вольнодумстве некоторых профессоров и учащихся Нежинской гимназии высших наук» [96, с. 37].

Вкратце поясним в чём, собственно, заключалось «вольнодумство». Педагогический состав Нежинской гимназии высших наук в те годы резко делился на две противостоящие друг другу по своим общественным взглядам группы. 7 мая 1827 г. в конференцию (совет) гимназии старший профессор юридических наук, преподаватель естественного права М. В. Билевич подал рапорт, в котором говорилось о замеченных у учеников «некоторых оснований вольнодумства», причину которых следовало искать в том, что младший профессор политических и юридических наук Николай Григорьевич Белоусов *читал лекции не по книге, а по своим запискам* [28, с. 56]. Иными словами, Билевич обвинил Белоусова в вольнодумстве и в политическом развращении учащихся. Основания для такого обвинения, безусловно, были. Так, учеников 7-го класса Н. Г. Белоусов спрашивал о том, что

необходимо сделать с царём, который употребляет свою власть не в интересах народа. Дети, разумеется, смущённо молчали и не осмеливались говорить что-либо. Тогда Белоусов «подсказывал» им «нужный» ответ: «Такого царя следует сместить с престола!» [96, с. 20] Н. Г. Белоусов в своих лекциях действительно критиковал царскую власть и призывал к уничтожению монархии. Белоусова поддерживал заместитель директора Казимир Варфоломеевич Шапалинский. Юный Николай Гоголь, в те годы учащийся лицея, тоже был на стороне Белоусова и пытался его поддерживать. Было учреждено следствие, тянувшееся более трёх лет (!).

Из столицы прибыл специальный «обследователь». Несколько дней проходили допросы учеников. «Обследователь» составил соответствующий доклад, в результате которого последовало утверждённое Николаем I в декабре 1830 г. постановление министерства народного просвещения о том, чтобы профессоров Шапалинского и Белоусова «за вредное на юношество влияние отрешить от должности с внесением этих обстоятельств в их паспорта, дабы таковым образом они и впредь не могли быть нигде терпимы к службе по учебному ведомству» [64, с. 10–11]. В гимназии начались беспорядки. Во время обысков у лицеистов обнаружили запрещённые книги. «Дело о вольнодумстве» для К. В. Шапалинского закончилось бессрочной ссылкой в г. Вятку, где он впоследствии и скончался [110, с. 93]⁴.

К. Д. Ушинский в воспоминаниях об обучении в Новгород-Северской гимназии писал: «Воспитание, которое мы получили... в бедной уездной гимназии маленького городка Малороссии Новгорода-Северского было в учебном отношении не только не ниже, но даже

⁴ Кстати, в г. Вятке, в силу нехватки образованных людей, К. В. Шапалинского назначили даже начальником губернской типографии. В 1837 г. во время открытия Вятской губернской библиотеки находившийся в этом городе в ссылке А. И. Герцен произнес вполне верноподданническую речь, которая с разрешения тогдашнего губернатора была напечатана в типографии, руководимой К. В. Шапалинским. Спустя несколько лет, когда А. И. Герцен стал «лондонским изгнанником» и был признан государственным преступником, решение об издании речи – задним числом! – было признано очередным вятским губернатором ошибочным, и вина за это была возложена на... К. В. Шапалинского, которого по этой причине сослали ещё дальше, в Яранск, заштатный городок в Вятской губернии. В самом деле, не мог же губернатор сослать туда самого себя или, например, своего предшественника?! (Между прочим, А. И. Герцен положил начало этой библиотеке, которая со временем стала одной из крупнейших в России, а с марта 1917 г. вплоть до настоящего времени носит его имя.)

выше того, которое в то время получалось во многих других гимназиях. Этому много способствовала страстная любовь к науке и несколько даже педантическое уважение к ней в покойном директоре... гимназии, старике профессоре, имя которого известно и учёной литературе, – Илье Фёдоровиче Тимковском» [153, с. 309].

К. Д. Ушинский обращался в воспоминаниях к памяти своего первого наставника: «Твоим нелицемерным, продолжавшимся до гроба служением науке, твоим благоговейным отношением к ней и твоею постоянною верою в другую, гораздо более высшую святыню ты посеял в сердцах своих воспитанников такие семена, которые да поможет им бог передать своим детям. Искренние учёные стремления и глубокие религиозные убеждения, соединявшиеся в незабвенном Илье Фёдоровиче, имели сильное влияние на гимназию.

Почтенный старик, переходивший беспрестанно от Горация и Вергилия к Библии и от постовых молитв, которые он сам читал в кругу гимназистов, к цитатам из Тацита и Цицерона, был и в то время явлением не совсем обыкновенным, а ныне даже очень и очень редким. Вот почему во времена И. Ф. Тимковского воспитанники Новгород-Северской гимназии отличались на экзаменах во всех университетах. Между нами жило, мы и сами не знали почему, какое-то благоговейное уважение к науке и к тем немногим учителям и даже товарищам, которые ревностно ею занимались. Умение переводить трудные места Горация или Тацита было патентом на всеобщее уважение. Такого ученика VII класса знали даже довольно оборванные мальчуганы первейшего (т. е. приготовительного) класса, смотрели на него с уважением и произносили его имя как имя какого-нибудь Гумбольдта. Другие предметы были слабее, а новые языки, по неимению ни хороших преподавателей, ни хороших руководств, шли очень плохо. Старик директор появлялся в гимназии редко, но его появление было как-им-то страшным судом для воспитанников, хотя, надобно заметить, он, кроме первейшего класса, нигде не позволял употребления розог» [153, с. 310].

И далее Ушинский продолжает: «Но, несмотря на замечательную личность директора, несмотря на то, что Новгород-Северская гимназия была одною из лучших в то время, если теперь припомнить всё, что могла дать она прилежнейшим из своих учеников, то нельзя не сознаться, что всё это было весьма не обширно. Хорошо уже и то, что у большей части учеников были любимые предметы; но вообще учение далеко не достигало той полноты подготовительных сведений,

которых можно и должно требовать от гимназии. Мы узнавали только кое-что то из той, то из другой науки; но любили и уважали то, что узнавали, и это уже было много. Плохие, тощие учебники и отсутствие всяких педагогических сведений в преподавателях всего более были причиной такой неполноты сведений, потому что при хорошем учебнике и благоразумной методе и посредственный преподаватель может быть хорошим, а без того и другого и лучший преподаватель с такими редкими способностями и таким рвением к делу, которые трудно предположить в человеке, ограничившемся скромною учительскою карьерою и скудным учительским жалованьем, долго, а может быть и никогда, не выйдет на настоящую работу» [153, с. 310].

Впоследствии К. Д. Ушинский познакомился с внутренним миром столичных школ и «узнал, что в иных огромных детских казармах, где всё так вылакировано, вычищено, всё блестит и сверкает, всё хвастливо кидается в глаза своей обдуманностью и порядком, где дети находятся ежеминутно под бдительным надзором неусыпных начальников, украшенных за свою бдительность всеми возможными отличиями, – заводятся между детьми те же пороки, которые водились и между нами в бедных лачугах Новгород-Северска. Только эти пороки принимают здесь ещё более характер повальных болезней, тщательно скрываемых, но не искореняемых начальством» [153, с. 313].

Лишь в зрелом возрасте Ушинский оценил положительные стороны школы, в которой ему довелось учиться в детстве: «О! тогда я оценил по достоинству и постовые молитвы покойного Ильи Фёдоровича и наше уважение к одам Горация, и нашу любовь к учителю истории, и нашу гордость своими маленькими сведениями, и почтительный страх, который овладевал нами при слове: университет!» [153, с. 313]

И. Ф. Тимковский принял гимназию в период её преобразования из четырёхлетней в семилетнюю. Несомненно, он обладал большим педагогическим опытом и был передовым педагогом, отстаивавшим уже в то время необходимость грамоты для крестьянства. Он боролся с механическими методами преподавания, требовал от учителя разумного и обстоятельного, основанного на твёрдом знании объяснения урока. В первые годы заведования И. Ф. Тимковским гимназией произошло некоторое уменьшение количества учащихся ввиду строгости экзаменов, как вступительных, так и переводных, но вслед за тем количество учеников стало быстро возрастать: в 1833 г. – 126 учеников, в 1838 г. – 454. Поэтому в Новгород-Северской гимна-

зии раньше, чем во многих других гимназиях, потребовалось разделить первые три класса на два отделения, о чём состоялось Высочайшее повеление 27 декабря 1838 г.

В качестве директора гимназии И. Ф. Тимковский занял в ней, прямо скажем, своеобразное положение. Себя он считал высшим руководителем и наблюдателем за жизнью гимназии в целом и поэтому возложил повседневную будничную работу по гимназии на инспектора, на котором и лежала забота о поведении учащихся и организации учебной жизни, а также наблюдение за ходом преподавания. Сам же он по-прежнему почти безвыездно проживал в своём имении, наслаждаясь природой и перечитывая римских классиков. В гимназии он появлялся всего несколько раз в году, чтобы прочесть ученикам какую-либо речь или в конце года провести экзамены. Несмотря на такие исключительно льготные условия, созданные им для своей работы, И. Ф. Тимковский, тем не менее, оказывал нравственное влияние на гимназию в целом, т. е. на учеников и учителей, своей личностью.

Михаил Корнеевич Чалый (1816–1907), впоследствии крупный литературовед, друг и биограф Т. Г. Шевченко, а в детские годы товарищ и одноклассник Ушинского по гимназии, оставил очень интересные воспоминания о директоре И. Ф. Тимковском: «Илья Фёдорович, уезжая в своё имение Турановка в 40 верстах от города на каникулярное время, оставался там до конца октября, наслаждаясь по примеру Горация Флакка, своего любимца, прелестями сельской природы. С конца октября до конца декабря директор жил в своём городском доме, но гимназии не посещал. Приезжая во время отпуска учащихся на вакации 20 декабря, он собирал всю гимназию в залу, говорил *viva voce* (т. е. устно, экспромтом. – В. П.) речь и надобно знать, что эти речи-импровизации были лучшими его произведениями: он говорил увлекательно, убедительно и просто. Темами для своих речей И. Ф. обыкновенно избирал какой-нибудь афоризм или изречение знаменитого мужа вроде, например, следующего: “Император Тит, недовольный проведённым днем, говорил своим друзьям: *Amici! Hodie diem perdidit*” (Друзья! Сегодня я потерял день! – В. П.). Затем следовало развитие главной мысли применительно к событиям в жизни школы.

По окончании речи он давал воспитанникам трёх высших классов несколько тем на праздники и уезжал в свою Турановку до поста. В продолжение великого поста директор приезжал в гимназию только раз, на Андреево стояние (Чтение в середине великого поста покаянного канона Андрея Критского), а потом уезжал из города встречать в

деревне весну и возвращался в конце мая, перед самыми экзаменами, на которых он просиживал ежедневно по десяти часов...

На экзамен директор привозил целую гору классиков и заставлял нас всегда переводить места незнакомые, продерживая ученика возле стола больше часу. Всегда ровный, спокойный, директор сохранял олимпийскую невозмутимость, когда все вокруг волновались... Экзамены производились при самой торжественной обстановке: посреди зала ставился длинный, покрытый красным сукном стол, какое-то необыкновенное кресло для директора, напоминавшее трон великих московских князей; на столе лежала целая куча книг в красивых заграничных переплетах и редкие издания римских классиков, из которых мы должны были переводить *à livre ouvert* (с закрытыми книгами), начиная с V класса.

Любимыми предметами Ильи Фёдоровича были латынь и русская словесность. Экзамены по этим предметам тянулись иногда с утра и до полуночи. Ученики переводили выбранные им самим отрывки из прозаиков и поэтов. Уже между учениками V класса были такие бойкие латинисты, которые довольно свободно переводили “Георгики” Вергилия, “Элегии” Овидия и даже некоторые из речей Цицерона. Напавши на такого доку, директор оживлялся и долго не отпускал его от стола, наслаждаясь красотами выражений и успехами испытуемого. Но не на одних отличных останавливал своё внимание наш директор. И посредственные ученики от него не скоро отделялись. С необыкновенным терпением он выслушивал не вполне удовлетворительный ответ и весьма искусными приёмами старался навести его на дорогу, помогая делать анализ и конструкции слов и заставляя усиленно работать мозгами, и только тогда оставлял его в покое, когда убеждался в его неспособности» [161, с. 87–88].

М. К. Чалый вспоминал, что директор Тимковский не одобрял телесных наказаний, бывших во всеобщем употреблении в школах, и рекомендовал учителям ограничиваться только более мягкими мерами, которые не могут оказать дурного влияния на характер. В то же время Ушинский упоминает в воспоминаниях о *палях* (удар линейкой по ладони), стоянии на коленях, ночёвке в сторожке и т. п. Увольнения, т. е. разрешение на пропуск занятий, допускались только в исключительных случаях. Однажды инспектор представил к увольнению из школы злостного нарушителя дисциплины ученика Трипольского. По этому случаю, – вспоминал М. К. Чалый, «директор приехал в гимназию и тотчас велел собрать в залу все классы, сказал трога-

тельную речь об испорченности молодого поколения, привёл цитаты из Саллюстия и Тацита; наконец, вызвал на середину Трипольского и голосом, полным негодования, сопровождая слова выразительными жестами, сказал: «Иди от нас! Не оскверняй своим дыханием святилища науки и доброй нравственности». У порога стоял сторож Парамон с грязной метлой, которой и выметал за гимназические ворота негодный сор» [161, с. 326]. Как видим, Тимковский был не чужд патетики и, что называется, «умел вставать в позу».

М. К. Чалый вспоминал с юмором о почтенном педагоге Игнатъеве «с его любезной “арифметичкой”, представлявшейся ученикам не иначе, как в образе синей тетрадки, в которой им досконально были известны все задачи со всеми их нехитрыми решениями. Дети отлично понимали, как “в один высокаторжественный день выстрелено было из пушек 101 раз и сколько пороху на эти выстрелы было потрачено”, “как катилось колесо и сколько раз оборотилось оно в минуту”. Задачи эти много лет повторялись слово в слово, так что не зная их решения мог только самый несообразительный человек» [161, с. 326]. Сменивший его новый математик стал требовать от учеников не только решения задач, но ещё и «разсуждений».

Вспоминал Чалый и «латиниста», который, желая привлечь внимание учащихся к изложению жизнеописания греческого военачальника Датама, жившего в IV в. до новой эры, руководствовался казавшимися ему увлекательными трудами древнеримского историка I в. до новой эры Корнелия Непота. Стоило учителю лишь начать свой рассказ: «Вообразите, господа, как этот воинственный муж скачет на коне», как ученики тут же, стремясь «затянуть» урок, с «самым серьёзным видом» начинали задавать ему «уточняющие» вопросы, демонстрируя «заинтересованность» в латыни: «А какой масти была лошадь у Датама? А как ехал Датам, – рысью или галопом? Чем кормил Датам своего коня, – овсом или сеном» [161, с. 327]. Целью таких вопросов, понятно, было затягивание рассказа учителя, с тем чтобы ему не хватило времени на последующий опрос учеников. Вместе с тем и М. К. Чалый, и К. Д. Ушинский с благодарностью вспоминают и любимых учителей, в частности историка Михаила Ерофеева.

Успешная педагогическая деятельность И. Ф. Тимковского побудила попечителя вновь образованного Киевского учебного округа Егора Федоровича фон-Брадке (1796–1861) предложить ему занять место директора Нежинского лицея в 1834 г., но Илья Фёдорович отказался, мотивируя отказ желанием быть поближе к своим родным и

привязанностью к Новгород-Северской гимназии. Да и возраст уже давал о себе знать.

Окончательно И. Ф. Тимковский вышел в отставку в 1838 г.; предписанием от 21 октября он был уволен с пенсией 2000 рублей и с «пожалованием в одной из великорусских губерний имением в количестве 1000 десятин» [66, с. 75]. Он поселился в своём имении Турановка (по другим данным – Турхановка) в Черниговской губернии, где деятельно занимался хозяйственными и семейными делами, написанием воспоминаний. Особенно увлекался И. Ф. Тимковский в эти годы пчеловодством, и в журнале в 1853 г., № 19, вышла его публикация «О состоянии пчеловодства в Черниговской губернии». И. Ф. Тимковский написал также воспоминания, о которых с похвалой отзывался М. П. Погодин; они были опубликованы в «Москвитянине» (1852) и перепечатаны в «Русском архиве» (1874). В «Москвитянине» вышла также его статья «Судья и парадоксы» (1855. № 19).

О личной жизни И. Ф. Тимковского практически нет сведений. Известно, что у него были дети: Василий, Елизавета, Николай, Варвара, София. И. Ф. Тимковский скончался в поместье Турановка 15 (27) февраля 1853 г. [173, с. 517] Личность своеобразного, во многих отношениях замечательного педагога, организатора российского образования И. Ф. Тимковского заслуживает доброй памяти потомков, а его биография и научное наследие – дальнейшего изучения.

P. S. Данная часть монографии была уже готова к опубликованию, когда автор получил сообщение от историка Владимира Алексеевича Корсакова, который обратил наше внимание на то, что фотопортрет И. Ф. Тимковского, который, кстати, приводится и в данной книге, а также в целом ряде других источников, в частности в Википедии, на сайтах Харьковского университета и Новгород-Северской гимназии, в книге «К. Д. Ушинский в портретах, иллюстрациях, документах» (Ленинград, 1950), во всех собраниях сочинений К. Д. Ушинского (1950-х и 1980-х гг.), является изображением не И. Ф. Тимковского, а совсем другого человека – И. И. Халанского. В доказательство своего мнения В. А. Корсаков приводил заметку биографа И. Ф. Тимковского Н. В. Шугурова из издания «Киевская старина» № 12 за 1891 г. под названием «Невольная ошибка (Письмо в редакцию). Приведём этот материал полностью: «В августовской, сентябрьской и октябрьской книжках “Киевской Старины” за этот год была напечатана моя статья “Илья Фёдорович Тимковский”, сопровождавшаяся приложенным к сентябрьской книжке портретом, на котором, по ошибке

типографии, не было сделано подписи. Теперь обнаружилось, что типография была права в своей ошибке, (хотя и не признавала этого), и что при изготовлении портрета произошла другая, очень прискорбная для меня ошибка, о которой я считаю своим долгом рассказать.

Желая приложить к своей статье портрет И. Ф. Тимковского и помня, что в Новгород-Северской гимназии сохраняются портреты её двух первых директоров, т. е. И. И. Халанского и И. Ф. Тимковского, я, не имея возможности быть лично в Новгород-Северске, отнёсся туда с письменной просьбой снять для меня фотографическую копию с имеющегося в гимназии портрета И. Ф. Тимковского. В ответ на эту мою просьбу я получил тот портрет, снимок с которого приложен к сентябрьской книжке «Киевской Старины». Теперь, когда статья моя появилась в печати, я получил от внучки И. Ф. Тимковского О. А. Постельниковой, которой я обязан возможностью ознакомиться с сообщёнными в моей статье рукописными материалами, – известие о том, что единственная из дочерей И. Ф. Тимковского, остающаяся в живых, Елисавета Ильинична Андреева, по рассмотрении приложенного к Киевской Старине портрета нашла, что это портрет не отца её И. Ф. Тимковского, а её деда – И. И. Халанского. Из этого видно, что при исполнении моей просьбы, о которой я упомянул выше, в Новгород-Северске перепутали один портрет с другим и что в гимназии, сохранившей портреты двух первых директоров своих, не сохранилось достоверной памяти о том, который именно из этих двух портретов изображает И. Ф. Тимковского и который – И. И. Халанского, благодаря чему я и впал в невольную ошибку.

Желал бы, по мере возможности, исправить эту ошибку и чувствую, что исправление должно быть двойное: вместо портрета, ошибочно приложенного к моей статье, надо дать действительный портрет И. Ф. Тимковского; с другой стороны, т. к. вследствие описанной ошибки «Киевская старина» дала своим читателям портрет И. И. Халанского и т. к. это был тоже небесполезный деятель, то нужно познакомить читателей с личностью этого человека. Постараюсь со временем исполнить это, если не встретится к тому каких-нибудь препятствий. Примите уверение в совершенном своём уважении. Н. Шугуров». К сожалению, Николай Васильевич Шугуров не реализовал это своё намерение. Во всяком случае, в последующих номерах «Киевской старины» к данному вопросу больше не было обращений.

Автор монографии был уже готов смириться с мыслью о том, что ему, по всей вероятности, так никогда и не удастся узнать, как в

действительности выглядел И. Ф. Тимковский. Однако вечером 2 марта 2023 г., буквально за несколько часов до наступления дня 200-летия К. Д. Ушинского, автор данной монографии получил новое письмо от В. А. Корсакова с портретом И. Ф. Тимковского в молодости. Это изображение было включено в книгу «Максимович М. О. Листи / упоряд., авт. вступ. ст. Віктор Короткий. – Київ: Либідь, 2004. – 312 с. : іл. – (Пам'ятки історичної думки України)». В данной книге мы приводим рисунок с изображением И. И. Халанского, который размещён на сайте Новгород-Северской гимназии, и, судя по стилистике и манере письма художника, этот рисунок, по всей вероятности, был выполнен уже в наши дни. Также мы помещаем портреты И. Ф. Тимковского в молодости и в зрелые годы.

Илья Фёдорович Тимковский ярко проявил себя в сфере организации высшего и среднего образования, а также как литератор и правовед и, несомненно, заслуживает доброй памяти потомков.

И. Е. О. Гугель

Один из предшественников К. Д. Ушинского в должности инспектора классов в Гатчинском сиротском институте (воспитательном доме) Е. О. Гугель был примечательной личностью. По отзывам современников, он гармонично сочетал в своей педагогической работе черты администратора и педагога-практика; был автором ряда ценных методических сочинений. В то же время отечественные историки педагогики не уделяли своего внимания характеристике его плодотворной деятельности.

Егор Осипович (Иосифович) Гугель, немец по происхождению, родился в 1804 г. в небольшом городке Хильдбургхаузен, входившем в герцогство Саксен-Хильдбургхаузен, ныне находящееся в федеральной земле Тюрингия, ФРГ. Его настоящие имя и фамилия остались неизвестны, так же как и обстоятельства его перемещения в Россию в 1809 г. Приёмный отец будущего педагога, музыкант-валторнист Иосиф Франц Гугель (1774–1848) в июле 1814 г. отправил мальчика во второй класс в знаменитую лютеранскую школу Петришуле (официальное название – St. Petri-Schule) в Санкт-Петербурге. Егор Гугель проучился в этой школе до октября 1819 г.⁵

⁵ Первое упоминание о школе относится к 1709 г. Она была открыта адмиралом Российского флота Корнелиусом Крюйсом. С неё, по существу, началось образование в Санкт-Петербурге, поскольку эта была первая школа в столице России. Тогда она называлась школой при лютеранском приходе святых апостолов

После этого начался, пожалуй, самый сложный и неопределённый период в его жизни. Своему другу П. С. Гурьеву он говорил впоследствии, как много тяжкого он вытерпел в юношеские годы, которые у большинства людей обыкновенно бывают так богаты отрадными воспоминаниями [25, с. 8–9]. «На все мои тогдашние занятия, которые большею частью состояли в чтении и изучении педагогических писателей, родители мои смотрели как-то враждебно, не считая этого делом и упрекая меня в том, что я праздно провожу время, когда бы мог в любой коммерческой конторе получать хорошее содержание», – вспоминал Е. О. Гугель [25, с. 8–9].

3 ноября 1824 г. Е. О. Гугель поступил преподавателем немецкого языка в Главное инженерное училище, где и служил до августа 1830 г. «За отличные труды и способности» он дважды награждался золотыми часами и получил благодарность генерал-инспектора по инженерной части. Одновременно в 1826–1830 гг. он работал учителем, гувернёром, инспектором классов в частном пансионе реформатского пастора, швейцарца по происхождению, Иоганна (Иоганнеса) фон Муральта (1780–1850), нашедшего вторую родину в России и открывшего в Санкт-Петербурге пансион для богатой и знатной молодёжи. В молодости, получив теологическое образование в университетах Цюриха и Галле, фон Муральт работал домашним учителем в семье знаменитой писательницы баронессы мадам де Сталь⁶. Затем в 1804–1810 гг. фон Муральт работал в школе великого швейцарского педагога И. Г. Песталоцци. Он не только усвоил уроки гуманности своего великого соотечественника, но и стал первым педагогом, стремившимся внедрить на русской почве его идею «элементного образования». Эта идея Песталоцци стала дидактическим стержнем всей преподавательской деятельности фон Муральта, а через него и Е. О. Гугеля.

В январе 1831 г. Гугель женился, 25 июля 1833 г. принял присягу на российское подданство; до этого он числился саксонским поддан-

Петра и Павла и располагалась на месте нынешнего Эрмитажа. С 1762 г. она именовалась школой языка, искусств и науки, в 1836 г. стала Главным немецким училищем при Санкт-Петербургской лютеранско-евангелической церкви Святого Петра. Здесь всегда училось много детей этнических немцев. В 1996 г. школе было возвращено её историческое название – «Петришule». Расположена школа в здании по адресу: Невский проспект, 22–24, построенном в начале 1760-х гг. В разные годы здесь учились литератор П. П. Вяземский, архитекторы К. И. Росси и Н. Л. Бенуа, композитор М. П. Мусоргский, педагог и врач П. Ф. Лесгафт, адмирал П. В. Чичагов и другие выдающиеся россияне.

⁶ Полное имя – Анна-Луиза Жермена де Сталь-Гольштейн.

ным. 1 сентября 1830 г., по рекомендации А. Г. Ободовского и по результатам специального «испытания», которое проводил статс-секретарь учреждений императрицы Марии действительный тайный советник Григорий Иванович Вилламов, Е. О. Гугель был назначен инспектором классов в Гатчинском сиротском институте (воспитательном доме). Кроме того, с апреля 1836 г. Гугель преподавал немецкий язык в 3-м латинском классе, а с 10 сентября 1840 г. – ещё и педагогику с психологией во впервые учреждённом при 5-м латинском классе «педагогическом отделении».

Должности инспектора классов, а позднее ещё и смотрителя школы «для малолетних детей», представлявшей собой фактически первый русский детский сад, он исполнял по 14 февраля 1841 г., когда получил шестимесячный отпуск для лечения душевной болезни за границей с выдачей пособия в две тысячи рублей. В августе того же года он вернулся из отпуска, но «припадки умопомешательства усиленно проявлялись», и по предписанию врачей он был помещён в больницу Всех Скорбящих. Супруге Гугеля на период болезни мужа выдавалось причитавшееся ему содержание по должностям инспектора классов и смотрителя школы. Затем она получила пособие в размере 630 р. на погребение, а с 4 июня 1842 г., даты смерти Е. О. Гугеля, – пожизненную пенсию размером 540 р. год.

Учительскую деятельность в Гатчинском воспитательном доме Гугель начал в качестве преподавателя иностранных языков. Одной из первых тем его методических разработок была сравнительная грамматика живых языков. Но уже к началу 1830-х гг. Гугель стал одним из ведущих методистов-словесников. (Подробнее об истории Гатчинского сиротского института см, Приложение I.)

Вступив в должность в Гатчинском воспитательном доме, Гугель энергично преобразовывал начальные классы, заменив в обучении грамоте существовавшую ранее белл-ланкастерскую систему обучения на усовершенствованные им и адаптированные к условиям русской школы методы И. Г. Песталоцци, Ж. Ж. Жакото и Ж.-Б. Жирара. Нововведения Гугеля всецело поддерживались почётным опекуном института Алексеем Васильевичем Васильчиковым. Своими методическими находками Гугель стремился поделиться с единомышленниками и коллегами – «главным наблюдателем за учебной частью»⁷ Гатчинского сиротского института Петром Семёновичем Гурьевым (1807–1884) и Александром Григорьевичем Ободовским (1796–1852).

⁷ Эта должность позднее и называлась «инспектор классов».

Вместе они составили своего рода первый в России научно-педагогический коллектив исследователей-методистов.

П. С. Гурьев был сыном известного российского математика – академика Семёна Емельяновича Гурьева (1762–1813). В Гатчинском воспитательном доме П. С. Гурьев работал с 1828 г. Он выступил как один из первых русских методистов-математиков, а А. Г. Ободовский – как разработчик методики преподавания географии.

А. С. Ободовский родился 23 марта (3 апреля) 1796 г. в г. Галиче Костромской губернии в семье врача. Его братья, драматург П. Г. Ободовский (1803–1864) и генерал-майор Н. Г. Ободовский (?–1871), также вошли в историю России. Что касается Гугеля, то он своими многочисленными трудами не только заложил методические основы едва ли не всех школьных дисциплин. Друзья стремились утвердить в отечественной педагогике усвоенные ими в юности гуманистические идеалы И. Г. Песталоцци, а Гугель, к тому же вполне справедливо, считал себя «учеником его ученика».

Для того чтобы иметь возможность знакомить российских учителей с результатами своих – и не только своих, разумеется, – методических находок, друзья учредили в 1833 г. «Педагогический журнал», с которого берёт своё начало российская педагогическая журналистика. До этого в России в области просвещения был только «Журнал министерства народного просвещения» (далее – ЖМНП). Но это был официальный орган, который печатал преимущественно официальные документы, в то время как детище Гугеля, Гурьева и Ободовского было первым *чисто педагогическим изданием*, регулярно выходившим и созданным на общественных началах. Журнал выпускался в течение двух лет. Он стоял на демократических позициях, творчески разрабатывал важнейшие педагогические проблемы; был одновременно теоретическим и вместе с тем методическим изданием. Авторы публиковавшихся статей размышляли о том, каким образом должна быть устроена школа, – естественно, в интересах ребёнка; каким путём следует добиваться общечеловеческого, а не сословного воспитания и т. д.

Заявленные на страницах журнала проблемы и сегодня выглядят актуально. Методическая книга П. С. Гурьева «Уроки чтения и письма по методу Жакото, расположенные в разговорах», опубликованная в «Педагогическом журнале» в 1833 г., есть не что иное, как развернутое на десятки страниц повествование, на страницах которого в особой форме представлены разного рода филологические «трудности».

В итоге, читая книгу как художественное произведение, ребёнок преодолевает их.

Здесь уместно пояснить, в чём заключались основные идеи Жакото. Подход французского педагога Жана Жозефа Жакото (1770–1840) к обучению чтению был основан на трёх принципах: *кто сильно хочет, тот может* (т. е. все люди обладают примерно одинаковыми умственными возможностями и различаются только степенью желания их использовать); *человеческий разум способен сам образовывать себя, без указаний преподавателя* (т. е. каждый человек способен к самообразованию); наконец, *всё есть во всём* (т. е. научить очень многому можно, используя самый простой дидактический материал). Методика Жакото заключается в том, чтобы дать ученику, впервые изучающему язык, короткий отрывок из нескольких строк и побудить его изучить сначала слова, затем буквы, грамматику и в заключение понять смысл всего текста.

Жакото был убеждён, что один-единственный абзац должен стать поводом для изучения целой книги, из которой он взят. Книга, которую он сам часто использовал в качестве исходного материала для обучения, была «Приключения Телемака» (“Les Aventures de Télémaque”) Франсуа Фенелона. Метод Жакото, как и метод Песталлоцци, был направлен на стимулирование умственной активности обучаемого. Жакото ставил на первый план упражнения по укреплению памяти; в преподавании языков он обращал основное внимание на обучение чтению. Метод Жакото применялся при изучении математики, географии, истории, естественных наук и даже музыки и рисования. Идеи Жакото поддерживал швейцарский педагог Жан-Батист Жирар (1765–1850), который, в частности, советовал в процессе обучения изгонять абстракции, которые выше понимания ребёнка. Обучать принципам и правилам он рекомендовал с помощью конкретных примеров, а трудности вводить постепенно. Жакото также был сторонником системы мониторинга, в основе которой был метод, получивший в России наименование белл-ланкастерский и основывавшийся на использовании учителем более способных учеников в качестве «помощников» учителя, передававших полученную ими информацию другим, менее способным товарищам.

Идея Ж. Ж. Жакото и Ж.-Б. Жирара – сначала учить чтению и письму и только затем изучать начала теории – представляла собой движение от понимания к озвучиванию, от смысла к букве, что выглядит вполне современно и сейчас. К сожалению, важнейшие сторо-

ны развиваемых тогда Гугелем подходов к начальному образованию были в дальнейшем забыты в России.

Е. О. Гугель по праву считается первым русским теоретиком дошкольного воспитания и создателем первого в нашей стране дошкольного образовательного учреждения. В течение ряда лет он изучал опыт создания воспитательных заведений для детей 2–7 лет в Англии, Германии, Швейцарии, Нидерландах и Франции. Обзор опытов представлен в его статье «О школах для малолетних детей» в «Педагогическом журнале»; это была первая большая статья о дошкольном воспитании на русском языке.

В 1832 г. Гугель, Ободовский и Гурьев предложили руководству Гатчинского института открыть при нём дошкольное учреждение – школу «для приходящих малолетних детей». Однако эта идея не нашла поддержки, главным образом по финансовым соображениям, а также в силу своей новизны. Тогда трое друзей в 1833 г. основали небольшую экспериментальную школу при сиротском институте на свои средства. Для школы был снят маленький домик в Гатчинском парке возле института. Туда на весь день приводили 10 мальчиков-сирот от трёх до шести лет, живших на попечении гатчинских обывателей⁸. Начинание имело полный успех. П. С. Гурьев вспоминал: «Дети, до того времени грубые, дикие и неопрятные, быстро стали изменяться и с радостью начали посещать школу, с горем и плачем возвращались из неё к тем людям, которые единственно из-за денег взяли их к себе».

В январе 1837 г. императором Николаем I был утверждён представленный Гугелем проект «малолетней школы» уже на 100 воспитанников. Этот «Проект об улучшении первоначального воспитания питомцев Гатчинского Воспитательного дома» можно считать первым отечественным нормативным документом в сфере дошкольного воспитания. По представлению нового почётного опекуна школы графа Михаила Юрьевича Вильегорского 11 февраля 1837 г. смотрителем (т. е. руководителем) школы малолетних детей как «лицо, которое в состоянии надлежащим образом руководить служащими при сём заведении и надзирательницами пансионеров», был определён Е. О. Гугель. Разумеется, Е. О. Гугель и Ф. Фрёбель действовали – один в Гатчине, другой в Тюрингии – независимо друг от друга, создавая свои учреждения для детей дошкольного возраста. Но вот что любопытно.

⁸ Это были дети-сироты, которые жили (находились на «патронировании») в благополучных городских семьях, которым государство выплачивало пособие на их содержание.

Фрѐбель в начале своей педагогической деятельности работал в учреждении И. Г. Песталоцци [102, с. 94]. В свою очередь, Е. О. Гугель был воспитанником И. фон Муральта, который, так же как и Фрѐбель, провёл ряд лет в школе великого швейцарского педагога. В соответствии с принятой в научной среде шуточной «генеалогией» мы вполне можем назвать Гугеля «внуком» Песталоцци и «племянником» Фрѐбеля.

К. Д. Ушинский, заставший «малолетнюю школу» через четырнадцать лет после смерти Гугеля, отзывался о ней как о «прекрасном учреждении, основанном на здоровых началах». Опыт гатчинской школы для малолетних детей послужил образцом для детских приютов, которые позднее организовывал В. Ф. Одоевский (1803–1869), а многие используемые там методы легли в основу разработанных им наставлений и рекомендаций. Выдающийся российский педагог, просветитель и детский писатель Владимир Федорович Одоевский считал себя непосредственным продолжателем педагогических идей и дел Гугеля. В его статьях встречаются ссылки на Гугеля и его труды, в частности на такие работы, как, например, «Чтения для умственного развития малолетних детей и обогащения их познаниями (СПб., 1832), «Метода Жакото. Отечественный язык», «Книга для постепенных переводов с русского языка на немецкий», а также на статьи в «Педагогическом вестнике» (О высших и низших взглядах в преподавании) // Педагогический журнал. 1834. Ч. 5; Литература педагогики // Педагогический журнал. 1834. Ч. 4).

П. С. Гурьев замечал, что «учебные книжки Гугеля возникали не вследствие желанья его приобрести ложную известность, а единственно вследствие крайней необходимости в руководствах в том заведении, где он был поставлен главным действующим по учебной части» [25, с. 20]. Дидактические статьи Гугеля чрезвычайно содержательны, наполнены искренним желанием автора разрешить ту или иную методическую «загадку» путём сравнения эффективности использования передовых идей зарубежных и отечественных педагогов. Некоторые его работы изданы небольшим тиражом и в скромном оформлении в наши дни [24]. Также они представлены (в выдержках) в «Антологии педагогической мысли России первой половины XIX в.» [3, с. 248–249].

Но, как справедливо отмечал В. Ф. Одоевский, «о Гугеле нельзя судить вполне по изданным им книгам, хотя они всё-таки лучшие, если не единственные, действительно педагогические книги в нашей литературе. Надобно было видеть его в кругу детей, надобно было видеть детей вокруг него, оживлённых его речью; казалось, с каждым

ребёнком он употреблял особый приём разговора; с каждым он говорил языком, ему вполне понятным. Как глубоко он знал все сокровеннейшие изгибы детского ума, с каким материнским сочувствием он выводил на свет мысли или понятия, запавшие в тайнике души младенческой, за минуту ей самой неизвестные; казалось даже, что он обладал даром, которым ещё не мог похвалиться ни один педагог, – даром предугадывать ответ ребёнка. Здесь любовь и наука достигали степени истинного вдохновения; лишь высокая душа могла так глубоко понимать младенческую душу. Педагогия была жизнью Гугеля, элементарное преподавание так сроднилось с его душой, что его истинно гениальные разговоры с детьми казались ему делом весьма обыкновенным, доступным для всякого; ему казалось, что если он набросает на бумагу несколько приемов, то всякий учитель поймёт, в чем дело. В том была единственная ошибка Гугеля: он не привязал к бумаге своей заветной тайны, и она похоронилась с ним» [24, с. 13–14].

Подобным образом высказывался о Гугеле и его ближайший соратник П. С. Гурьев: «Наделённый с избытком силою воли и предприимчивым характером, он отличался в особенности тою способностью, которая так нужна в деле воспитания, хотя и редко встречается в педагогах: это умение читать в детской душе и предугадывать её легкие, едва заметные проявления» [24, с. 34].

К. Д. Ушинский дал высокую оценку личности и педагогической деятельности Е. О. Гугеля. Он писал о своём замечательном предшественнике: «Это едва ли не первый наш педагог, который взглянул серьёзно на дело воспитания и увлёкся им. Но горько же и поплатился он за это увлечение. Покровительствуемый счастливыми обстоятельствами, он мог несколько лет проводить свои идеи в исполнение; но вдруг обстоятельства изменились, – и бедняк-мечтатель окончил свою жизнь в сумасшедшем доме, бредя детьми, школой, педагогическими идеями. Недаром же после него закрыли и запечатали его опасное наследство. Разбирая эти книги, исписанные по краям одною и тою же мёртвою рукою, я думал: лучше было бы, если бы он жил в настоящее время, когда уже научились лучше ценить педагогов и педагогические идеи» [96, с. 27].

Судьбы ближайших сотрудников Е. О. Гугеля сложились более счастливо. Гурьев более 20 лет проработал в Гатчинском сиротском институте преподавателем и инспектором классов. В 1854 г. он написал книгу «Очерк истории Гатчинского сиротского института», в которой отразил особенности работы в этом учебном заведении (дети-сироты, школьный интернат, соединение общего образования с элементами

профессионализации). В книге предпринята первая в российской педагогике попытка решения проблем педагогики с опорой на конкретный историко-педагогический опыт определённого типа учебно-воспитательного заведения. В этом заключается её научная ценность.

В 1858 г. П. С. Гурьев ушёл в отставку и переехал в своё имение Щупоголово Тесовской волости Новгородского уезда. Здесь он активно участвовал в делах Новгородской губернии, будучи губернским и уездным гласным Новгородского земства, мировым судьёй пятого Новгородского мирового округа, издавал брошюры по вопросам организации земской деятельности. Занимался организацией земских школ. Скончался 9 (21) сентября 1884 г.

А. С. Ободовский написал большое количество научных трудов по педагогике. Он выступил *автором первого русского учебника по педагогике*, вышедшего в 1835 г. под названием «Руководство к педагогике или науке воспитания». В 1836 г., также в Санкт-Петербурге, вышла его значительная работа «Руководство к дидактике, или науке обучения». Обе книги были подготовлены в соответствии с взглядами немецкого учёного Августа Германа Нимейера (1754–1828) и знаменовали собой появление в педагогической науке первых, пусть и вполне самостоятельных, работ российских авторов. Ободовским был выпущен ряд крупных трудов по математической и физической географии, статистике и черчению. Он скончался 17 (29) июня 1852 г. в Санкт-Петербурге.

Таким образом, Е. О. Гугель, а также его друзья и единомышленники П. С. Гурьев и А. С. Ободовский внесли значительный вклад в развитие отечественного образования; они, особенно Гугель, стали во многом предшественниками К. Д. Ушинского, а их методическое наследие заслуживает дальнейшего изучения и исследования со стороны российских историков педагогики.

ГЛАВА 2. СОРАТНИКИ

І. Л. Н. Модзалевский

Видный отечественный педагог и поэт, соратник К. Д. Ушинского по работе в Смольном институте благородных девиц Лев Николаевич Модзалевский родился 14 (26) февраля 1837 г. в родовом имении своих родителей, потомственных дворян, – отставного штабс-капита-

на Николая Львовича Модзалевского и его супруги Ольги Кузьминичны, урождённой Кудряевой. Имение родителей будущего педагога состояло из мызы, которую сами хозяева именовали Гари. Мыза, т. е. отдельно стоящая усадьба с хозяйственными и дворовыми постройками, располагалась в деревне Ивановская Марьинской волости Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии. Это место местные жители именовали Быстреевским погостом. (Ныне эта территория входит в состав Струго-Красненского района Псковской области.) С детства будущего педагога привлекала история родных мест. Вместе со своими приятелями из Ивановской и соседних деревень Зовка и Узьино он предпринимал походы в село Творожково, где располагался монастырь со Свято-Троицким собором, а также в несколько дальше расположенную от Гари Феофилову пустынь. Здесь внимание ребят привлекали развалины монастыря, основанного ещё в XIV в.

В 1844 г. семья переехала в столицу, и мальчика отдали в частный пансион Прасоловича. В 1848–1855 гг. он учился в гимназии № 3, а затем стал студентом историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета, который он окончил в 1859 г. со степенью кандидата филологии. Ещё в годы учёбы в университете Л. Н. Модзалевский получил первый опыт преподавания. Он начал свою педагогическую деятельность в качестве репетитора по истории, русской словесности и древним языкам в маленькой бесплатной школе, основанной группой студентов, которые с полным основанием считали себя деятельными сторонниками теории «малых дел».

Первыми впечатлениями от преподавательской деятельности Лев Николаевич поделился в своей знаменитой книге, скромно названной им «Очерком истории воспитания и обучения с древнейших до наших времён». Вот что он писал: «В попытках овладеть вниманием моих мальчиков, бойких и впечатлительных, в старании передать ученикам доступное им знание, я изведal новое наслаждение. И почувствовал, что школа есть моя родная среда. Мне было так хорошо в классе, как в гостях у самых близких людей, и я пожелал навсегда тут остаться» [60, с. 394–395].

После успешного завершения обучения на историко-филологическом отделении Лев Николаевич поступил на двухгодичные педагогические курсы при Санкт-Петербургском университете. Здесь он изучал русскую литературу и русскую историю под руководством знаменитых учёных: Михаила Ивановича Сухомлинова (1828–1901) и Нико-

лая Ивановича Костомарова (1817–1885). По окончании курсов в 1861–1862 гг. Л. Н. Модзалевский работал под руководством К. Д. Ушинского в Смольном институте благородных девиц. Константин Дмитриевич, в 1859 г. назначенный инспектором классов (заместителем начальника по учебной части) в этом престижном учебном заведении, стремился реформировать учебный процесс и с этой целью приглашал в качестве преподавателей тех педагогов, которых лично хорошо знал и считал самыми лучшими. Возможно, работа Л. Н. Модзалевского в Смольном продолжалась бы и более длительный срок, но в 1862 г. Ушинский вынужден был оставить место работы, и вслед за ним это учебное заведение покинули и другие приглашённые им педагоги. Тем не менее каждый из них считал время работы с Ушинским в Смольном институте самым памятным в своей жизни.

Как раз в этот период в министерских кругах вынашивалась идея открытия в России специализированных учебных заведений для подготовки учителей – учительских семинарий. Возникла настоятельная потребность в подготовке для них преподавательского состава. С целью его подготовки в германские университеты направлялись талантливые выпускники российских университетов. В их число удалось попасть и Льву Николаевичу. В 1862 г. Модзалевский был командирован в Гейдельберг для изучения педагогического дела. Там он постоянно общался с великим хирургом и организатором образования Н. И. Пироговым; Николай Иванович находился в знаменитом на весь мир университетском городе в качестве куратора этой группы молодых российских учёных.

Затем Л. Н. Модзалевский был командирован на годичную стажировку в Йенский университет, где на него наибольшее впечатление произвели лекции выдающихся учёных Германа Людвиг Гельмгольца (1821–1894) и Вильгельма Вундта (1832–1920).

Одновременно он стажировался в Йенской учительской семинарии, возглавляемой легендарным профессором Карлом Фолькмаром Стоем (1815–1885), до настоящего времени по справедливости считающимся в Германии одним из основоположников педагогического образования. В течение двух лет Л. Н. Модзалевский изучал в Германии педагогику, психологию, физиологию, философию и другие важные для дела образования науки. Кроме того, он знакомился с организацией учебно-воспитательного процесса в детских садах, гимназиях, народных и ремесленных школах, а также в педагогических учебных заведениях Германии, Швейцарии, Франции, Бельгии и Англии.

Свои впечатления и отчёты о зарубежной системе образования Л. Н. Модзалевский в 1863–1865 гг. регулярно публиковал в «Журнале министерства народного просвещения» (далее – ЖМНП), а заметки о быте студентов вышли отдельной брошюрой [57]. Это были самые первые материалы о зарубежной педагогике и особенностях образования в европейских странах, которые когда-либо публиковались российскими учёными в отечественных изданиях. Таким образом, Л. Н. Модзалевский вполне может считаться, наряду с Ушинским, первым отечественным педагогом-компаративистом.

Как раз в эти годы Л. Н. Модзалевский и К. Д. Ушинский особенно сблизились, стали друзьями. Они много общались в Германии. Модзалевский даже устраивал старшего сына Ушинского, Павлика, впоследствии трагически погибшего на охоте, в школу при Йенском университете. При этом Модзалевский постоянно следил за успехами мальчика, оказывал ему содействие в организации быта, постоянно информировал обо всём этом отца.

В это время Ушинский часто находился в состоянии депрессии. Он постоянно болел. Его беспокоили невесёлые мысли о том, как содержать детей, а их у Ушинского было шестеро. Единственной отдушиной для него в «швейцарско-германский» период был как раз Л. Н. Модзалевский. В своих письмах Лев Николаевич вносил ноту успокоения в расстроенные чувства К. Д. Ушинского. Именно он познакомил Константина Дмитриевича с находившимся в командировке в Гейдельберге Николаем Ивановичем Пироговым, а также с лечившимся в Германии директором Керченской гимназии, собирателем фольклора Виктором Гавриловичем Варенцовым [78; 80]. Не будет преувеличением сказать, что именно Л. Н. Модзалевский был ближайшим другом и помощником Ушинского в течение достаточно длительного времени, и особенно в самые трудные периоды жизни великого русского педагога. По возвращении в Санкт-Петербург в 1864 г. Л. Н. Модзалевский вернулся и на работу в Смольный институт, где преподавал педагогику в специальных педагогических классах, ученицы которых были ориентированы на работу в школе. Эту работу он считал исключительно важной, поскольку получение женщиной учительского образования давало ей возможность получить достойную профессию и реализоваться в жизни как личности.

Важной страницей педагогической биографии Льва Николаевича стала его работа в 1865 г. на высших педагогических курсах при 2-й военной гимназии. Цель этих курсов состояла в «приготовлении

учителей военных гимназий». Руководителем курсов был полковник Г. Г. Данилович, который своими разумными административными действиями обеспечивал лучшую на то время в России профессиональную подготовку учительских кадров. На этих курсах работали самые известные и передовые российские педагоги; среди них Н. Х. Вессель, В. И. Водовозов, Д. Д. Семёнов, К. К. Сент-Илер, И. Ф. Рашевский, В. А. Рашевский [102, с. 251]. Многие из них стали единомышленниками ещё в годы совместной работы в Смольном институте. Кроме того, в 1865 г. по заданию министерства народного просвещения Л. Н. Модзалевский организовал и возглавил в уездном городе Андреев Радомской губернии Царства Польского курсы для подготовки народных учителей; они вошли в историю как *Андреевские курсы*. Здесь Лев Николаевич преподавал методику первоначального обучения, русский и славянский языки, выполнял обязанности инспектора курсов. Таким образом, мы считаем, что Модзалевский был одним из важнейших деятелей своего времени в области подготовки педагогических кадров. Причём свой практический опыт он стремился сделать по возможности доступным для других организаторов этого дела. С этой целью им публиковались в журналах многочисленные материалы: образцы уроков и программы.

Л. Н. Модзалевский стремился как можно полнее реализовать свой недюжинный творческий потенциал. При этом вопрос об оплате своих педагогических услуг он неизменно ставил на последнее место. Так, он откликнулся на предложение работать на общественных началах в Василеостровском бесплатном училище для бедных детей.

В 1866 г. Л. Н. Модзалевский, по личной просьбе принца Петра Георгиевича Ольденбургского (1812–1881), который был главным управляющим учреждений ведомства императрицы Марии Фёдоровны, был назначен инспектором (начальником) благотворительного приюта для девочек. За короткий срок Лев Николаевич улучшил здесь постановку преподавания, ввёл новые методы и формы организации занятий, уделил серьёзное внимание эстетическому воспитанию, трудовому обучению и физическому развитию воспитанников. Одновременно он преподавал историю в Императорском училище правоведения, а также русский язык и словесность в родной для него 3-й гимназии (1864–1867).

Большим событием для Льва Николаевича стало участие в 1865 г. по направлению министерства в качестве гостя в проходившем в г. Лейпциге общегерманском съезде учителей [37, с. 14].

По приглашению редактора ЖМНП К. Д. Ушинского Модзалевский стал одним из самых деятельных сотрудников этого издания и продолжал оставаться таковым даже тогда, когда Константин Дмитриевич покинул эту должность. В дальнейшем Л. Н. Модзалевский тесно сотрудничал – как автор, рецензент и помощник редактора – с такими авторитетными российскими журналами, как «Народная школа», «Педагогический сборник», «Образование», «Семья и школа». В период работы в Тифлисе он только в газете «Кавказ» опубликовал более 150 статей, посвящённых различным общественным, главным образом педагогическим, вопросам. При этом ему неоднократно приходилось редактировать труды К. Д. Ушинского и даже выступать его соавтором. Мы имеем в виду книгу «Родное слово», для которой Модзалевским, как он сам вспоминал, по просьбе Константина Дмитриевича были сочинены одиннадцать стихотворений [60, с. 350]. Поэтому не случайно в некоторых источниках Модзалевский даже указывается как соавтор Ушинского. На наш взгляд, это всё-таки явное преувеличение заслуг Модзалевского в работе по подготовке «Детского мира» и «Родного слова».

Как известно, Ушинский включил в эти замечательные книги, помимо своих оригинальных текстов, значительное количество произведений народной литературы, многочисленные фрагменты русских и зарубежных авторов; в их числе – отрывки из произведений Пушкина, Лермонтова, Державина, Карамзина, Гончарова, Крылова, Хемницера, Дмитриева, Тютчева, Фета, Никитина, Кольцова, Модзалевского и других российских авторов, а также переводы из Беранже и Гейне. Причём некоторые из них были переработаны «отцом русской педагогики» в соответствии с методическими задачами, которые ставились им в процессе работы над указанными книгами. Все эти тексты были хорошо известны читающей публике, и ни у кого не вызывала сомнений их авторская принадлежность, тем более что Ушинский во многих случаях указывал их авторство. Во многих, но не во всех... Фамилии Модзалевского, увы, в списке авторов нет.

Возникает вопрос, с какой целью Ушинский попросил Модзалевского написать стихотворения для «Родного слова». Неужели ему было недостаточно произведений вышеуказанных авторов? Как это ни покажется странным, но дело обстояло именно так! Западноевропейская и русская литература середины XIX в. действительно не вполне удовлетворяла Ушинского с точки зрения включения отрывков из неё в задумывавшиеся им учебные книги.

Современный отечественный исследователь Семён Филиппович Егоров (1928–2008) отмечал, что в рукописях К. Д. Ушинского сохранились две тетради стихов, предназначавшихся для «Родного слова», в том числе тексты, подписанные инициалами *К. У.* и *Л. М.*, что недвусмысленно указывало на их авторство [30, с. 5]. Однако содержание этих тетрадей было использовано, к сожалению, не в полной мере. Но, может быть, – и это вполне вероятно, – что Ушинский посчитал их не вполне совершенными.

Самое известное стихотворение Л. Н. Модзалевского «Приглашение в школу», впервые опубликованное во втором издании «Родного слова», вообще не было подписано. Лишь через 15 лет в собрании песенок «Свирель» (Москва, 1878) автором текстов этих песен, в том числе и «Приглашения в школу», был назван Лев Николаевич Модзалевский. Составителем сборника выступил его друг – композитор, пианист и скрипач Василий Васильевич Кюнер (1840–1911). К сожалению, фамилия Л. Н. Модзалевского в настоящее время мало у кого ассоциируется с указанным произведением. А между тем это его самое известное стихотворение, и теперь известно в России очень многим, хотя бы и частично.

Приведём его полностью.

*Дети! В школу собирайтесь, / Петушок пропел давно!
Попроворней одевайтесь – / Смотрит солнышко в окно!
Человек, и зверь, и птишка / Все берутся за дела;
С ношей тащится букашка, / За медком летит пчела.
Ясно поле, весел луг, / Лес проснулся и шумит,
Дятел носом тук да тук! / Звонко иволга кричит.
Рыбаки уж тянут сети, / На лугу коса звенит...
Помолясь, за книгу, дети! / Бог лениться не велит! (1864)*

17 августа 1866 г. Лев Николаевич венчался с Александрой Ивановной Константинович (1848–1920). В 1867 г. начался продолжительный период работы Л. Н. Модзалевского в Тифлисе. Лев Николаевич служил в управлении Кавказского учебного округа чиновником для особых поручений при попечителе Я. М. Неверове, а также в должности окружного инспектора.

Модзалевский принимал участие в заседаниях попечительского совета, готовил заключения по учебным материалам, поступавшим в округ, был членом нескольких окружных комиссий по организации учебного дела, членом совета попечителя округа.

В 1880 г. он был назначен председателем Кавказского цензурного комитета. За время работы на Кавказе Модзалевским было особен-

но много сделано для развития женского образования в крае. Значительная часть местного общества была настроена исключительно консервативно в этом вопросе и всячески препятствовала обучению девочек. Лев Николаевич своей практической деятельностью как только мог способствовал преодолению этих отсталых настроений; он служил сначала инспектором (заместителем директора), а затем и директором Тифлисской женской гимназии. Им была также организована специальная школа для прохождения учительской практики ученицами специального педагогического класса. Он также открыл пансион для иногородних гимназисток.

В течение нескольких лет Модзалевский сочетал работу в гимназии и в доме наместника императора на Кавказе, фельдмаршала, великого князя Михаила Николаевича Романова (1832–1909), который предложил Льву Николаевичу стать наставником его детей. А детей, причём примерно одного возраста, у младшего сына Николая I и брата Александра II было немало: одна дочь и шесть сыновей. Все сыновья избрали в дальнейшем военную карьеру. Некоторые из них занимались и наукой. Так, великий князь Николай Михайлович длительное время занимал пост председателя Императорского русского исторического общества и Императорского русского географического общества; под его редакцией выходили значительные исторические и географические труды. Великий князь Георгий Михайлович состоял председателем Русского генеалогического общества, управляющим Русским музеем, был выдающимся нумизматом и почётным членом Российской академии наук.

К 1882 г. Лев Николаевич дослужился до чина действительного статского советника. Это был гражданский чин 4-го класса табели о рангах, соответствовавший званию генерал-майора в армии, дававший право его обладателю на потомственное дворянство и обращение «Ваше высокоблагородие». Спустя год он вышел в отставку по линии министерства. После того как М. Н. Романов сменил место службы, в 1889 г. Модзалевские вернулись в столицу. Здесь Лев Николаевич, с присущей ему энергией, продолжил активную педагогическую деятельность.

В 1891–1892 гг. российской педагогической общественностью широко отмечалось 300-летие со дня рождения основоположника научной педагогики Яна Амоса Коменского. Педагогический музей военно-учебных заведений являлся в то время фактическим центром, где проводились мероприятия образовательной направленности. По-

этому не случайно он стал руководящим центром организации юбилейных торжеств. Здесь, по инициативе Л. Н. Модзалевского, даже был открыт временный «отдел Коменского», который возглавил сам Лев Николаевич. Это был первый случай в России, когда достаточно широко отмечались заслуги не коронованных особ, высокопоставленных чиновников или толстосумов, а выдающегося представителя интеллигенции, к тому же иностранца.

Модзалевский не только принял самое деятельное участие в организации юбилея и популяризации трудов великого славянского педагога, но также организовал коллектив педагогов для перевода и подготовки к печати его произведений. Прделанная им работа по переводу и популяризации педагогических сочинений Коменского во многом помогла научной разработке его педагогического наследия последующими поколениями российских исследователей и способствовала ознакомлению учителей с его прогрессивными идеями [56].

Значительна роль Л. Н. Модзалевского в изучении и популяризации идей К. Д. Ушинского. В 1881 г. в газете «Кавказ» была опубликована его статья «К биографии К. Д. Ушинского», а в 1893 г. в журнале «Народная школа» изданы письма К. Д. Ушинского к Модзалевскому, снабжённые пояснениями и примечаниями Льва Николаевича. В 1894 г. совместно с Карлом Карловичем Сент-Илером он подготовил к изданию работу К. Д. Ушинского «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии». Л. Н. Модзалевский возглавлял комиссию по увековечиванию памяти К. Д. Ушинского при Санкт-Петербургском педагогическом обществе взаимной помощи. Принимал он и деятельное участие в подготовке торжественного заседания в память 25-летия со дня смерти Ушинского, состоявшегося в Педагогическом музее 22.12.1895 г.

Именно Льву Николаевичу принадлежат ставшие широко известными слова о значимости Ушинского в российской культуре и образовании; он был уверен, что «Ушинский это наш действительно народный педагог, точно так же, как Ломоносов – наш народный ученый, Суворов – наш народный полководец, Пушкин – наш народный поэт, Глинка – наш народный композитор» [59, с. 162].

В 1893 г. известный педагог и литератор Матвей Леонтьевич Песковский (1843–1903), лично хорошо знавший Константина Дмитриевича, выпустил в издававшейся Ф. Ф. Павленковым серии «Жизнь замечательных людей» (выпуск № 117) книгу «К. Д. Ушинский, его жизнь и педагогическая деятельность». Модзалевский отозвался на неё благожелательной рецензией в прессе.

Лев Николаевич Модзалевский сделал блестящую карьеру на административном поприще, но истинным его призванием, несомненно, была педагогика, теоретическая и практическая. Он с огромным удовольствием проводил занятия, общался с учениками. Стал автором многих педагогических сочинений, в том числе таких ценных книг, как «Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времён» [60]. Эта двухтомная монография не только трижды переиздавалась в XIX в., но и неоднократно выходила в наши дни. С её содержанием можно ознакомиться в сети Интернет. Она стала, по существу, первым солидным историко-педагогическим сочинением, написанным российским учёным.

Другие труды Л. Н. Модзалевского также посвящены вопросам истории педагогики и образования. Среди них выделяются такие работы, как «К биографии Ушинского» (СПб., 1881), «Амос Коменский» (1892), «Ход учебного дела на Кавказе с 1802 по 1880 год» (Тифлис : Тип. А. А. Михельсона, 1880), «Императрица Мария Феодоровна и её первый женский институт (из истории Санкт-Петербургского Марининского института)» (СПб. : Тип. училища глухонемых, 1894). Список его работ, включающий 234 публикации, помещён в журнале «Русская школа» (1897. № 3, 4), а также в приложении к его автобиографии, изданной в Санкт-Петербурге в 1899 г. Всё вышеизложенное позволяет считать Модзалевского одним из основоположников российской истории педагогики и образования.

Л. Н. Модзалевский неизменно проявлял себя как истинный демократ в деле просвещения. В вопросе о доступности в получении образования он резко выступал против принципа сословности в образовании и требовал его отмены. Лев Николаевич приветствовал в этой связи реформы 1860-х гг., предоставлявшие широкие возможности для открытия школ современного для того времени типа, и в этом он всецело поддерживал неутомимого проповедника земской школы Николая Александровича Корфа (1834–1883), выдвинувшего модель новой школы и на практике постоянно доказывавшего её преимущества перед ранее существовавшими училищами [87].

Л. Н. Модзалевский упрекал общеобразовательную школу своего времени за то, что она заставляла учащихся запомнить много устаревшего и ненужного учебного материала. Он защищал необходимость вооружения молодёжи реальными знаниями, поддерживал необходимость изучения основных европейских языков, хотя считал возможным сохранить в учебном курсе гимназий и латинский язык.

В то же время признание важности изучения естественно-научных дисциплин не мешало Модзалевскому считать религию важнейшей основой школьного воспитания. В этой связи представляет ценность для современной отечественной педагогики его труд «Историческое значение христианства для воспитания» [58].

Продолжились его творческие контакты и с В. В. Кюнером, уроженцем г. Штутгарт, переселившимся ещё в 1862 г. в Россию. В столице на сцене Мариинского театра в 1880 г. была поставлена драматическая опера в четырех действиях «Тарас Бульба». Автором музыки был сам Кюнер, а либретто написал Л. Н. Модзалевский (под псевдонимом Л. Гарский). Постановка, однако, не имела особенного успеха. В тот же год либретто было издано типографским способом и, таким образом, сохранено для истории [61].

Кстати, у Модзалевского было 14 псевдонимов. Он как будто бы стеснялся публиковать под своей фамилией произведения, особенно стихи. Псевдоним *Л. Гарский* Лев Николаевич использовал особенно часто, поскольку он напоминал ему о его родных местах.

Некоторые стихи Л. Н. Модзалевского положены на музыку и стали песнями или романсами. Среди них, конечно, выделяется романс, который особенно любил исполнять великий тенор Иван Семёнович Козловский (1900–1993). Приведём текст этого замечательного произведения (музыка А. Чертковой, Н. Черепнина).

*Слети к нам, тихий вечер, / На мирные поля!
Тебе поём мы песню, / Вечерняя заря.
Темнеет уж в долине, / И ночи близок час,
На маковке березы / Последний луч угас.
Как тихо всюду стало, / Как воздух охладел!
И в ближней роще звонко / Уж соловей пропел.
Слети ж к нам, тихий вечер, / На мирные поля!
Тебе поём мы песню, / Вечерняя заря.*

В последние годы жизни общественная активность Льва Николаевича получила новое направление. В 1893–1896 гг. он состоял депутатом дворянского собрания Гдовского уезда как землевладелец села Ивановское (Гари) и пустоши Конечек. Кроме того, Модзалевский вернулся к активной педагогической работе. В 1889–1895 гг. Модзалевский – инспектор классов в Санкт-Петербургском Мариинском институте (1889–1895); при этом он практически постоянно проживал в своём имении.

Л. Н. Модзалевский выступал против бездумного распространения иноязычных слов, засорявших русский язык. С этой целью он да-

же организовал «Союз ревнителей русского языка» [55, с. 581]. В 1895 г. Лев Николаевич стал директором Санкт-Петербургского училища глухонемых. Эта работа потребовала от него полного напряжения сил, проявления огромного сочувствия к обиженным природой детям. Всё это сказалось на его состоянии здоровья. 11 мая состоялся первый выпуск в училище глухонемых. Лев Николаевич казался совершенно здоровым. Воспитанники преподнесли ему памятный адрес, в котором они сердечно благодарили своего доброго наставника. Но уже через несколько часов, в ночь на 12 (24) мая 1896 г., он скончался «от паралича мозга». Лев Николаевич Модзалевский был похоронен на своей малой родине, на погосте Быстреево, рядом со своими родителями, братьями и сёстрами. Его могила сохранена, и ее постоянно навещают ныне живущие родственники.

Близкий друг Л. Н. Модзалевского, его единомышленник и сослуживец по работе в Смольном институте Д. Д. Семёнов писал: «Педагогический мир понёс большую утрату. Модзалевский был организатором нескольких учреждений, имевших целью распространение идеи правильного воспитания. Его “Очерки истории воспитания и обучения”, выдержавшие с 1866 г. три издания, послужили для многих учителей и учительниц существенным подспорьем для выработки правильных приёмов преподавания. Его умелому руководству, когда он был инспектором педагогических курсов при 2-й военной гимназии обязаны многие своим педагогическим образованием. В последнее время Лев Николаевич вооружился против переполнения русской речи излишними иностранными словами. Он с целью исправления русской речи прочёл доклад в Педагогическом обществе. Недавно образовался “Союз ревнителей русского слова”, душой которого был Лев Николаевич. Особенного внимания заслуживает также его любовь к молодёжи. Он умел понимать молодых людей и привлекать их к труду, направленному к общественной пользе. Состоя преподавателем многих учебных заведений, он пользовался общим уважением и симпатиями своих многочисленных учениц и учеников. Всегда общительный, доброжелательный, внимательный и снисходительный, Модзалевский не имел врагов» [140, с. 180].

Л. Н. Модзалевский и его жена воспитали восемь детей. Нам известны судьбы трёх их сыновей. Борис Львович Модзалевский (1874–1928) – российский литературовед, пушкинист, член-корреспондент АН СССР (1925 г.; член-корреспондент РАН с 1918 г.). Он был одним из основателей Института русской литературы (Пушкинского дома).

Именно ему принадлежит основная заслуга по сбору основных рукописных, книжных и изобразительных фондов этого учреждения. Дело жизни Б. Л. Модзалевского продолжил сын Лев (1902–1948), историк литературы и архивист. Наибольшее значение имеют его труды по научному описанию рукописей, переписки А. С. Пушкина, М. В. Ломоносова со своими корреспондентами. В 1947 г. он защитил докторскую диссертацию, а годом спустя трагически погиб. Его тело было обнаружено на железнодорожной насыпи. Следствию удалось установить только то, что он ехал в одном купе с матерым уголовником...

Другой сын, Всеволод Львович Модзалевский (1879–1936), – военный моряк, капитан 2-го ранга, участник Цусимского сражения, начальник службы связи штаба Балтийского флота, участник Карских и Ленских экспедиций. Третий сын, Вадим Львович Модзалевский (1882–1920), – историк и генеалог, автор малороссийского гербовника и родословника.

Л. Н. Модзалевский был, несомненно, ближайшим другом и единомышленником Ушинского и уже этим заслуживает доброй памяти потомков. Но этим вклад Льва Николаевича в российскую педагогику и культуру не ограничивается. Его педагогические труды и литературные произведения заслуживают того, чтобы стать предметом дальнейших исследований современных учёных.

И. Д. Д. Семёнов

Верный соратник и продолжатель дела К. Д. Ушинского прогрессивный русский педагог Дмитрий Дмитриевич Семёнов родился 22 декабря 1834 г. (3 января 1835 г. по новому стилю) в селе Осиповка Могилевской губернии. В детстве он был окружён вниманием и заботой близких, которые внушили мальчику любовь к филологии. Бабушка разговаривала с внуком только по-немецки и по-французски. Отец был редким знатоком литературы.

В 1852 г. Дмитрий окончил Витебскую мужскую гимназию (отец многие годы преподавал в ней русский язык и словесность), выдержал экзамен на звание учителя истории и географии уездных школ и в тот же год приступил к педагогической работе. Четыре года он проработал в 4-классном училище для еврейских детей. Тогда же им была написана первая работа – «Краткое руководство промышленно-торговой географии». В 1856 г. попечитель Санкт-Петербургского учебного округа посетил Витебск и обратил на талантливую юношу своё вни-

мание. Семёнов показался способным, подающим надежды в педагогическом деле. Спустя год он рекомендовал его в учителя истории и географии в 1-й столичной гимназии. Это назначение обязывало Семёнова прослушать курс истории, статистики, политэкономии и географии в университете, а затем выдержать экзамен на звание учителя гимназии по географии. Со всем этим он успешно справился в самые краткие сроки.

Вторая половина 1850-х гг. вошла в историю российского образования как время интенсивного развития женского образования. Активное участие в этих преобразованиях принимал и Д. Д. Семёнов. Именно он был среди тех немногих педагогов, что создавали первую в России женскую гимназию, которая вначале именовалась Мариинским женским училищем для приходящих девиц.

Она была открыта Николаем Алексеевичем Вышнеградским 19 апреля 1858 г. и располагалась на углу Невского проспекта и Троицкого переулка. Н. А. Вышнеградский привлёк к работе в училище Д. Д. Семёнова, который продолжил работу в 1-й мужской гимназии. Д. Д. Семёнов работал в гимназии Вышнеградского в течение двух лет. В марте 1860 г. Д. Д. Семёнов впервые встретился с К. Д. Ушинским, инспектором классов Смольного института благородных девиц. Ушинский убедил Семёнова перейти полностью на работу в Смольный, где Дмитрий Дмитриевич получил все уроки русского языка в «низших» классах в дворянском и мещанском отделениях, а также несколько часов географии. Кроме того, Семёнов был назначен руководителем практических занятий по русскому языку для тех «институток», которые собирались в дальнейшем стать учительницами.

Период работы Д. Д. Семёнова в Смольном институте был хотя и непродолжительным, но, несомненно, самым ярким в его педагогической биографии. И неудивительно, ведь годы работы К. Д. Ушинского в Смольном в известном смысле знаменовали собой переворот в отечественной педагогике. В Смольный Д. Д. Семёнов попал в период его реформирования. Встав во главе коллектива единомышленников, Ушинский развернул в институте реформу. Семенов вспоминал, что Смольный, точно сказочный русский богатырь, после долгой столетней спячки, воспрял духом. Все – и учителя, и ученицы – спешили отличиться друг перед другом. Девочки стали отлично учиться, полюбили чтение, науку, труд.

В течение кратковременной, но плодотворной совместной работы в Смольном институте Д. Д. Семёнов во всем поддерживал К. Д. Ушин-

ского, проводил в жизнь его идеи. Их сотрудничество не ограничивалось только лишь учебными классами. Когда начал выходить журнал главного управления учебными заведениями «Педагогический сборник», К. Д. Ушинский и его сотрудники приняли самое активное участие в его работе. Уже в первой и второй книжках (1864) была помещена его программная статья «О первоначальном преподавании родного языка», а в качестве приложения к ней включены разработки практических уроков по русскому языку, составленные Семёновым по книге «Детский мир».

С болью и негодованием следил Д. Д. Семёнов за развернувшимися против Ушинского интригами, приведшими в 1862 г. к удалению великого русского педагога из Смольного. В своих воспоминаниях Семёнов и упрекает своего друга в болезненной раздражительности, горячности, прямоте характера, неумении идти к цели окольными путями, и одновременно характеризует как преданного правительству, религиозного и честнейшего человека. Некоторое время после ухода Ушинского некогда собранные им в единый педагогический коллектив передовые учителя продолжали свою работу, однако по мере ликвидации нововведений Константина Дмитриевича, что выразилось в отмене ряда учебных предметов, им просто пришлось покинуть Смольный. И здесь очень кстати для многих из них оказалась реформа, которую затеял начальник главного управления военными учебными заведениями Н. И. Исаков. Согласно его намерениям кадетские корпуса заменялись военными гимназиями и училищами. Н. Х. Вессель, В. И. Водовозов, Л. Н. Модзалевский, К. К. Сент-Илер и Д. Д. Семёнов начиная с 1865 г. участвуют в работе высших педагогических курсов при 2-й Петербургской военной гимназии, где занимаются подготовкой преподавателей для впервые организуемых военных гимназий.

Этот период для Семёнова как методиста был особенно плодотворным. Он работал в 1-й и 2-й столичных военных гимназиях, вёл на курсах географию и ее методику, разрабатывал методику историко-географических экскурсий, написал учебник «Уроки географии» (в трех частях) (1860–1867) и пособие «Отечественное» (Россия по рассказам путешественников и ученым исследованиям) в шести выпусках (1864–1869), а также составил к нему дидактическое руководство. Именно в эти годы он приобрёл себе славу видного методиста в области географии, славу, которая не померкла по сей день! Именно Д. Д. Семёнов по настоящее время считается основоположником методики преподавания географии в школе.

В 1870 г. жизнь Д. Д. Семёнова круто изменяется. По рекомендации К. Д. Ушинского попечитель Кавказского учебного округа Я. М. Неверов предложил Семёнову должность директора Кубанской учительской семинарии. Неверов был известен Семёнову как гуманный, справедливый человек, болевший душой за дело народного образования, как друг Т. Н. Грановского, Н. В. Станкевича и И. С. Тургенева. Работать под его началом, подалее от столичных интриг представлялось Семёнову заманчивым делом. Привлекала его и перспектива самостоятельной руководящей работы. Семёнов пригласил работать в семинарию Льва Николаевича Модзалевского, а спустя два года – бывшего домашнего учителя и личного секретаря К. Д. Ушинского Александра Фёдоровича Фролкова. После успешного разрешения организационных и финансовых вопросов семинария была открыта в 1871 г. в станице Полтавская в здании уездного училища. Но уже в тот же год Д. Д. Семёнов подыскал для нее более подходящее место в станице Ладожская.

Семинария содержалась за счет средств донского казачества и материально не была зависима от министерства народного просвещения, что развязывало её директору руки в плане постановки программно-методического обеспечения всей работы. Он считал невозможным подражание зарубежным семинариям и полагал, что должна быть создана русская учительская семинария. При семинарии были организованы две школы: «практическая», то есть экспериментальная, где проводили пробные уроки семинаристы, и «образцовая», куда семинаристы приходили давать уроки на последнем курсе, а также подготовительное отделение (просеминария), отделение для подготовки учителей уездных училищ и преподавателей семинарии. Были открыты библиотека и кабинет естествознания, приобреталось учебно-методическое оборудование.

Проводились работы по садоводству, была построена спортплощадка. Большое внимание уделялось внеклассной работе, в частности по музыкальному образованию. Учащиеся овладевали музыкальными навыками и по окончании учебного заведения оказывались способными руководить хоровым пением в школах. Оставаясь верным идее женского образования, Д. Д. Семёнов организует при семинарии женские педагогические курсы, которые, в сущности, были составной частью семинарии, так как их программа ничем не отличалась от семинарской.

Д. Д. Семёнов видел задачи деятельности учительской семинарии в том, чтобы развить в будущих народных учителях призвание и

любовь к избранному педагогическому поприщу, открыть им путь к педагогическому самообразованию, дать средства сознательно относиться к своей учительской деятельности.

Д. Д. Семёнов стремился популяризировать свой опыт. В 1874 г. увидел свет «Педагогический ежегодник Кубанской учительской семинарии». В эти годы он написал такие значительные статьи, как «Учительская семинария в России» (1874), «О Кубанской учительской семинарии» (1873), «Основы педагогического образования народных учителей в Кубанской учительской семинарии» (1878), переработал учебное пособие «Уроки географии» и хрестоматию «Отечественноеведение».

В работе Кубанской семинарии и других подобных ей учебных заведений, возглавлявшихся прогрессивными педагогами, было немало положительного. Это и стремление давать полноценные научные знания, и организация специальной подготовки к учительской профессии (что было достаточно ново для того времени), и установление гуманных отношений между педагогами и воспитанниками. В то же время семинария находилась в стеснённых материальных условиях, например, не было общежития.

В 1878–1883 гг. Д. Д. Семёнов работал директором Закавказской семинарии в Гори. К его приходу семинария существовала в течение двух лет, имела в своём составе 69 учащихся и состояла из грузинского и армянского отделений. Учитывая этнический состав населения региона, новый директор открыл ещё азербайджанское отделение, русское начальное училище и подготовительный двухгодичный класс для подготовки и поступления в семинарию.

Одной из сложных проблем, вставших перед Д. Д. Семёновым, было преподавание русского и местных языков. Вопрос был разрешён следующим образом: русские семинаристы стали в обязательном порядке изучать один из национальных языков, были установлены единые правила проведения письменных работ, единообразные приёмы преподавания чистописания. Д. Д. Семёнов увеличил количество уроков по русскому языку, истории и методике. Обязал семинаристов посещать уроки опытных учителей и представлять письменные отчёты о ходе уроков для их последующего обсуждения. В эти годы он многое делает для учителей начальных училищ; в частности, проводит семь учительских съездов.

Много внимания уделялось в семинарии внеклассной работе. Работали драматические кружки, проводились литературные вечера, демонстрации диапозитивов, экскурсии в горы – всё это было не-

обычно, вызывало живейший интерес учащихся, среди которых, кстати, был будущий национальный поэт Грузии Лука Павлович Разикашвили (1861–1915), известный под литературным псевдонимом Важа Пшавела. Он родился в семье священника, воспитывался среди горцев: хевсуров и пшавов; отсюда псевдоним «пшавела», что означает «сын пшавов». Когда мальчику исполнилось десять лет, родители отдали его в Телавское духовное училище. В шестнадцать лет юноша стал учиться в двухклассном гражданском училище при Тифлисском учительском институте. В 1879 г. Лука поступил в учительскую семинарию г. Гори. В 1882 г. во время выпускного акта Семенов посоветовал Луке «не зарывать в землю свой поэтический талант». Наиболее известное произведение В. Пшавелы – сказка-притча «Свадьба соек», которая уже в наши дни была экранизирована; по её мотивам поставлен мюзикл.

В 1882 г. семинарию окончил другой известный ученик Семёнова Рашидбек Исмаил оглы Эфендиев (1863–1942), ставший в дальнейшем выдающимся педагогом и автором учебников для азербайджанских школ, продолжателем просветительских традиций Мирзы Фатали Ахундова, последователем педагогических идей К. Д. Ушинского и Д. Д. Семёнова. В советские годы он был директором учительской семинарии в Баку, работал в Азербайджанском филиале АН СССР.

С 1883 г. по день смерти, последовавшей 8 (21) марта 1902 г., Д. Д. Семёнов работал в Санкт-Петербурге в качестве эксперта по учебной части при училищной комиссии городской думы. Под его руководством находилось около 150 школ. В течение многих лет он, после смерти К. Д. Ушинского и большинства его друзей и сторонников, возглавлял борьбу прогрессивных деятелей просвещения за введение всеобщего начального образования. «Школа победит и голод, и мор, и нашествие иноплеменников...» – был уверен Д. Д. Семёнов. В число важнейших причин народного бедствия и соединённого с ним материального и нравственного зла, как он считал, входит недостаток образования в обществе, отсутствие грамотности в народе.

В 1888–1891 гг. Семёнов редактировал журнал «Детское чтение». Особенно интенсивно развернулась его литературно-педагогическая деятельность. Он сотрудничал практически со всеми педагогическими журналами и газетами того времени. Педагогическое наследие Д. Д. Семёнова охватывало многие стороны педагогической науки и практики. Отметим поистине неоценимый вклад, внесённый

Д. Д. Семёновым в историю педагогики. Им оставлены глубокие, полные интересных замечаний и деталей воспоминания о К. Д. Ушинском, Н. А. Корфе, В. И. Водовозове, Л. Н. Модзалевском и др. Он был одним из первых отечественных исследователей наследия Я. А. Коменского.

В работе «Опыт педагогической критики русской элементарно-учебной литературы» он немало внимания уделяет истории возникновения и развития русских школ, выделяет важнейшие этапы в истории отечественной педагогической литературы и дает анализ наиболее характерных ее образцов; называет в качестве непревзойденных примеров книги для чтения Л. Н. Толстого и К. Д. Ушинского. Именно русский язык и литературу, отечественную историю и географию он считал главными предметами школьного обучения; без них, справедливо полагал Д. Д. Семёнов, не может быть истинно народной русской школы. Это мнение было подкреплено огромной кропотливой работой по созданию учебных пособий и научных работ по географии, например «О преподавании и современном значении географии» (1860), «Педагогические замечания для учителей» (1864), «Об элементарном курсе географии» (1868), по русскому языку и литературе – «Умеем ли мы читать» (1886), книга для чтения «Дар слова» (1868), «Опыт дидактического руководства к преподаванию русского языка 9–11-летним детям в школе и дома по книге “Дар слова” и картинам “Времена года”» (1868), а также по вопросам педагогики. Современную ему школу он критиковал за излишнюю многопредметность и в то же время за односторонность дававшегося образования, излишнюю занятость детей домашней подготовкой, отсутствие физического и эстетического воспитания.

В этом отношении он поддерживал П. Ф. Лесгафта. Но нельзя не отметить и различие в подходах к этому вопросу двух замечательных педагогов. Семёнов выступал сторонником подвижных (спортивных) игр, в то время как Лесгафт был противником их использования в школе; он считал, что игры вызывают у детей нежелательный для их нравственного развития азарт, стремление к победе любой ценой, заглушают такие чувства, как милосердие и доброта.

В своей педагогической практике Д. Д. Семёнов не только отводил эстетическому воспитанию большое место в подготовке будущего учителя, но и написал книгу «Рождественская елка в живых картинах, сценах, песнях и играх» (1887), которая включала в себя небольшие сценки, песни, стихи и произведения детских писателей на эту тему. Большое значение для эстетического воспитания имела его книга для

чтения «Дар слова», в которой были собраны прозаические и поэтические произведения в соответствии с временами года [98, с. 67].

Видное место в системе воспитания Д. Д. Семёнов отводил труду, считал его потребностью, происходящей из природы детей и являющейся важнейшим педагогическим средством укрепления физических сил и здоровья детей. Он разграничивал ремесло и ручной труд и дал по этому вопросу ряд методических указаний.

Много ценного Д. Д. Семёнов внёс в создание учебников. Главное требование к ним, по его мнению, это народность. Первая, а вместе с тем, быть может, для некоторых и последняя книга в жизни должна быть проникнута духом истинно русским. Материал для неё следует заимствовать из сферы, близкой к ученику.

Характер изложения материала должен отличаться живостью, ясностью, простотой, увлекательностью. Книга должна быть хорошо оформлена и производить «чарующее впечатление», «вселять любовь и уважение к Родине». Заслугой Д. Д. Семёнова является и то, что он доказал на практике ценность того нового, что внёс К. Д. Ушинский своими теоретическими работами и учебниками в педагогику, например в развитие принципа наглядности. Это новое состояло, в частности, в том, что логическое мышление ребёнка развивается в связи с речью и возникает из точных, «наглядных» наблюдений.

Наглядность Ушинский и Семёнов понимали как средство развития мышления и речи ученика. Семёнову удалось не только проверить важность этого средства обучения, но и создать целый ряд наглядных пособий, например картины «Времена года». В то же время он был противником, в отличие от Н. И. Пирогова, пропагандируемого в то время взгляда на наглядное обучение как на самостоятельный предмет обучения. Он справедливо полагал, что наглядность должна присутствовать при обучении всем предметам. У каждого предмета наглядность имеет свои особенности.

Жизнь и педагогические взгляды Д. Д. Семёнова, его научное наследие заслуживают внимательного изучения. Мы иногда как-то забываем о том, что педагогическая сверхзвезда по имени Ушинский не светила бы так ярко, не будь в ее орбите целой россыпи звезд поменьше, – талантливейших педагогов, успешно сочетавших в своей деятельности начала научные и практические, имевших свою самостоятельную и весьма влиятельную позицию в педагогической полемике, оставивших значительное педагогическое наследие. К числу этих звёзд отечественной педагогики в полной мере можно отнести Дмитрия Дмитриевича Семёнова.

III. В. И. Водовозов

Среди российских педагогов второй половины XIX в., внесших значительный вклад в отечественную педагогическую мысль, почётное место принадлежит Василию Ивановичу Водовозову. Он родился 27 сентября (9 октября) 1825 г. в Санкт-Петербурге в семье обедневшего предпринимателя. В 1835–1842 гг. учился в коммерческом училище, в 1842–1847 гг. – на филологическом факультете столичного университета, по окончании которого был назначен учителем гимназии в Варшаве.

В 1851 г. Василий Водовозов был принят старшим учителем словесности в 1-ю Санкт-Петербургскую гимназию. Он стремился внести в программу обучения изменения, направленные на то, чтобы удалить из неё произведения, не представлявшие значительной познавательной и воспитательной ценности, и ввести вместо них книги современных авторов, вызывавшие интерес у читающей публики. В. И. Водовозов пришёл к выводу о необходимости проведения с учащимися идейного анализа литературного произведения; он называл этот анализ основным звеном преподавания литературы. Много внимания он уделял самостоятельной работе учащихся. Ввёл написание сочинений на заданную тему с последующим критическим разбором в классе и посредством этого добивался глубокого понимания изучаемых произведений. Таким путём педагог развивал активность учащихся в учении, поднимал их интерес к литературе и родному языку.

Увлекался В. И. Водовозов проведением литературных вечеров, что было для того времени редким явлением, как и в целом внеурочная работа по предмету. При этом он был «душою учебного дела, побуждал учащихся понимать привлекательную сторону умственного труда» [62, с. 45]. В нём все его ученики «чувяли... прежде всего хорошего человека, а потом – хорошего учителя»; Водовозов «ко всем относился одинаково добродушно, справедливо, и по чистоте своей души, кажется, и не мог знать, что значит “придираться” к ученику, зудить над ним, как делали другие педагоги и этим развивали в юноше скверное чувство мстительности» [62, с. 45].

Новаторская педагогическая работа Водовозова, его выступления в педагогической печати стали известны К. Д. Ушинскому, стремившемуся объединить вокруг себя наиболее сильных, прогрессивно мыслящих, деятельных педагогов. Водовозов стал соратником реформатора русской школы. В Смольном Водовозов начал работать в мае

1860 г., одновременно продолжая работу в гимназии. В институте открывались широкие возможности для проявления педагогического таланта. Но, когда Ушинский был вынужден покинуть Смольный, вместе с ним ушли и лучшие учителя, в том числе Водовозов. Он сосредоточился на работе в гимназии и литературно-педагогической деятельности, примкнул к развернувшемуся общественно-педагогическому движению.

Водовозов, как типичный просветитель и сторонник «теории малых дел», возлагал главную надежду на поднятие общего уровня образованности народных масс. Важным средством решения этой проблемы он считал открытие воскресных школ. По его инициативе и при его непосредственном участии в 1-й гимназии была открыта женская воскресная школа. Он руководил этой школой, привлекая к работе лучших учителей гимназии и Смольного института. Это была действительно самоотверженная деятельность, поскольку все работали в ней бесплатно. Однако вместо благодарности учителя сталкивались с недоброжелательным отношением к себе со стороны властей, которые были недовольны распространением социалистических идей и проявлением элементов демократизма в деятельности этих учебных заведений. Нередко слышались и угрозы от хозяев, которых не устраивало то, что их работники проводят свой выходной день в школе вместо того, чтобы трудиться в мастерской или магазине. Но рабочие очень любили воскресные школы и отрывали немногие часы отдыха для того, чтобы их посетить. Какой-то определённой, официальной программы обучения в воскресных школах не было. Подбор предметов и их содержание определялись исключительно самими учителями. Слабая предварительная подготовленность учащихся вынуждала ограничиваться обычно обучением чтению, письму, счёту в пределах четырёх арифметических действий. В воскресной школе Водовозова этот минимум дополнялся преподаванием основ истории, естествознания, географии, литературы. Его усилиями была создана библиотека. Книги выдавались на дом, поскольку домашнее чтение как элемент самообразования в деятельности школы занимало важное место. Среди литературы, привлекавшейся учителями для классного и домашнего чтения, были произведения и самого Водовозова, например «Рассказы из русской истории» (в 2 т.) (1861), отличавшиеся занимательностью изложения.

Бурный рост воскресных школ характеризовался правительством как нежелательное явление, хотя на эти школы не отпускалось

никаких средств. Поэтому со второй половины 1861 г. были введены правила, ограничивавшие их открытие и работу различными условностями. Так, нельзя было вести занятия с учащимися на дому, было запрещено преподавание природоведения, истории и географии. Директор обязывался давать точные сведения о распределении часов на различные виды занятий, извещать обо всех выбывающих и вновь прибывающих преподавателях.

В течение нескольких лет В. И. Водовозов принимал участие в подготовке реформы школы, выполняя различные поручения учёного комитета министерства. Он выступал устно и в печати по поводу предполагавшихся изменений в системе образования, защищая при этом важность открытия возможно большего количества школ с тем, чтобы сделать их более доступными для населения. Предложил свою систему преподавания русской литературы, разработал указания по преподаванию русского языка. В связи с обсуждением проекта устава низших и средних училищ Водовозовым был написан ряд статей. В статье «Наука и нравственность» он анализирует состояние дел в российской системе образования. Горьким признанием того, что в России наука и образование зачастую служат лишь средством получения жалованья и карьеры, пронизаны многие положения этой статьи; «ведь нельзя же специалистом-историком назвать юношу, который со скрежетом зубов долбит историю Смарагдова, проклиная всех этих героев, вздумавших обременять потомство своими делами», иронизировал Водовозов.

В. И. Водовозов полагал, что определить круг предметов «общего курса по идее умственного развития» несложно, но, когда приходится вводить их в школу, возникает вопрос, а в какой мере нужно, полезно и возможно то или иное знание. Он считал, что, прежде чем народ осознает *отвлечённую* выгоду науки, ему нужно дать почувствовать *осязательную* выгоду знания в жизни. Чем менее образован народ, тем более необходимо внимание к «местным требованиям знания», под которыми он понимал особые условия развития хозяйства данного региона (например, промыслы, выращивание определенных сельскохозяйственных культур) и которые должны находить свое отражение в учебной программе, быть учтены в процессе преподавания. Иными словами, учеба должна быть приближена к требованиям жизни.

Вот почему, отмечал В. И. Водовозов, по мнению педагогов, вносящих свои замечания и дополнения в проект устава, необходимо дать в народных училищах место сведениям из физики, химии, меха-

ники, землемерия, хозяйственной архитектуры вместе с основаниями агрономии, садоводства, фабричных и ремесленных производств; ввести в реальной гимназии вместо латинского языка физиологию в применении к обыденной жизни, начала технологии и сельского хозяйства и прочие практические дисциплины. В. И. Водовозов поддерживал требование открытия, помимо реальных гимназий, агрономических, технологических, лесных и ветеринарных училищ, а также преподавание в школах коммерческих наук и бухгалтерии. Всё это он считал современным и своевременным.

Одновременно он выразил несогласие с мнением Н. И. Пирогова, считавшего, что гимназии, названные в проекте «филологическими», должны готовить в университет, а «реальные» – в высшие технологические институты. Тем самым Пирогов, по мнению Водовозова, отделял от университетского курса всякое практическое знание и допускал в нем только «чистую» науку. Водовозов заявил, что университеты до тех пор не будут иметь сильного влияния на жизнь, пока в них не будет внесен возможно больший объем прикладных знаний. Поэтому он критиковал сторонников преподавания классических языков в гимназиях, упорно отстаивал необходимость изучения, прежде всего, естественных наук, русской словесности и новых языков. Водовозов, знавший десять иностранных языков, в том числе греческий и латынь, соглашался: «Пусть у нас заводят и училища с классическими языками; но воображать, что классические языки необходимы для всех общеобразовательных учреждений как предмет, наиболее развивающий, мы считаем крайней односторонностью».

В. И. Водовозов резко выступил и против тех деятелей от просвещения, которые считали, что священники – лучшие учителя. Н. Ф. Щербина в книге «О народной грамотности и устройстве возможного просвещения в народе» (СПб., 1863) доказывал, что образование должно быть исключительно религиозным и народ якобы не хочет иметь других учителей, кроме бывших семинаристов. При этом под семинаристами имелись в виду выпускники духовных, а вовсе не учительских семинарий, против открытия которых Щербина также восставал.

Тема формирования личности учителя была одной из центральных в педагогическом творчестве Водовозова. К ней он обращался в работах «Идеал народного учителя» (1864) и «Новый план устройства народной школы. По поводу книги “Заметки о сельских школах” С. А. Рачинского» (1883). Отдавая должное подвижнической деятельности Рачинского, работавшего в ту пору в открытой им сельской

школе, Водовозов выражал несогласие с его мнением по поводу того, какими должны быть школа и учитель. Рачинский громил в своих выступлениях всех подряд: интеллигенцию, министерство, инспекторов народных училищ, сами министерские школы. Не устраивают его и сами учителя, проходящие подготовку в учительских семинариях и приобретающие с множеством поверхностных знаний лишь некоторый внешний лоск.

В его рассуждениях было, конечно, немало правды. Но что же предлагал Рачинский? Он считал, что «направление» сельской школе должен дать народ. А народ, по его мнению, прежде всего желает, чтобы учащиеся знали церковнославянский язык, умели читать часослов, псалтырь и другие богослужебные книги, занимались бы церковным пением. Идеалом учителя Рачинский видел священника. Настоящий хозяин школы, по Рачинскому, священник, который завязывает со своею паствою «неразрывные связи»; хороший священник – душа школы. Отсюда нетрудно, как будто, сделать вывод о том, что Рачинский считал священнослужителей лучшими людьми общества. Но вот как он характеризует церковное сословие: «Наше духовное сословие является сословием запуганным, но вместе жадным и завистливым, униженным, притязательным, ленивым и равнодушным к своему высшему призванию, а вследствие того и не весьма безукоризненным в образе жизни».

В противовес путаным утверждениям Рачинского Водовозов заявлял, что забота общества должна состоять в том, чтобы поставить учителя в более независимое и обеспеченное положение. Проблема учительства рассматривалась Водовозовым в статье «Идеал народного учителя», где он указывал на то, что «школа при условиях жизни, неблагоприятных для образования, остается бледным цветком на бесплодной почве». Он требовал значительной зарплаты для учителя, который только в этом случае мог бы полностью посвятить себя учительскому труду. В распоряжении учителя должны быть «свободные деньги», которые он мог бы тратить по своему усмотрению в целях улучшения оснащения школы и совершенствования учебного процесса.

Сельский преподаватель должен представлять собой «цельное лицо». Под этим определением Водовозов понимал единство моральных и интеллектуальных качеств педагога. Программа знаний у учителя должна быть не столько обширна, сколько разнообразна. При строгом выборе тех частей знания, которые наиболее применимы в народной школе, ему следует изучать свою науку основательно. Ему

особенно необходимо развить наблюдательность ума, ясный и толковый взгляд на природу через близкое и наглядное знакомство с её явлениями. По его мнению, учитель должен знать разные ремесла, уметь оказывать ветеринарную помощь и неотложную медицинскую помощь при отравлениях, укусах, ушибах и пр. Разумеется, это идеал, который трудно осуществить на практике, но ведь учитель и действует не один, а в союзе с другими людьми и постепенно, пишет Водовозов, может подготовить себе помощников из бывших учеников. Конечно, учитель при этом не должен сильно отвлекаться от своего главного дела, но сам успех преподавания зависит от тесной связи с народом, делает вывод В. И. Водовозов.

В статье «Тезисы по русскому языку» (1861) он давал указания по преподаванию русского языка и литературы, выдвигал свой план *единой* общеобразовательной 8-классной гимназии, согласно которому из учебного плана исключались древние языки, зато видное место отводилось современным языкам, математике, естествознанию, географии, истории, русской словесности. Он решительно выступал против существовавшей системы обучения русскому языку и литературе, при которой учеников утомляли заучиванием различных грамматических форм, изучением филологических тонкостей, что приводило лишь к «дрессировке умов», но не раскрывало перед учащимися всей красоты родного языка; мало того, настраивало их на негативное к нему отношение. На эту тему Водовозов написал ряд статей, например «О преподавании русского языка и словесности в высших классах гимназии» (1856), где он выступил с критикой господствовавшего метода обучения, при котором основное внимание уделялось изучению теории слога и истории языка. Помимо чисто филологической, Водовозов выдвинул задачу идейного и нравственного воспитания посредством языка и в связи с этим обозначил основные проблемы перестройки учебной программы. Изучение курса прозы и поэзии он рекомендовал иллюстрировать лучшими образцами отечественной и иностранной литературы. В преподавании русского языка он обращал главное внимание на его основные свойства, отражающие живое лицо и характер народа. Он убеждал коллег в том, что теоретические положения легче усваиваются через практические упражнения, высказывался за установление межпредметных связей между различными учебными дисциплинами, за соблюдение в обучении принципа преемственности между младшими, средними и старшими классами. Эти идеи развивались им в статьях «Существует ли теория словесности и

при каких условиях возможно ее существование» (1859), «О воспитательном значении русской литературы» (1870).

В статье «Русская народная педагогика» (1861) В. И. Водовозов рассматривает книги и руководства, изданные для народного чтения. Подобную литературу он считал важным средством распространения знаний в народе. В основном он критиковал эти книги и руководства за содержащиеся в них вялые сентенции, искусственный язык, слащавость, неудачный отбор образцов для чтения. Так, он критикует книгу для чтения, составленную И. И. Паульсоном (1825–1898), в которой нашли место отрывки хотя и известных авторов, но вовсе не предназначенные по своему содержанию для печати. Там было помещено, например, такое частное письмо Н. В. Гоголя: «Дражайшая бабушка! Извините меня, что долгое время не мог писать вам, дражайшая бабушка. Покорно вас благодарю, что вы прислали гостинец мне. От всего сердца желаю вам благополучия и долголетней жизни, при сем остаюсь Ваш покорный внук Николай Гоголь». Публикация такого письма скорее выставляла великого писателя в смешном виде, нежели служила делу образования.

Очень остро стоял в середине XIX в. вопрос о преподавании классических языков в гимназиях. Их незнание служило непреодолимым препятствием к поступлению в гимназию детей из малообеспеченных слоев населения, которые были не в состоянии оплачивать услуги репетиторов. В статье «Древние языки в гимназии» (1861) В. И. Водовозов решительно высказался против изучения латыни и греческого в гимназии. Пример М. В. Ломоносова, который, как известно, отлично знал эти языки и на которого в связи с этим любят ссылаться сторонники классического направления в образовании, неудачен, ибо он был, прежде всего, «строителем» *русского* языка и наибольший вклад внес в естественные науки. Водовозов не отрицал огромной пользы, которую может принести изучение «древнего мира», да и сам он немало времени потратил на изучение этих языков, но все же он считал, что эти языки нужны лишь будущим ученым некоторых специальностей, а не всем без исключения гимназистам. Знание этих языков совершенно неприложимо к жизни. Не случайно, отмечал Водовозов, поэтому в нашем обществе мы видим к ним совершенное равнодушие. Он напоминает также, что «при всей бедности нашей эрудиции и недостатках педагогического развития» нашим гимназистам приходится изучать почти вдвое больше предметов, чем в «самой ученой немецкой гимназии». Ни в одной гимназии на Западе

не преподают русский язык, а у нас приходится учить немецкий и французский.

К тому же целесообразно было бы изучение и английского языка, ибо, по справедливому замечанию В. И. Водовозова, английская литература действительно представляет богатейший материал для всестороннего образования юношества. Кроме того, он делает вывод, что естествознание, история, география, новые языки и родная словесность становятся предметами, требующими все большего «расширения» в гимназическом курсе. Много ли в таком случае остается времени на классические языки?!

Следует отметить учебные пособия Водовозова: «Словесность в образцах и разборах с объяснением общих свойств сочинения и главных родов прозы и поэзии» (1868), «Новая русская литература» (1866), «Древняя русская литература» (1872). «Практическая славянская грамматика» (1868), сборник «Детские рассказы и стихотворения» (1871), а также «Книгу для первоначального чтения в народных школах» (ч. 1, 1871), выдержавшую за непродолжительный срок 20 изданий. В 1873 г. вышла «Русская азбука для детей» В. И. Водовозова, в 1875 г. – «Руководство к русской азбуке». Азбука была составлена на основе завоевывавшего тогда признание аналитико-синтетического метода обучения грамоте. Несмотря на неприязненное отношение к опальному педагогу, ученый комитет министерства отметил ее как одну из лучших. Педагог издал методическое пособие «Предметы обучения в народной школе. Методика обучения грамоте, арифметике и другим предметам» (1873), «Элементарные рассказы из физики и химии для народных учителей», «Русские сказки в стихах», где выступает как поэт и переводчик. Просвещение народа оставалось главной темой педагогического творчества В. И. Водовозова на протяжении всей его творческой жизни. Этой теме посвящены такие его работы, как «Наука и нравственность» (1863), «Рассказы о том, что у нас сохранилось по народной памяти и по грамоте» (1869), «Книга для чтения в народных училищах Виленского учебного округа» (1863), «Что читать народу?» (1886).

До весны 1866 г. В. И. Водовозов плодотворно совмещал свою работу в 1-й гимназии с литературным творчеством и общественно-педагогической деятельностью. В это время над его головой начали сгущаться тучи. Еще в феврале 1865 г. в ходе проведения правительственной ревизии гимназии был выявлен такой недопустимый факт, как знание многими гимназистами стихов Н. А. Некрасова. Про-

грессивная педагогическая общественность высоко ценила его деятельность, но она пришлась не по нраву царизму. Водовозов находился под постоянным подозрением, на него сыпались постоянные нападки со стороны вышестоящего начальства. Каких-либо объяснений при увольнении не последовало; в самом деле, упрекнуть его в некомпетентности было невозможно.

Выдающийся педагог был лишен в расцвете сил и таланта возможности заниматься любимым делом. Эта трагедия продолжалась 20 лет, вплоть до самой смерти В. И. Водовозова, последовавшей 17 (29) мая 1886 г. Тем не менее В. И. Водовозов стремился к практической работе. Однако она была ограничена лишь участием в учительских съездах и курсах в качестве руководителя и лектора по педагогике и методике начального обучения. Трижды Водовозов руководил педагогическими съездами. Он относился чрезвычайно ответственно к своим обязанностям, был прекрасным организатором и лектором, пользовался огромным успехом у слушателей.

Имя замечательного русского педагога В. И. Водовозова, внесшего большой вклад в педагогическую науку и практику, неразделимо связано с историей отечественной педагогики. Его методическое наследие значительно, а сам он по праву считается, вплоть до настоящего времени, основоположником методики изучения русского языка и литературы.

IV. М. И. и В. И. Семевские

Основные факты биографии М. И. и В. И. Семевских

Отечественная историческая наука в долгу перед М. И. и В. И. Семевскими. Количество публикаций об их жизни и научном наследии совершенно недостаточно [19; 36] и не соотносится с их вкладом в изучение истории России. Братья Семевские родились и выросли в семье небогатого помещика. Их отец, Иван Егорович, слыл одним из образованнейших людей Великолукского уезда Псковской губернии. Он имел большую домашнюю библиотеку. Мать, Камилла Матвеевна, урожденная Богуцкая, происходила из древнего, хотя и небогатого, польского рода, имевшего собственный герб и родословную. Иван Егорович оставил военную службу в чине штабс-капитана, но, выйдя в отставку, вынужден был ради заработка служить на выборных должностях в Великолукском уезде. Из десяти детей Семевских взрослого возраста достигли семеро: братья Владимир, Михаил,

Александр, Пётр, Георгий, Василий и сестра Софья. В своём исследовании мы сосредоточиваем внимание только на Михаиле и Василии, которые оставили заметный след в истории российской науки и отечественном образовании.

Михаил Семевский родился 4 (16) января 1837 г. в селе Федорцево Великолукского уезда, где у его отца было небольшое имение. Михаил был вторым ребёнком в семье, но родителей и своих младших братьев в детстве он почти не знал, потому что в четырёхлетнем возрасте его отдали на воспитание в дом шляхтича Адольфа Богуцкого, брата матери, человека жёсткого и сурового. По признанию самого Михаила, время, проведённое в его доме, наложило неизгладимый отпечаток на весь склад его характера, развил резкость, подозрительность и недоверчивость в отношениях с окружающими. Василий был самым младшим из братьев Семевских; он родился 25 декабря 1848 г. (6 января 1849 г.) в г. Полоцке, куда семья переехала в 1844 г. Отец, не имея достаточных средств для содержания многочисленной семьи на доходы от имения, поступил на службу в Полоцкий кадетский корпус на должность эконома. На учёбу в этот корпус были определены все сыновья Семевских, в том числе и Михаил, к тому времени вернувшийся от Богуцких.

М. И. Семевский окончил Полоцкий кадетский корпус (1852) и Константиновский кадетский корпус в Санкт-Петербурге (1855). (Это столичное училище до апреля 1855 г. называлось *Дворянский полк*.) С июня 1855 г. до 1861 г. он служил в лейб-гвардии Павловского полка. Но у него было сильное тяготение не столько к военной службе, сколько к науке и педагогической деятельности.

«Историческими занятиями» молодой офицер заинтересовался под влиянием одного из преподавателей Константиновского училища Г. Е. Благосветлова, с которым он поддерживал дружеские отношения и по окончании учёбы в корпусе. Прослышав о таком необычном для военнослужащего увлечении историей и филологией, начальство командировало его в 1857 г. в Санкт-Петербургский 1-й кадетский корпус для работы по совместительству в качестве репетитора русского языка. Это было на протяжении многих лет самое престижное военно-учебное заведение в России, основанное ещё в 1731 г. по указу императрицы Анны Иоанновны. Кстати, в 1794–1797 гг. его начальником был М. И. Кутузов.

Вскоре М. И. Семевский приобрёл славу интересного, перспективного преподавателя истории. С ним познакомился новый инспек-

тор классов Смольного института благородных девиц К. Д. Ушинский [84, с. 7] и пригласил его к себе на работу, наряду с другими передовыми педагогами [101, с. 86]. Семевскому было непросто решиться на переход в Смольный. Но всё-таки он поддался обаянию Константина Дмитриевича, и, хотя Михаил Иванович работал там лишь в течение одного 1861/1862 учебного года, он всегда считал этот период своей профессиональной деятельности самым важным в своей жизни. Здесь он нашёл замечательных единомышленников, озабоченных невысоким состоянием просвещения в России и делавших всё от них зависящее, чтобы этот уровень, хотя бы в какой-то степени, повысить [96, с. 30]. Среди них он выделял в своих воспоминаниях В. И. Водовозова [73, с. 100], Д. Д. Семёнова [82, с. 114], М. И. Косинского, Л. Н. Модзалевского и др. Затем Ушинский был вынужден покинуть это учебное заведение, а вслед за ним ушли и другие передовые учителя [98, с. 24].

Возвращение на прежнее место работы оказалось для М. И. Семевского делом невозможным. В сентябре 1862 г. он получил предложение от министерства народного просвещения инспектировать школы Псковской губернии. Обстоятельный отчёт по командировке, представленный Семевским, обратил на себя внимание статс-секретаря департамента законов Государственного совета Андрея Парфёновича Заблоцкого-Десятовского (1807–1881), который принял его на службу в Государственную канцелярию, в так называемый главный комитет «по устройству сельского состояния», где Михаил Иванович и работал до самого реформирования, а точнее – расформирования, этого комитета в 1882 г.

В марте 1864 г. М. И. Семевский был назначен старшим помощником экспедитора в департамент государственной экономии. Впервые в жизни ему было положено хорошее жалованье. Но самым главным для себя Семевский считал то, что перед ним открылись двери государственных архивов Главного штаба, академии наук и министерства иностранных дел. К этому времени Михаил Иванович был уже довольно известным учёным – историком и педагогом. Но, как известно, научные труды практически не дают дохода. Поэтому он занимался изысканиями лишь в свободное от чиновничьей работы время. Помимо этого он активно и на общественных началах участвовал в работе городского управления Санкт-Петербурга. С 1877 г. он был гласным столичной городской думы, а в 1883–1885 гг. – товарищем (т. е. заместителем) главы города! Особенно много усилий он приложил к участию в работе городской училищной комиссии, членом ко-

торой состоял. В 1877 г. он был произведён в действительные статские советники, а в 1882 г. – в тайные советники. М. И. Семевский серьёзно простудился во время своей поездки в Кронштадт и умер 9(21) марта 1892 г. Он похоронен на Новодевичьем кладбище Санкт-Петербурга; его захоронение сохранилось.

После смерти родителей – это произошло предположительно в 1859 г. – Михаил Семевский забрал младших братьев, Георгия и Василия, к себе в Санкт-Петербург; заботился о них и содержал их. В 1859–1863 гг. Василий Семевский учился во 2-м кадетском корпусе в Санкт-Петербурге, а затем завершал своё образование в 1-й Петербургской гимназии, которую кончил в 1866 г. с золотой медалью. По окончании гимназии Василий Семевский поступил в Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию, где обучался в течение двух лет. В 1868 г. он оставляет академию и поступает на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Михаил ввёл Василия в круг своих знакомых, историков и литераторов, привлёк к работе в издававшемся им журнале «Русская старина». Василий защитил докторскую диссертацию по истории крестьянства, выступил автором трудов по истории революционного движения XIX в. (декабристы, петрашевцы) и по крестьянскому вопросу, также по социальной истории, передовой общественной мысли в России. Был основателем журнала «Голос минувшего» и одним из создателей Трудовой народно-социалистической партии.

В. И. Семевский был также косвенно причастен к личности К. Д. Ушинского. В 1886 г. умер известный педагог и методист-филолог Василий Иванович Водовозов, работавший вместе с Ушинским в Смольном институте благородных девиц. Именно там, как уже отмечалось, Василий Иванович нашёл свою супругу, которая в те годы была воспитанницей института. В. И. Семевский, в свою очередь, был его учеником, а впоследствии и близким другом. Он написал о нём большой, проникновенный очерк [114].

Спустя два года после смерти В. И. Водовозова он женился на его вдове, Елизавете Николаевне Водовозовой, ставшей к тому времени известной «шестидесятницей», детской писательницей, педагогом и мемуаристкой [97, с. 57]. Е. Н. Водовозова пережила обоих мужей. В. И. Семевский умер 21 сентября (4 октября) 1916 г. в Петрограде, похоронен на Литераторских мостках Волковского кладбища. Свою совместную жизнь с В. И. Водовозовым и В. И. Семевским Елизавета Николаевна описала в пространных и чрезвычайно интересных мему-

арах под названием «На заре жизни и другие воспоминания». Если бы не эти мемуары, наши представления о таких персоналиях русской истории, как, например, В. А. Слепцов, К. Д. Ушинский, В. И. Водовозов и другие, были бы куда более скудными и отрывочными.

М. И. Семевский как историк

М. И. Семевский начал публиковаться уже в раннем возрасте. Его первым печатным трудом стала статья «Несколько слов о фамилии Грибоедовых», опубликованная в журнале «Москвитянин» (1856. № 12). В ней начинающий историк, опираясь на редкие документы, создал родословную одной из видных российских семей, давшей стране великого писателя и замечательного дипломата-патриота. После этого Семевский одним из первых историков в России обратился к краеведческой тематике, и в 1857 г. он издал значительную по объёму книгу об истории, этнографии и хозяйственном устройстве своего родного уезда. До него ничего подобного о Великих Луках и Великолуцком уезде никто не писал.

Издание заслужило несколько благожелательных откликов и одновременно подверглось издевательским замечаниям со стороны Н. А. Добролюбова. Известному российскому критику показалась чрезмерной и не соответствующей научным критериям чисто человеческая симпатия, явственно выраженная автором в своей работе в отношении своей, как это сейчас принято называть, «малой родины» [127]. Такая несправедливая оценка привела к тому, что М. И. Семевский на время оставляет краеведение как сферу своих научных интересов. Впоследствии Семевский продолжил работу по созданию краеведческой литературы – им была написана история г. Павловска [135] и г. Торопца [144]. Всё это позволяет с полным основанием считать его одним из основоположников отечественного краеведения. Теперь его увлекает история XVIII – первой половины XIX в., прежде всего, дворцовые перевороты, политический сыск петровской эпохи, биографии государственных деятелей того времени.

Наиболее значительные из его произведений в 1860-е гг. посвящены истории полковой историографии [137], биографиям первой жены Петра I [146], императрицы Екатерины I [145], Н. Ф. Лопухиной [131], кормилицы царевича Алексея Петровича [130], ряда военачальников [140], семейства Монсов [142]. Его интересовали и вопросы истории образования в Псковской губернии [125] и Царстве Польском [132]. Исследовал М. И. Семевский вопросы геральдики [133] и истории юриспруденции [128].

Одним из первых М. И. Семевский стал издавать подборки литературных портретов, т. е. биографий видных деятелей российской истории [136]. Большую известность в кругах историков получил цикл его очерков о политическом следствии под названием «Слово и дело» (Светоч. 1861; Иллюстрация. 1862). Затем они вышли вторым изданием в журнале «Русская старина» [143]. М. И. Семевский издавал биографии русских писателей, в частности К. Н. Батюшкова и А. Н. Майкова [123; 129].

М. И. Семевский был даже тайным корреспондентом А. И. Герцена; он передавал материалы для его антиправительственных изданий: «Колокола» и «Полярной звезды». Несколько его острых материалов появились в лондонской Вольной русской типографии «лондонского изгнанника». Публикации М. И. Семевского появлялись также в таких авторитетных журналах, как «Русский вестник», «Отечественные записки», «Время» (издавалось М. М. и Ф. М. Достоевскими), «Библиотека для чтения», «Светоч», «Русское слово». Многие его произведения сохранили ценность до настоящего времени и довольно активно переиздаются и в наши дни [124; 135; 138].

М. И. Семевский был членом Археографической комиссии и почётным членом Археологического института. Он предпринимал с научной целью путешествия по России, во время них знакомился с местными энтузиастами-краеоведами, многие из которых сотрудничали с повсеместно создававшимися в России губернскими учёными архивными комиссиями.

В Саратовской губернии, в селе Надежине, его поразили богатейший семейный архив князя Ф. А. Куракина. В этом собрании содержались важные документы, относящиеся к истории XVIII в. Семевский убедил Куракина опубликовать материалы отдельным изданием. Его первые тома вышли под редакцией Михаила Ивановича. Именно М. И. Семевский опубликовал мемуары выдающегося русского ботаника и лесоведа Андрея Тимофеевича Болотова (1870), князя Якова Петровича Шаховского (1872) и Эрнста Миниха, сына фельдмаршала (1891), а также мемуары и письма некоторых декабристов.

Многие годы М. И. Семевский составлял альбом автографов известных людей, включавший 850 записей, многие из которых вносились в ходе дружеских встреч, в свободной обстановке и имели зачастую весьма откровенный характер. Эти автографы включали в себя, как правило, текст или стихотворение-экспромт, которые были написаны по случаю того или иного частного события, причём обычно во

время дружеской вечеринки, и поэтому имели, как говорится, соответствующее содержание.

Естественно, никому из делавших эти записи и в голову не приходило, что Семевский всё это впоследствии издаст типографским способом. Поэтому выход в свет в Санкт-Петербурге в 1888 г. этого альбома под названием «Знакомые; Воспоминания; Стихотворения; Эпиграммы; Шутки; Подписи» [126] вызвал немалый скандал в тогдашней литературно-художественной среде и даже оттолкнул от Михаила Ивановича многих его друзей. Сам он, конечно, впоследствии сожалел о выходе этого издания.

Постепенно М. И. Семевский приобрёл известность как историк, собиратель и издатель исторических документов. Кроме того, он сумел скопить средства, необходимые для обучения младшего брата Василия в университете. Сам Михаил Иванович в молодости лишь посещал лекции в качестве вольнослушателя и не мог не понимать, как важно для историка специальное образование. По сути, он всегда оставался очень квалифицированным любителем-историком, краеведом, лучшим и «самым главным» в своём поколении. Но именно благодаря М. И. Семевскому отечественное краеведение приобрело важнейшие черты, которые сблизили его с историей как наукой. М. И. Семевский первым среди отечественных историков обратился к сбору документов по истории русского освободительного движения, в частности, он собрал и опубликовал материалы о декабристах и петрашевцах, без использования которых сейчас сложно представить серьёзное историческое исследование соответствующих событий XIX в.

М. И. Семевский как редактор

Значительную роль в русской науке и культуре М. И. Семевский сыграл начиная с 1870 г. как издатель и редактор крупнейшего исторического ежемесячного журнала «Русская старина», первая книжка которого вышла 9 января 1870 г. объёмом в четыре печатных листа. Мысль об издании ежемесячного исторического сборника зародилась у М. И. Семевского во время его многолетних занятий в архивах, где он собрал обширный запас разнообразных исторических материалов. По соображениям служебного характера – а именно как государственный служащий он не мог официально возглавлять частный, коммерческий журнал – Семевский был вынужден передать полномочия главного редактора своему родственнику Василию Арсеньевичу Семевскому, который согласился на то, чтобы лишь числиться номи-

нальным руководителем. Душой, организатором, коммерческим директором и редактором по-прежнему оставался Михаил Иванович. Целью издания своего журнала Семевский заявлял разработку вопросов освещения истории России, прежде всего послепетровского периода и новейшего времени.

В отличие от существовавших ранее исторических журналов, которые заполняли свои страницы тщательно обработанными статьями, М. И. Семевский предназначал «Русскую старину» главным образом для помещения «сырого» материала, а именно исторических документов и разного рода записок, воспоминаний, автобиографий и дневников исторических деятелей, лишь «приправленных» комментариями. Он не только сам активно писал для журнала, но и стимулировал других авторов к поиску документов в личных и государственных архивах, а также советовал свидетелям эпохи писать воспоминания. Первым из российских историков М. И. Семевский начал многоаспектную работу по сбору материалов от частных лиц. Многие записки и известные мемуары составлены исключительно по его настоянию, например записки Татьяны Петровны Пассек (1810–1889), Николая Васильевича Берга (1823–1884), Петра Андреевича Каратыгина (1805–1879), Николая Никифоровича Мурзакевича (1806–1883).

Редакция журнала предоставляла услуги по редактированию и даже по написанию воспоминаний. Некоторые рассказы просто стенографировались сотрудниками редакции и, с согласия сообщивших сведения, впоследствии помещались на страницах журнала. Иногда мемуарные сочинения составлялись даже в самой редакции по различным материалам и запискам и затем посылались на просмотр и утверждение лиц, от имени которых они должны были исходить. Так появились воспоминания живописцев Ивана Константиновича Айвазовского (1817–1890) и Фёдора Григорьевича Солнцева (1801–1892), композитора Антона Григорьевича Рубинштейна (1829–1894) и ряда других известных российских деятелей культуры. Если бы не этот литературный «приём Семевского», мы бы так никогда бы и не получили этих литературных памятников и не узнали бы много интересного о жизни всех этих замечательных россиян, которые не соглашались писать воспоминания лично, ссылаясь то на нехватку времени, то на отсутствие литературных способностей.

М. И. Семевский проявлял полное беспристрастие при опубликовании сообщаемых ему материалов. Он никогда не делал самовольных сокращений или переделок, и поэтому, как археограф, он вызы-

вал доверие к себе со стороны лиц, охотно отдававших ему фамильные архивы или заветные семейные документы. Это был редкий тип редактора-собираателя, не жалевшего ни времени, ни личных средств на приобретение материалов для журнала. Именно колоссальной энергии, энтузиазму и самоотверженности М. И. Семевского мы обязаны сегодня очень многому из того, что известно отечественной исторической науке о декабристах, петрашевцах: их жизни в ссылке и на каторге.

Жена декабриста И. А. Анненкова француженка Полина (Пелагея Егоровна) Гёбль дала своё согласие на запись воспоминаний после настоятельных уговоров М. И. Семевского. Она диктовала по-французски, а её дочь вела запись на русском языке. Получается, что М. И. Семевский своими действиями содействовал появлению такого популярного в настоящее время явления, как спичрайтерство.

Аналитическая работа с собранным материалом при М. И. Семевском не входила в непосредственные задачи журнала. Михаил Иванович полагал, что должно пройти время, чтобы журнальная публикация обрела статус исторического источника. Тем не менее на страницах «Русской старины» появлялись статьи и исследования по вопросам новейшей русской истории. Они принадлежали видным историкам Василию Алексеевичу Бильбасову (1837–1904), Александру Густавовичу Брикнеру (1834–1896), Дмитрию Ивановичу Иловайскому (1832–1920) и Николаю Ивановичу Костомарову (1817–1885), военному историку, генералу от инфантерии князю Николаю Сергеевичу Голицыну (1809–1992) и, конечно, В. И. Семевскому, который в 1870-е гг. активно сотрудничал в журнале брата.

Здесь были напечатаны его первые статьи: «Литература Екатерининского юбилея» (1874), «Княгиня Екатерина Романовна Дашкова» (1874), «Крепостные крестьяне при Екатерине II» (1876), «Александр Григорьевич Ильинский» (1878). Значительные затруднения для журнала представляла цензура, процедура прохождения которой была сложной, вследствие чего новые книжки часто запаздывали с выходом.

М. И. Семевский стремился использовать свои связи и знакомства, брал на себя личную ответственность за содержание номера. Ему то и дело приходилось отстаивать «щекотливые» места в мемуарах, на которые цензура готова была наложить вето. Тем не менее к публикации были запрещены, например, дневник В. К. Кюхельбекера, биография Н. Г. Чернышевского, а также статья о декабристе Александре Булатове (1793–1826). Кстати, до разжалования и ссылки Була-

тов был полковым командиром 12-го армейского егерского полка, а его отец Михаил Леонтьевич был генерал-лейтенантом.

Делу издания журнала в 1870–1880-е гг. М. И. Семевский посвящал практически всё своё время. Он поставил дело так, что по богатству и ценности публикуемых материалов «Русская старина», бесспорно, занимала первое место среди российских исторических журналов XIX в. М. И. Семевского высоко ценили на службе, ему доверяли свои семейные архивы и личные документы самые разные люди. Он был необычайно трудолюбив, аккуратен, обладал организаторскими способностями. После смерти Михаила Ивановича встал вопрос о том, кто станет редактором и издателем «Русской старины». Взгляды Василия Семевского были слишком радикальными и не соответствовали умеренно либеральному курсу журнала. Жена М. И. Семевского Елизавета Михайловна продала права на журнал группе соиздателей. «Русская старина» продолжала выходить вплоть до 1918 г.

В. И. Семевский как историк и редактор

В. И. Семевский был представителем «поререформенного» поколения русских историков. Он находился под влиянием идей теоретиков народничества П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского. Научные интересы В. И. Семевского определились во время учёбы в университете; это история русского крестьянства XVIII–XIX вв. [116] Он разрабатывал доступные ему документы петровского времени и эпохи дворцовых переворотов. Через семью своего брата Александра, женатого на сестре известного радикального деятеля Михаила Васильевича Буташевича-Петрашевского (1821–1866) Александре Васильевне, он получил доступ к архивным материалам о петрашевцах, а с некоторыми из них, в частности с Ахшарумовым и Плещеевым, даже встречался. Помимо этого он использовал материалы о петрашевцах, собранные ещё его братом. Некоторые его исследования о воззрениях петрашевцев на крестьянский вопрос и М. В. Петрашевском в Сибири появлялись в 1911–1915 гг. в различных исторических сборниках и журнале «Голос минувшего».

Однако первая часть неоконченного труда «М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы» увидела свет лишь в 1922 г. [117]

В 1881 г. в VIII томе «Записок» историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета представлена магистерская диссертация В. И. Семевского «Крестьяне при Екатерине II». В 1889 г. в Московском университете он защищает докторскую дис-

сертацию на тему «Крестьянский вопрос в XVIII и первой половине XIX века». За эту работу он был награждён Уваровской премией Императорской Академии наук, а Вольное экономическое общество представило его к большой золотой медали.

В 1880–1890 гг., помимо «Русской старины», В. И. Семевский много сотрудничал в «Отечественных записках», «Устоях», «Русской мысли», «Вестнике Европы», «Русских ведомостях», «Историческом обозрении». В 1891 г. В. И. Семевский по инициативе предпринимателя и благотворителя купца 1-й гильдии Иннокентия Михайловича Сибирякова (1860–1901) предпринял путешествие по Сибири с целью ознакомления с местными архивами.

Помимо архивных данных его интересовало положение рабочих на золотых приисках Якутии. Ему удалось собрать материал для своего исследования «Рабочие на сибирских золотых промыслах», которое появилось на страницах «Русской мысли» в 1893–1894 гг. [118; 122] За эту работу он был удостоен Самаринской премии.

В 1890-х гг. В. И. Семевский принимает участие в деятельности Исторического общества на историко-филологическом факультете столичного университета, созданном профессором Н. И. Кареевым. Заседания проходили, в них участвовали А. С. Лаппо-Данилевский, И. В. Лучицкий, Н. П. Павлов-Сильванский, Е. В. Тарле, С. Ф. Платонов, Б. Д. Греков и другие представители нового поколения исторической школы.

В 1894–1896 гг. Семевский даже являлся заместителем председателя этого общества. В эти годы он получает доступ к материалам архива М. И. Семевского и занимается историей освободительного движения. Он автор статей о декабристах И. Д. Якушкине, С. П. Трубецком, Н. И. Тургеневе, В. И. Штейнгеле, а также о М. М. Сперанском, Н. А. Спешнев, Ш. Фурье [121].

С 1880 г. он состоял членом Общества любителей российской словесности; в 1895 г. стал членом Вольного экономического общества. В этом же году он стал секретарём отдела «для содействия самообразованию» в комитете педагогического музея военно-учебных заведений. Он был также членом правления Литературного фонда. В. И. Семевский изучал историю Кирилло-Мефодиевского общества [115]. Им был также написан очерк о Василии Назаровиче Каразине, основателе Харьковского университета [119].

После смерти М. И. Семевского близкие Василия Ивановича предполагали, что журнал «Русская старина» перейдёт по наследству

ему, тем более что В. И. Семевский с 1886 г. исполнял обязанности заместителя главного редактора этого издания. Однако у В. И. Семевского была мечта возглавить свой журнал, отличный от «Русской старины». Эта мечта смогла осуществиться только в 1913 г., когда начал выходить их совместный с молодым историком Сергеем Петровичем Мельгуновым (1879–1956) ежемесячник «Голос минувшего».

Журнал оставил заметный след в отечественной историографии. В нём Семевский продолжил публиковать материалы по истории освободительного движения в России: письма, дневники, воспоминания, аналитические и историко-публицистические статьи авторов, принадлежавших к различным политическим партиям. Всё это он делал и раньше в таких, к тому времени уже закрытых, журналах, как «Русская старина», «Былое» и «Минувшие годы». Журнал был заявлен как «беспартийный», а потому на его страницах печатались как умеренные либералы, так и радикальные коммунисты.

Главным лидером журнала стал энергичный Мельгунов, а Семевский выступал в роли соредактора. Журнал под редакцией С. П. Мельгунова продолжал выходить вплоть до 1923 г. После вынужденной эмиграции Мельгунов продолжил его выпуск начиная с 1926 г. во Франции. Работы С. П. Мельгунова о «красном терроре», «поднятые», словно по мановению волшебной палочки, усилиями записных «советологов» из затхлых заокеанских архивов, стали особенно популярны в позднем СССР. С подачи западных «советников» в период горбачёвской «катастрофы» и несколько позднее, уже при Ельцине, стали активно публиковаться материалы, порочащие путь, пройденный нашей страной в 1917–1991 гг.

С 1905 г. общественная деятельность В. И. Семевского ещё более активизируется. Он принимает участие в акциях протеста столичной интеллигенции против репрессивных мер правительства. Как и другие участники депутатий к правительству накануне 9 января, он арестовывается и на две недели заключается в Петропавловскую крепость. Выйдя на свободу, Семевский стал председателем комитета помощи освобождённым узникам Шлиссельбурга и членом комитета по оказанию помощи политссыльным. В 1906 г. В. И. Семевский стал одним из создателей и членом центрального комитета партии народных социалистов. Её полное название звучало так: «Трудовая народно-социалистическая партия»; сокращённо членов партии называли «энесами» или «трудовиками».

В 1905 г. появляется труд В. И. Семевского «Общественные движения в России в первую половину XIX века. Том 1. Декабристы»

[120]. В 1909 г. выходит его книга «Политические и общественные идеи декабристов», которая была признана историками первым крупным трудом дореволюционной историографии о декабристах.

Последний солидный труд В. И. Семевского – исследование под названием «Кирилло-Мефодиевское общество. 1846–1847 гг.» – был впервые опубликован в Москве в 1918 г., т. е. также уже после смерти автора.

Полного и обстоятельного изучения трудов и биографий братьев М. И. и В. И. Семевских не предпринято до сих пор. Изучение их жизненного пути и научного наследия имело в советской исторической науке фрагментарный характер. Суждения, характеристики и оценки их научного творчества соответствовали господствовавшей в своё время идеологии марксизма-ленинизма.

Между тем вклад М. И. и В. И. Семевских в развитие отечественной науки значителен, а обстоятельства их биографий весьма поучительны и интересны даже для рядовых любителей российской истории. Они оба были связаны с большим количеством крупных российских личностей – писателей, деятелей искусства и политики. Братья Семевские зафиксировали на страницах своих научных трудов историю Отечества, сберегли для потомков мысли и чаяния своих замечательных современников, а потому достойны самого уважительного отношения и благодарной памяти потомков.

У. С. А. и К. Я. Люгебиль

Российские педагоги немецкого происхождения София Андреевна и Карл Якимович Люгебиль внесли свой неповторимый вклад в развитие образования в нашей стране, но, к сожалению, их имена сейчас практически забыты. Основательница *первого детского сада в России* София Андреевна Люгебиль родилась 20 января 1824 г. в Санкт-Петербурге, в лютеранской семье этнических немцев. Её отец, прусский подданный Генрих Готфрид Брикс (1781–19.11.1852), уроженец немецкого города Данциг (ныне польский Гданьск), эмигрировал в Россию и записался в Ремесленную управу Немецких цехов Санкт-Петербурга. Он зарабатывал на жизнь ремонтом клавикордов и других музыкальных инструментов. Его жена, София Амалия, урождённая Мальм (1785–1868), была матерью сына Александра Элиаса (1810–1893) и четырёх дочерей: Натальи (1812–1878), Софии Марты, Эмилии Катарины и Анны. (У двух дочерей были двойные имена, что

характерно для немцев.) Известно, что в 1844 г. семья снимала квартиру на Литейном проспекте, у домовладельца по фамилии Пистолькорс. София Марта, или просто София, получила среднее образование в немецкой гимназии Анненшуле. (Эту школу, в которой в основном учились дети немецких эмигрантов, называли ещё «училище святой Анны».)

В 1859 г. София вышла замуж за педагога Карла Якимовича (Иоакимовича) Люгебиля. (Настоящее имя – Карл Генрих.) К. Я. Люгебель родился 11 (23) ноября 1830 г. в Санкт-Петербурге в евангелически-лютеранской семье ювелира Иоахима Люгебиля. Школьное образование получил в той же школе, что и его будущая жена. В 1848–1852 гг. он учился на филологическом факультете столичного университета; окончил обучение со степенью кандидата по разряду общей словесности. Первое время Карл давал частные уроки, а в 1854 г. был приглашён старшим преподавателем латинского языка в знаменитую Ларинскую гимназию, где работал по 1857 г.⁹ В 1858–1859 гг. К. Я. Люгебель преподавал историю и древние языки в частной гимназии Карла Ивановича (Иоганновича) Мая (1820–1895), которая была основана им в 1856 г. К. И. Май был замечательным учителем-практиком, последователем передовых педагогических воззрений Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинского и других прогрессивных русских деятелей образования. София Андреевна вела там же уроки в подготовительном классе.

Имя С. А. Люгебель упоминается в мемуарах русского художника и историка искусства Александра Николаевича Бенуа (1870–1960)¹⁰. «Жизнь в гимназии Мая протекала тихо, ровно и безмятежно,

⁹ Это учебное заведение имело интересную историю. Это была всего лишь четвёртая по счёту гимназия в Санкт-Петербурге. Она была открыта в 1836 г. по инициативе министра народного просвещения Сергея Семёновича Уварова (1786–1855) и была названа в память о купце Петре Даниловиче Ларине (1735–1778), поскольку средства на её устройство и, частично, на её содержание были взяты из капитала, пожертвованного им ещё в царствование Екатерины II и находившегося в распоряжении министерства. В Ларинской гимназии помимо предметов, предусмотренных уставом классических гимназий, был введён особый курс по торговле и промышленности «для приготовления купеческих детей к коммерческим занятиям». Как известно, в русские гимназии могли поступать лишь дети дворян и чиновников, однако именно для этого учебного заведения было определено право поступления также детей русских и иностранных негоциантов, т. е. купцов.

¹⁰ «За мальчиками до 13–14 лет присматривала супруга К. И. Мая – очень некрасивая, красноносая и не слишком приятная Агнеса Ивановна, которую полагалось величать тётёй Агнес; помощницей её была родственница Мая, старень-

но раз в году, в день рождения директора, она отмечалась празднеством. В нижнем этаже, где находилась квартира Мая, варился для всего училища шоколад, и воспитанников группами приглашали отведать этого праздничного напитка, разливкой которого заведовала супруга “Карлуши”, его дочка и “тётя” Люгебиль. Осенью 1886 г. в гимназии праздновали 75-летие К. И. Мая, и это событие носило особенно парадный характер», – вспоминал юный воспитанник А. Н. Бенуа. Перед растроганным директором, сидевшим среди рекреационного зала в окружении педагогов и родителей, прошло «Шествие рек» в соответствующих костюмах и с произнесением каждой «рекой» уморительных немецких стишков, сочинённых другом семейства К. И. Мая, известным академиком-этнографом В. В. Радловым (1837–1918) [76; 94]. «Я изображал Хуанхэ, а мой друг Гриша Калинин – Янцзы. Из этнографического музея были одолжены настоящие китайские халаты, нам привесили длинные косы и приклеили висячие усы. Мы должны были держать указательные пальцы перед носом и произносить длинное стихотворение. Когда я произносил свои реплики, я заметил, что мои пальцы сами по себе и без всякого с моей стороны принуждения ритмично дергаются точно метрономы. Это, вероятно, было сочтено за особенно изощрённую китайскую стилистичность...» [5, с. 158]

Упоминается С. А. Люгебиль и в письмах выпускника гимназии К. И. Мая 1893 г. Ивана Васильевича Петрашени (1875–1937)¹¹. Разумеется, детские воспоминания отличаются, как нам кажется, значительным субъективизмом.

В 1859 г. К. И. Люгебиль защитил магистерскую диссертацию на тему “De Venere Coliade Genetyllide”, посвящённую истории Антич-

кая, такая же вся кругленькая, как и её фамилия, Tante Lügebill (тетя Люгебиль), которую полагалось звать именно так, а не по имени. Эти трое заведовали порядком в нижнем этаже; они же там и учительствовали» [5, с. 155].

¹¹ «...Другие уроки были менее замечательны, за исключением фрёбелевских работ у “танте Югабель” (искаженное Люгебиль. – В. Б.). На этих уроках мальчишки вели себя чрезвычайно вольно, наибольшее же напряжение можно было наблюдать у самой “танте Югабель”, маленькой, расплывшейся старушки с добрым наивным лицом. Если ученик делал работу небрежно, на лице “танте Югабель” появлялся испуг, она собственноручно исправляла работу, предоставляя мальчику в это время впасть в сладостное бездействие, и уверяла лентяя, что ошибка его случайна и больше не повторится. Когда ученик справлялся с работой, а “танте Югабель” в это время была на другом конце класса, то он, по заведённому порядку, во всё горло кричал: “Танте Югабель, я сделал!”, что меня первое время очень конфузило...» [38, с. 50–51]

ной Греции; в частности, он писал в ней о генетиллидах – богинях, присутствовавших при рождении ребёнка и передававших, как считали в древности, новорожденному те или иные способности.

В 1860–1861 гг. Люгербиль находился в двухлетней командировке в Германии, Италии и Греции с целью дальнейшего изучения латинского и древнегреческого языков, культуры и быта древних греков и римлян в архаическую и классическую эпохи. В Римском университете он был избран членом-корреспондентом института археологии (*di corrispondenza archeologica*). В «Бюллетене» института в 1861 г. им была размещена статья о последних раскопках в Помпее. К. Я. Люгербиль внёс значительный вклад в отечественную и европейскую историческую науку. Приведём один эпизод из содержания его докторской диссертации на тему «Историко-филологические исследования (Афинский царь Кодр и отмена царской власти в Афинах. Архонтство и стратегия в Афинах во время Персидских войн)», которая была опубликована как монография в Санкт-Петербурге в 1868 г.

...По преданию Оракулом было предсказано, что дорийцы не завоюют Аттику (Афины), если погибнет её царь Кодр. Услышав такое предсказание, Кодр, для спасения своей страны, переоделся дровосеком, отправился в дорийский лагерь и намеренно завязал там драку. Он ранил серпом вражеского воина – и был убит. Случилось это в 1068 г. до новой эры. Жители Аттики решили после этого не иметь царей и учредили архонтат, т. е. стали выбирать пожизненных архонтов (правителей). Первым из них стал Медонт, сын Кодра...

К. Я. Люгербиль был известен в филологических кругах как специалист в области греческой филологии [40], этимологии греческого языка [39], древнегреческой литературы [42] и истории [43]. Он также написал книгу для чтения на греческом языке для учащихся гимназий [41]. Его имя не забыто до сих пор; современные отечественные ученые характеризуют К. Я. Люгербиля как одного из крупнейших специалистов в области античности [159, с. 236–237].

Вся дальнейшая жизнь К. Я. Люгербиля была связана с родным университетом. Здесь он стал доктором греческой словесности (1868), ординарным профессором (5 мая 1872 г.), а 8 января 1882 г. ему, как и Л. Н. Модзалевскому, был присвоен чин действительного статского советника. Он также состоял в должности помощника хранителя древностей в Эрмитаже; был преподавателем в училище правоведения. К. Я. Люгербиль скончался в Санкт-Петербурге 28 декабря 1887 г. (9 января 1888 г.) [7, с. 412–413]. С. А. Люгербиль скончалась 6 апреля 1914 г.

Супруги Люгебиль были соучредителями и деятельными членами Санкт-Петербургского педагогического собрания; в 1869 г. оно приобрело статус педагогического общества. Местом проведения собраний был актовый зал второй столичной гимназии, в которой работали и некоторые участники этих встреч. Собрания общества посещались такой массой «отборной», по выражению М. Л. Песковского, образованной публики, что громадный зал, где происходили заседания, не всегда вмещал собравшихся. В педагогических журналах обязательно помещались рефераты, читавшиеся в ходе собрания, печатались подробные отчёты о прениях в форме стенограмм или точного пересказа. Это давало возможность широкой публике, прежде всего, за пределами столичного педагогического общества правильно ориентироваться в специальных педагогических вопросах, что, в свою очередь, способствовало формированию определённой устойчивости прогрессивных общественных воззрений на школьное дело в целом в России.

Профессор П. Г. Редкин взял на себя руководство этими собраниями, а затем и Педагогическим обществом практически до самого конца его существования [88, с. 177]. Его фактическим помощником был соратник К. Д. Ушинского по Смольному институту М. И. Косинский. Сам К. Д. Ушинский неоднократно вступал на заседаниях общества с новаторскими предложениями, вызывавшими большой интерес не только его непосредственных слушателей, но и по всей России, посредством опубликования их в дальнейшем в педагогической печати. Ни один из обсуждавшихся в педагогических собраниях вопросов не снимался с рассмотрения, пока не был полностью изучен. В этом отношении Ушинский, этот «ходячий педагогический архив», «багаж педагогической мудрости», как его называли участники собраний, был неоценим и незаменим. В итоге серьёзное, умелое и чуткое отношение педагогических собраний к вопросам и явлениям школьной жизни снискало им большое сочувствие образованной части населения в столице и провинции.

Назовём ещё нескольких признанных в своё время педагогов и деятелей образования, принимавших самое активное участие в работе общества. Это автор одного из первых проектов введения обязательного образования в России Андрей Степанович Воронов (1820–1875), специалист в области начального обучения, активный пропагандист аналитического звукового метода обучения грамоте, сторонник объяснительного чтения Иосиф Иванович Паульсон (1825–1898), основа-

тель педагогической журналистики в России Николай Христианович Вессель (1837–1906) [92, с. 95].

Супруги Люгемиль выступали на заседаниях общества с более близкой им «дошкольной» проблематикой.

Начиная с 2004 г. в России ежегодно 27 сентября отмечается День дошкольного работника, поскольку именно в этот день в 1863 г. в Санкт-Петербурге, на Большом проспекте Васильевского острова, К. Я. и С. А. Люгемиль открыли первый русский детский сад. Этот детский сад имел своих предшественников за границей. Ещё в 1769 г. французские педагоги Жан-Франсуа Оберлин и Луиза Шепплер в немецком городке Штейнталь основали первое в истории учреждение для маленьких детей, получившее название «вязальной школы». Здесь применялись игры, использовалась наглядность, уделялось особое внимание развитию речи и нравственно-религиозному воспитанию. Роберт Оуэн и Джордж Бьюкенен в Шотландии, пастор Флиднер в Кайзерсверте, Юлий Фельзинг в Дармштадте, графиня фон-Брунвик в Венгрии продолжили практику открытия дошкольных учреждений [108, с. 118].

В России прообразом детского сада были дневные детские комнаты при Демидовском доме трудолюбия (его ещё называли Дом для призрения трудящихся), открытые 15 мая 1837 г. Анатолием Николаевичем Демидовым (1812–1870) по просьбе матерей-работниц. На этот Дом благотворитель пожертвовал полмиллиона рублей, которые частично пошли и на организацию работы детских комнат¹². Первоначально в этих комнатах находились 6 мальчиков и 11 девочек, но через год количество детей возросло уже до 112. Однако какой-то педагогической программы работы с ними просто не было.

В 1837 г. в немецком городе Бад Бланкенбург Фридрих Фрёбель (1782–1852) открыл «Учреждение для развития творческого побуждения деятельности у детей и подростков», которому было суждено стать фактически первым в истории детским садом. Именно здесь это учреждение получило своё название “Kindergarten” («Детский сад»), а Ирма Зееле стала первой в истории «садовницей», т. е. воспитательницей. Фрёбель первым не только практически организовал такое учреждение, но и всесторонне научно обосновал его воспитательную

¹² Кстати, А. Н. Демидов был женат на племяннице Наполеона Бонапарта Матильде. Причиной их развода стало рукоприкладство со стороны Демидова. Одни источники утверждают, что он прилюдно дал жене пощечину; по другим данным, Демидов ее вообще регулярно избивал...

деятельность, а также осуществил свои передовые педагогические взгляды на практике [91, с. 96].

В середине XIX в. имя Ф. Фрëбеля было уже известно российским педагогам, хотя его труды в России издавались мало. Роль распространителя и интерпретатора идей Фрëбеля взяли на себя периодические издания: журналы «Современник», «Детский сад», газеты «Русский инвалид», «Голос» и др. С его системой и самим фактом существования детских садов в Германии впервые познакомил российских педагогов в 1857 г. соратник Ушинского Василий Иванович Водовозов (1825–1886).

Фрëбелевская педагогическая система нашла немало последователей в России. Постепенно в России стали появляться первые детские сады. Есть скудное упоминание в некоторых источниках, что первые детские группы появились в Гельсингфорсе (ныне Хельсинки) в 1859 г., затем в 1863 г. Но, во-первых, Хельсинки уже более ста лет не входит в состав России, а, во-вторых, никаких конкретных сведений о деятельности этих групп нет. Вот почему общепринято считать *первым* детским садом в России именно тот, что открыли супруги С. А. и К. Я. Люгебиль 27 сентября 1863 г.

В числе первых была также Аделаида Семёновна Симонович (1844–1933), которая вместе с мужем открыла первый бесплатный детский сад в Санкт-Петербурге в 1866 г. при благотворительном «Обществе дешёвых квартир», получивший название «народного» и ставший доступным самым бедным слоям населения. Он предназначался для детей домработниц. Занятия там были организованы по фрëбелевской системе. Старшие дошкольники изучали Священное Писание, молитвы, плели, рисовали и занимались аппликацией. В народном саду оборудовали швейную мастерскую для пошива детского белья, прачечную, общую кухню и даже начальную школу для детей, родители которых работали «на выезде». Старшие дети час в день обучались чтению и письму, педагоги проводили с ними развивающие беседы. Но и этот детский сад вскоре закрылся из-за безденежья. А. С. Симонович стала учредителем первого российского педагогического журнала по дошкольному воспитанию «Детский сад». В этом же 1866 году детские сады открылись в Николаеве, Одессе и Москве [160, с. 527].

Первые руководители детских садов (С. А. Люгебиль, К. И. Герке и др.) считали себя последователями Фрëбеля. Но это не означало, что они во всём скрупулёзно следовали дидактическим наставлениям

великого немецкого педагога; имела место и определённая методическая самостоятельность со стороны первых русских воспитателей.

Детский сад супругов Люгебиль был платным, – как, впрочем, и почти все другие, открывавшиеся в то время, – но в то же время вполне доступным для семей, имевших средний заработок. Поначалу в нём преобладали дети работниц расположенной неподалеку швейной фабрики. Он размещался в небольшом деревянном домике, что было вполне достаточно для 30 детей в возрасте от 3 до 6 лет. Они находились в детском саду с 10.30 до 14.30. Утром с детьми занимались гимнастикой и физическими упражнениями. Второй час посвящался шитью, работе с бумагой (вырезание, наклеивание и т. п.). Затем дети обедали. После обеда они играли, танцевали, пели, слушали чтение. Малышей не принуждали делать то, чего они не хотели. Если они не желали вырезать из золочёной бумаги или танцевать, то им разрешалось делать то, что им хочется. Таким образом, игры и занятия в детском саду проводились без строгой регламентации; детям зачастую предоставлялась возможность играть и заниматься самостоятельно, но, разумеется, под неусыпным присмотром «садовницы». В тёплое время года все активные развлечения проходили на природе – в цветочно-фруктовом саду, а зимой дети «штурмовали» ледяную горку. Подвижные и настольные игры, занятие ручными работами, рассказывание сказок и стихов, проведение бесед – от таких форм работы, практиковавшихся в детском саду, малыши были в восторге, и родители с трудом уводили их домой. Родители имели возможность наблюдать за детьми со стороны. Воспитатели давали им советы по организации развивающей деятельности в домашних условиях.

С. А. Люгебиль сама нередко участвовала в играх и занятиях. Как вспоминали бывшие воспитатели, она всегда указывала им на необходимость развития у детей воображения. Без сказок и живых бесед не проходил ни один день. Люгебиль вела записи своих наблюдений за индивидуальным поведением и развитием детей

Педагог Елизавета Николаевна Водовозова (1844–1923) в своих воспоминаниях выражала сомнение в том, что госпожа Люгебиль придерживалась какого-либо конкретного метода в своей работе; однако очевидно, считала она, что детей окружала атмосфера истинного счастья, которой они наслаждались [18, с. 275].

Многие первые детские сады работали непродолжительное время, что объяснялось нехваткой средств на их содержание. Так и детский сад Люгебиль прекратил свою работу уже в 1869 г. по этой же

причине. Открытие первого детского сада прошло почти не замеченным со стороны тогдашней прессы. Только спустя год прогрессивный журнал «Современник» «спохватился» и опубликовал статью, в которой, впрочем, даже сквозила определённая подозрительность и недоверие к «немецким выдумкам».

«Сад этот существует уже более года – и, однако ж, доселе о нём не было ни слуху, ни духу. Мы услышали о существовании его совершенно случайно – и признаемся, с большим недоверием о пользе подобного дела у нас. Во-первых, детские сады это выдумка немецкая... Тут непременно, думали мы, детей муштруют, делают их умненькими, подгоняют под однообразную форму живых машинок. А затем, думали мы, – если в Германии и есть детские сады, из которых умная педагогика умеет устранять недостатки, более или менее неразлучные с чинным немецким воспитанием – то, возможно ли это у нас? Нас, однако, приглашали идти – посмотреть, и своими глазами убедиться в неосновательности обуревавших нас сомнений. Мы последовали этому совету и, при первом же посещении сада, действительно разубедились в наших сомнениях. Весёлые лица детей, смех, говор, резвость показали нам, что они не терпят здесь никакого принуждения или стеснения» [112].

Деятельность супругов Люгебиль получила плодотворное развитие в России в последующие годы. Платные дошкольные заведения появились в Воронеже, Смоленске, Иркутске, Москве, Тбилиси. Организация и направления воспитательной работы в этих садах полностью зависели от взглядов их начальника или покровителя. В некоторых, преимущественно открытых российскими немцами, методично реализовывалась система Фрёбеля. В других же кураторы с воспитательницами искали новые векторы работы, критикуя немецкого педагога и следуя высказываниям Ушинского, Толстого и других прогрессивных отечественных педагогов. Начиная со второй половины XIX в. в России появляются фрёбелевские общества, объединявшие представителей прогрессивной педагогической интеллигенции, стремившейся к организации дошкольных учреждений. Наиболее известными были фрёбелевские общества в Санкт-Петербурге, Киеве, Одессе, Харькове и Тифлисе. Общества создавали платные и бесплатные (на добровольные пожертвования) дошкольные учреждения: детские площадки и летние колонии для организации оздоровительного отдыха детей, издавали литературу и проводили публичные лекции.

В деятельности фрёбелевских обществ проявили себя две, во многом противоположные, тенденции. Одни педагоги предлагали ис-

пользовать педагогическое наследие Фрѐбеля в неизменном виде. Однако прогрессивная и наиболее влиятельная часть педагогов (Е. Н. Водозова, А. С. Симонович, Е. И. Конради, А. М. Калмыкова, П. Ф. Каптерев и др.) считала необходимым творческое применение наследия действительно великого немецкого педагога с учётом российских реалий и последних достижений педагогики.

Самое раннее по времени открытия и самое крупное – Санкт-Петербургское общество содействия первоначальному воспитанию детей – было учреждено в 1871 г. Его организаторами были Полина Карловна Задлер (в замужестве Раухфус) и Евгения Аристовна Вертер, которые в конце 1860-х гг. посетили ряд детских садов Германии, изучили применявшуюся в них методику работы Ф. Фрѐбеля и ознакомились с деятельностью Тюрингенского фрѐбелевского общества. (Именно в Тюрингии находились города Штейнталь и Бад Бланкенбург, где впервые были организованы детские дошкольные учреждения.) Помимо открытия благотворительных дошкольных учреждений, общество организовывало лекции по дошкольной педагогике, имело платные фрѐбелевские курсы (с 1872 г.) по подготовке «детских садовниц». На курсы принимались женщины, имевшие среднее образование или сдавшие экзамен при гимназии на звание домашней наставницы или учительницы. Сначала курсы были годичными, с 1878 г. срок обучения был продлен до двух лет. На первом курсе преобладало теоретическое обучение, на втором – практическое. В 1907 г. курсы стали трёхлетними. При обществе действовала школа по подготовке «сведущих нянь» (с 1895 г.), два бесплатных детских сада на 100 детей, летний народный сад (его ежегодно посещало свыше тысячи детей), детская летняя колония на 100 детей, С 1877 г. общество устраивало бесплатные детские праздники и экскурсии на природу, демонстрацию фрѐбелевских игр, выставки детских поделок. С 1870 г. оно присуждало премии за лучшие литературные произведения для детей и издавало их. В совет общества первоначально входили супруги Люгебиль, К. И. Май, редактор журнала «Учитель» И. И. Паульсон, детский врач П. К. Задлер, председатель столичного педагогического общества П. Г. Редкин, основательница детского сада Е. А. Вертер. После 1917 г. курсы были преобразованы в институт дошкольного воспитания, при котором работал опытный детский сад фрѐбелевской направленности.

Двухлетние курсы по подготовке «фрѐбеличек» работали в Одессе и Харькове. Киевское фрѐбелевское общество, открывшееся в 1872 г., было известно тем, что его сотрудники разрабатывали теоре-

тические вопросы дошкольного воспитания, издавали литературу, например «Летние детские площадки для игр» (1914), «Парижские детские сады» (1914). Здесь в 1908 г. на платной основе был открыт Фребелевский женский пединститут с 3-летним сроком обучения, готовивший воспитателей детских садов. При институте имелись педагогические и психологические лаборатории, детские сады и площадки. В советское время он был преобразован в институт народного образования, а затем в педагогический институт.

Постепенно детские сады стали появляться и в российской провинции. В 1911 г. Клавдия Андреевна Луппова (1869–1924) открыла при своей квартире первый в городе Вятке детский сад. Двухэтажный кирпичный дом, в котором он размещался, сохранился до настоящего времени и расположен по адресу: ул. Дерендяева, 59. В советское время первый детский сад был открыт в Вятке в феврале 1918 г. (зав. Мария Ивановна Новокрещёнова). В июне 1918 г. при Вятском городском отделе народного образования был организован подотдел дошкольного воспитания, которым заведовала К. А. Луппова.

Таким образом, можно утверждать, что деятельность супругов Люгебиль по открытию детского сада была в значительной степени «пионерской»; эти замечательные российские педагоги «проторили путь» огромному количеству последователей по всей России.

VI. М. И. Косинский

Одним из близких единомышленников великого русского педагога К. Д. Ушинского был Михаил Иосифович Косинский. Он принадлежал к замечательному роду, верно служившему России на протяжении нескольких поколений. Рассказ о замечательном роде Косинских уместно начать с барона Юзефа-Яна Косинского (Коссинского?) (1793–1873), который с раннего детства мечтал о военной карьере. Поэтому уже в 14 лет он поступил на службу в польско-французскую гвардию. Как раз в год его рождения Россия и Пруссия подписали акт о втором разделе Польши, а в 1815 г. Польша вошла в состав Российской империи как автономное Царство Польское, с собственной конституцией, управлением и армией.

Не всем полякам нравилась эта ограниченная независимость. В части польского общества назревало возмущение, прорвавшееся восстанием, которое началось 30 ноября 1830 г. Юзеф-Ян Косинский – он стал называть себя Иосифом Иосифовичем – служил в это время в им-

ператорском гвардейском сапёрном батальоне; он не примкнул к восставшим, а вместе со многими другими противниками восстания покинул Польшу и оказался в России. Восстание было подавлено, а Иосиф Косинский в 1832 г. стал полковником русской армии. Он служил «по артиллерийскому департаменту» в Санкт-Петербурге и в 1861 г. стал генерал-лейтенантом. Его супругой была Марфа Филипповна Кузовлева, происходившая из древнего, хотя и небогатого, дворянского рода.

Одна из их дочерей, Елена Иосифовна (1836–1904), выпускница Смольного института, вышла замуж за Владимира Ивановича Лихачёва (1837–1906), ставшего впоследствии столичным градоначальником. Е. И. Лихачёва была известной деятельницей движения за эмансипацию женщин и автором известного 4-томного труда «Материалы для истории женского образования в России» (СПб., 1890–1901), отмеченного Уваровской премией¹³. Она приняла деятельное участие в организации Высших женских (Бестужевских) курсов. Поэт Н. А. Некрасов посвятил ей поэму «Мать», а художник Н. Н. Ге написал её портрет, находящийся теперь в Русском музее в Санкт-Петербурге.

Другая дочь Косинских, Мария Иосифовна (?–1916), была женой статского советника Петра Буяльского, который состоял в родстве с Ильёй Васильевичем Буяльским (1789–1866), известным русским анатомом и хирургом. Единственный сын Иосифа и Марфы Косинских, Михаил Иосифович Косинский (1839–1893), родился в Киеве¹⁴ (он называл себя Михаилом Осиповичем). Это и был будущий соратник великого русского педагога К. Д. Ушинского по работе в Смольном институте благородных девиц.

С детских лет Михаил Косинский готовился отцом к военной карьере. В 1859 г. он окончил курс обучения в Николаевском инженерном училище в Санкт-Петербурге с чином подпоручика и продолжил было обучение в Николаевской инженерной академии, но в 1861 г. был отчислен из академии до окончания курса в практическом отделении «за проступок против воинской дисциплины» и прикомандирован к резервной саперной бригаде («к саперному полубатальону»), но к службе он так и не приступил и предпочел выйти в отставку¹⁵.

¹³ Уваровская премия учреждена в 1856 г. в память о графе С. С. Уварове, президенте наук и министре просвещения. Она присуждалась в основном за труды по русской истории.

¹⁴ По некоторым данным он родился в 1835 г.

¹⁵ «Проступок» Косинского заключался в следующем. В октябре 1860 г. в Николаевской инженерной академии разразился скандал, ставший известным всей

Ещё в 1859 г. вместе с выпускником 1858 г. Николаевского инженерного училища Илиодором Александровичем Яновичем (1841–1908), будущим губернатором Плоцкой губернии¹⁶, Михаил Косинский основал первую в России бесплатную воскресную школу, – её название было «Таврическая в память святителей Кирилла и Мефодия»¹⁷. В ней учились преимущественно рабочие и ремесленники самого различного возраста, стремившиеся к грамотности. При этом Косинский одновременно продолжал своё военное образование.

М. И. Косинский занимался организацией работы школы с огромным энтузиазмом; здесь проявились его недюжинные педагогические способности, призвание в учительской и административной работе. В 1861 г. он даже отказался от продолжения военной карьеры и принял предложение инспектора классов Смольного института благородных девиц К. Д. Ушинского работать в нём преподавателем арифметики и геометрии. Вместе с ним к работе в Смольном приступили О. Ф. Миллер, М. И. Семевский, Л. Н. Модзалевский и Г. С. Дестунис [29, с. 395].

К сожалению, в мемуарах Ушинского и его соратников по Смольному институту (Д. Д. Семёнова, В. И. Водовозова, Л. Н. Модзалевско-

стране и получивший в своё время широкую огласку. На одном из занятий поспорили профессор, полковник Таубе, и слушатель, инженер-поручик Михаил Петрович Никонов (1840–1903). При этом, насколько можно судить по материалам расследования этого инцидента, которое проводил лично великий князь Михаил Романов, преподаватель был неправ в значительно большей степени, нежели слушатель. Таубе пригрозил подать рапорт руководству академии с требованием исключить молодого офицера из училища за дерзкое поведение. Тогда, в знак протеста, почти все слушатели, за исключением семи, подали рапорты об их отчислении. Происшествие приобрело известность, о нем доложили царю. После допроса 11 человек забрали свои рапорта. Александр II принял решение отчислить 115 офицеров из академии, направить их в отдалённые гарнизоны и обойти чином при очередном производстве. Среди отчисленных оказались представители знаменитых «морских» фамилий Ушаков и Истомина, будущий прославленный флотоводец и брат композитора Римский-Корсаков, представитель известного рода Витте. Во всей академии осталось всего... 18 слушателей. А. И. Герцен полностью опубликовал полный текст императорского приказа в «Колоколе» и высмеял его.

¹⁶ Она располагалась в Царстве Польском. Не путать с Полоцкой губернией.

¹⁷ Упоминание в названии школы имён преосвящённых Кирилла и Мефодия ввело в заблуждение некоторых современных исследователей, приписывающих Косинскому и Яновичу «честь» основания Кирилло-Мефодиевского братства, к которому они не имели никакого отношения.

го, М. И. Семевского и др.) не сохранилось конкретных воспоминаний о работе М. И. Косинского в Смольном [73; 82].

После вынужденного ухода Константина Дмитриевича Ушинского из этого учебного заведения приглашенные им преподаватели, в том числе и Косинский, оставшись без своего фактического руководителя, также постепенно сменили место работы [101]. В 1865 г. в Санкт-Петербурге были открыты педагогические курсы «для приготовления народных учителей». М. И. Косинский работал на них преподавателем математики, а с 1867 г. выполнял обязанности инспектора классов, т. е. фактически был их организатором. Одновременно с 1868 г. он заведовал женской прогимназией, имевшей педагогический класс; здесь он преподавал педагогику. Постепенно имя барона М. И. Косинского как педагога получает значительную известность в России. В 1869 г. он был приглашён Новгородским земством для организации учительского съезда.

В августе того же года в деревне Колмово Новгородской губернии была открыта Александровская¹⁸ Новгородская земская учительская школа, ставившая своей целью подготовку народных учителей. Она была организована по проекту большого энтузиаста народного образования Ивана Павловича Можайского (1830–1893), инспектора (штатного смотрителя) народных училищ (с 1857 г.), краеведа, автора стихов для детей. Однако заведующим стал именно М. И. Косинский. В первый год работы школы за парты сели 20 учеников из крестьянского сословия, во второй год – 40 учеников, в третий год – 40 учеников и 2 стипендиата Прибалтийского православного братства. В школу принимались преимущественно крестьянские юноши. На содержание каждого земством выделялось 120 рублей.

Дети чиновников, духовенства, военнослужащих и мещан принимались с ежегодной оплатой за учебу по 75 рублей. Учащиеся освобождались от рекрутской повинности. В Александровской учительской школе преподавали Закон Божий, педагогику, русский язык и математику, отечественную историю и географию, чистописание и рисование. С целью укрепления материальной базы учительской школы городская дума передала ей одно из приходских училищ, в помещении которого уже в первый год работы была открыта начальная школа, где воспитанники проходили педагогическую практику. При разработке устава учебного заведения было признано невозможным ограничиваться преподаванием основ наук без усвоения навыков какой-либо профессии.

¹⁸ Названа в честь императора Александра II.

По мнению «отца» русской земской школы барона Николая Александровича Корфа (1834–1883) народная школа не должна готовить ремесленников или земледельцев, но обязана воспитывать людей, а потому и должна сообщать не специальное, а общее начальное образование, необходимое всякому человеку [87, с. 94]. Тем не менее в интересах сельского населения в устав Александровской школы была заложена идея о необходимости соединения профессиональной подготовки с обучением столярному делу и огородничеству. По окончании трёхгодичного курса выдавался аттестат, дающий право на занятие должности учителя, и единовременное пособие в размере 50 рублей на обзаведение и приобретение необходимой учебной литературы [1].

В 1871 г. на празднике, посвящённом первому выпуску земской школы, преосвящённый Феоктист поставил перед выпускниками задачу воспитывать нравственные начала в народе, приобщая его к православию. Председатель губернской земской управы Н. Н. Фирсов назвал выпускников земской школы первыми народными учителями России. Выпускников поздравили губернатор Э. В. Лерхе и сам Н. А. Корф, специально приехавший для этого издалека. «Новгородские губернские ведомости» сообщали в 1872 г., что накануне Дня памяти св. Кирилла и Мефодия состоялось испытание: выпускники давали пробные уроки для детей из Колмовской богадельни. Из 12 выпускников отличные знания и умения показали Петр Максимов из Колмово, а также новгородцы Фаддей Тимофеев и Дмитрий Емельянов; остальные показали хорошие знания и умения. В «Вестнике Европы» (1889. № 12) сообщалось, что Александровская земская учительская школа выпустила в 1887–1888 гг. 140 человек, из которых 63% служили сельскими учителями в Новгородской губернии, восемь – учителями городских училищ, двое стали священниками, еще двое – псаломщиками, а три выпускника оказались на службе в Новгородском земстве. За короткое время школа дала значительный по количеству контингент хорошо подготовленных учителей. В 1873 г. школа была переведена в Великий Новгород [20].

1870-е гг. вошли в историю России как время так называемых контрреформ. Установившийся режим стремился избавиться от проявлений либерализма в любой общественной сфере, а уж в образовании тем более. Получили распространение доноительство, увольнение по политическим мотивам и соображениям борьбы с вольнодумством. Попал под это «колесо» и наш герой. В августе 1872 г.

М. И. Косинский по подстроенному его недоброжелателями делу был отстранён от должности заведующего школой как «человек крайне либеральный и в политическом отношении неблагонадёжный»; ревнители «чистоты крови» стремились тем самым «спасти школу от человека польского происхождения, весьма коварно подрывающего в учениках верноподданнические чувства и преданность России». После него начальницей Александровской земской учительской школы была назначена В. Шемякина [20].

М. И. Косинский возвратился в столицу и некоторое время продолжил работать в области образования. Так, по приглашению земств и с «подачи» известного российского педагога Н. Ф. Бунакова [99] он руководил летними учительскими курсами в Курске, Нежине и Череповце.

В 1874 г. М. И. Косинский исполнял обязанности директора тюремного комитета и председателя исправительного совета так называемого Литовского замка – тюрьмы в Санкт-Петербурге, в округе Коломна, у пересечения реки Мойки и Крюкова канала, напротив Новой Голландии. В эти же годы там работал педагогом талантливый журналист и мемуарист Матвей Леонтьевич Песковский [86, с. 71], автор первой книги о К. Д. Ушинском, причём в биографической серии, основанной замечательным русским просветителем Флорентием Фёдоровичем Павленковым (1839–1900) [109] и ставшей предшественницей серии «Жизнь замечательных людей», основанной А. М. Горьким уже в советское время.

С присущей ему энергией и настойчивостью Косинский взял на себя заботу о заключённых в замке малолетних преступниках как во время их заключения, так и по окончании срока. Но в 1875 г. он был вынужден оставить эту службу вследствие столкновения с тюремной администрацией, недовольной проявлением «чрезмерной доброты» в отношении нарушителей закона. После этого М. И. Косинский поступил на службу «по таможенному ведомству» в Санкт-Петербурге. В эти годы барон Косинский был одним из деятельных членов и секретарём столичного педагогического общества и комитета грамотности, одним из учредителей первого в столице церковного братства. Составил учебник «Наглядная геометрия».

Он положил начало учреждению таких же братств в Новгородской губернии, был сотрудником «Санкт-Петербургских ведомостей» в годы, когда редактором был прогрессивный издатель Валентин Фёдорович Корш (1828–1883). После нескольких лет службы в столице Косинский был переведён членом таможни в г. Ревель, ныне Таллин,

где он провёл последние годы жизни, будучи служащим эстляндской таможни. Во время службы в Ревеле он находил время для частной благотворительной деятельности и читал публичные лекции о воспитании. Михаил Иосифович Косинский умер в Ревеле 4 декабря 1883 г. Он похоронен на Волковском кладбище в Санкт-Петербурге.

Следует сказать о личной жизни Косинского, тем более что она была весьма необычной и была теснейшим и очень своеобразным образом связана с его общественной деятельностью. Впрочем, судите сами. М. И. Косинский принимал активное участие в деятельности «Санкт-Петербургского Общества милосердия, или Общества попечения о бедных женщинах» [45, с. 37]. Именно с участием в работе этого общества была связана его первая женитьба. Согласно уставу, члены этой благотворительной организации, вступая в её ряды, обязывались оказывать посильную финансовую помощь бедным женщинам и побуждать к этому «сильных мира сего», что было вполне естественно и разумно. Но было ещё одно, прямо скажем, необычное «требование»: холостой член общества должен был ещё и обязательно... жениться на, как тогда выражались, «падшей женщине». Выбор конкретной «избранницы» оставался, разумеется, за самим женихом, но общество строго следило за тем, чтобы эта избранница соответствовала названному «требованию», т. е. действительно была «падшей». Для этого жених должен был представить в общество подтверждение о том, что его избранница действительно «трудится» в «доме терпимости». С определённой периодичностью члены общества на своих встречах с помощью жеребьёвки определяли, кому следует «принести себя в жертву». Этой, как они считали, благородной идее они неуклонно следовали.

Конечно, эта чисто филантропическая затея не могла привести ни к чему хорошему. На долю Михаила Иосифовича выпал брак с некой Аргамаковой, совершенно опустившейся женщиной, хотя и дворянского происхождения. Он очень скоро развёлся с ней, но она до конца его жизни, по выражению родных, «висела на нём, как дамочлов меч». На счастье Косинского, от этого короткого брака не было детей.

Вторая жена Михаила Иосифовича, Надежда Владимировна, урожденная Конюхова (1844–1916), была, по воспоминаниям родственников, напротив, человеком необыкновенной чистоты, душевности и житейского мужества. После смерти мужа она продолжила его дело: основывала небольшие частные школы и сама преподавала в

них. В семье Косинских были три дочери и шесть сыновей, один из которых умер в раннем детстве, и сведений о нем не сохранилось. Дети воспитывались в духе любви к России. Все они унаследовали от родителей прямой и независимый характер. Судьбы некоторых из них заслуживают того, чтобы кратко о них рассказать (см. Приложение II).

Таким образом, несмотря на все сложности и причудливые повороты судьбы М. И. Косинский прожил очень цельную и полезную жизнь, наполненную постоянными трудами в области развития образования, а его дети также внесли очень достойный вклад в развитие своего отечества.

ГЛАВА 3. ПОСЛЕДОВАТЕЛИ

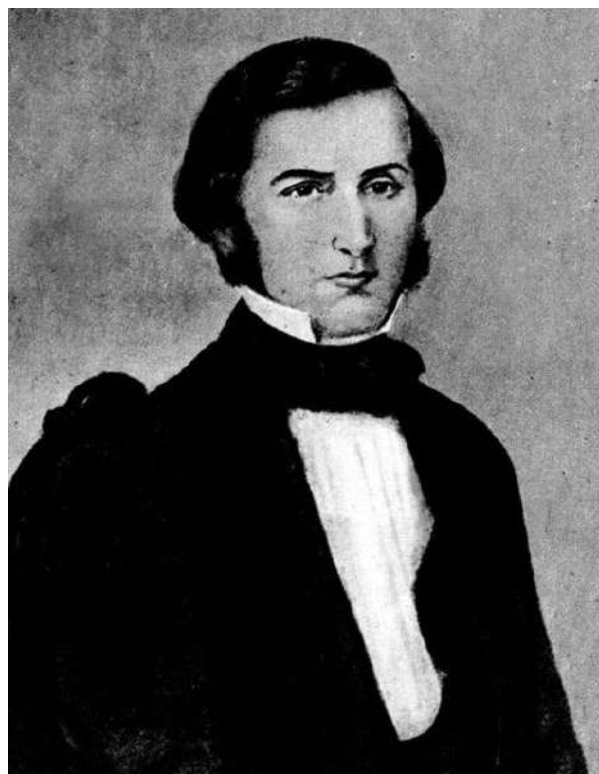
И. Е. Н. Водовозова

Детская писательница, педагог-методист и мемуаристка Елизавета Николаевна Водовозова занимает своё особое, неповторимое место в истории отечественной педагогики. Она была, по существу, первой женщиной в России, выступившей в середине XIX в. в качестве автора блистательных мемуаров, теоретических трудов по педагогике, а также научно-популярных учебных книг и пособий для детей и юношества, которые славились не только богатством заключённого в них содержания, но и изысканностью полиграфического и иллюстративного оформления.

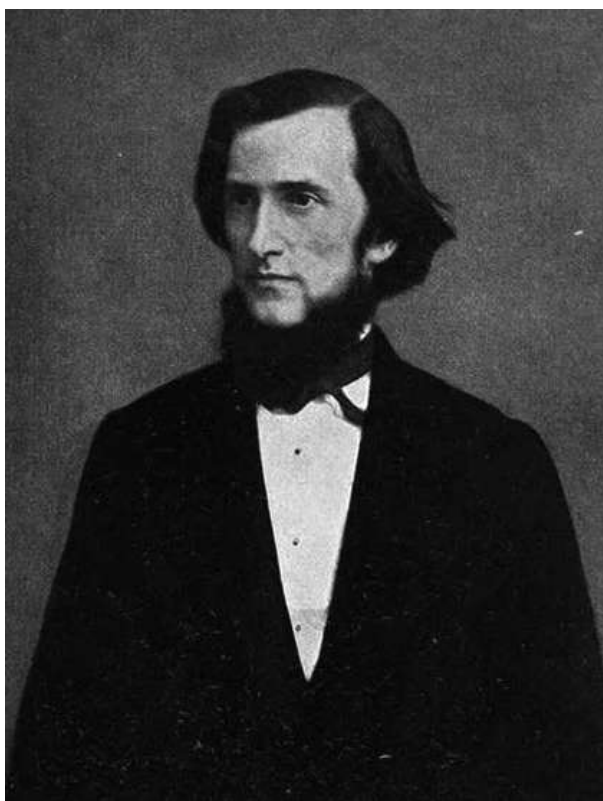
Е. Н. Водовозова (урождённая Цевловская) родилась в семье мелкопоместного помещика 5 (17) августа 1844 г. в селе Погорелое Поречского уезда Смоленской губернии, где у её отца было небольшое имение. Отец, Николай Григорьевич (1790–1848), был кадровым офицером, участником Отечественной войны 1812 г. Он прошёл с русской армией все этапы борьбы с наполеоновской ордой – от Аустерлица (1805 г.) до лейпцигской «битвы народов» (1814 г.). Много лет он служил в Польше, очень любил польский народ, его обычаи и язык. Со своими детьми, с целью развития у них лингвистических способностей, он стремился разговаривать только по-польски. Мать, Александра Степановна Гонецкая, выпускница Екатерининского женского института, так же как и её муж, происходила из небогатой помещичьей семьи. Она была на 22 года моложе Николая Григорьевича. Вместе они прожили 20 счастливых лет (1828–1848).

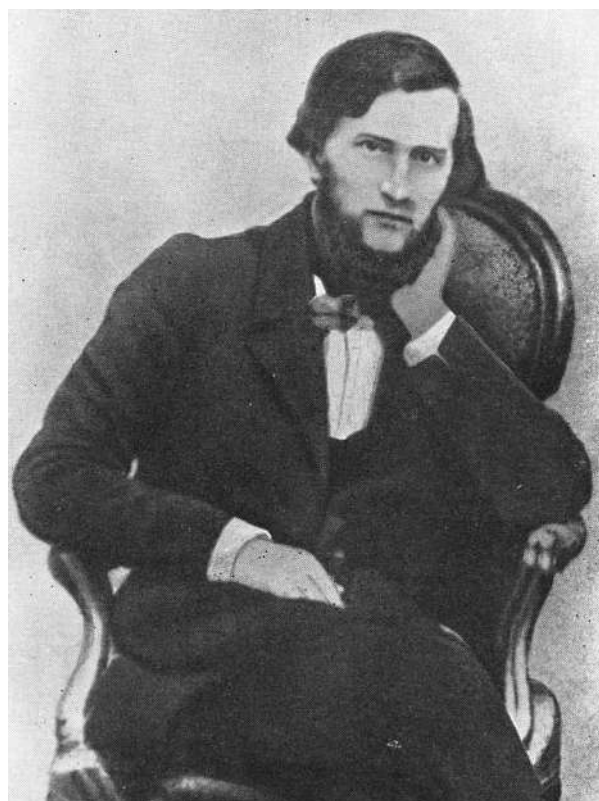
К. Д. Ушинский – выпускник
гимназии, акварель работы
неизвестного автора

К. Д. Ушинский – студент,
портрет работы неизвестного
автора

К. Д. Ушинский, портрет работы
И. Н. Крамского, 1872 г.

К. Д. Ушинский
в период работы в Гатчине

Е. Н. Цевловская

Е. Н. Водовозова

И. М. Сошенко

Д. И. Багале́й

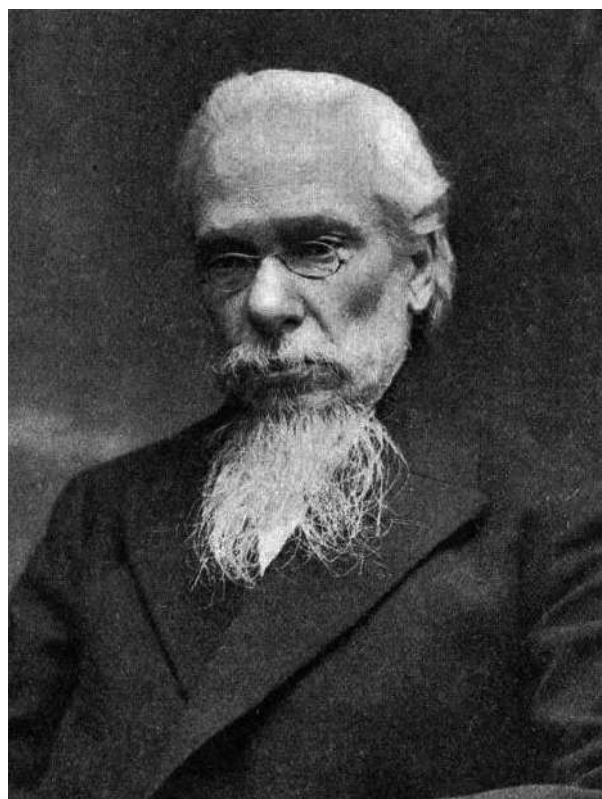
Я. П. Пугачевский

М. Л. Песковский

М. И. Семевский

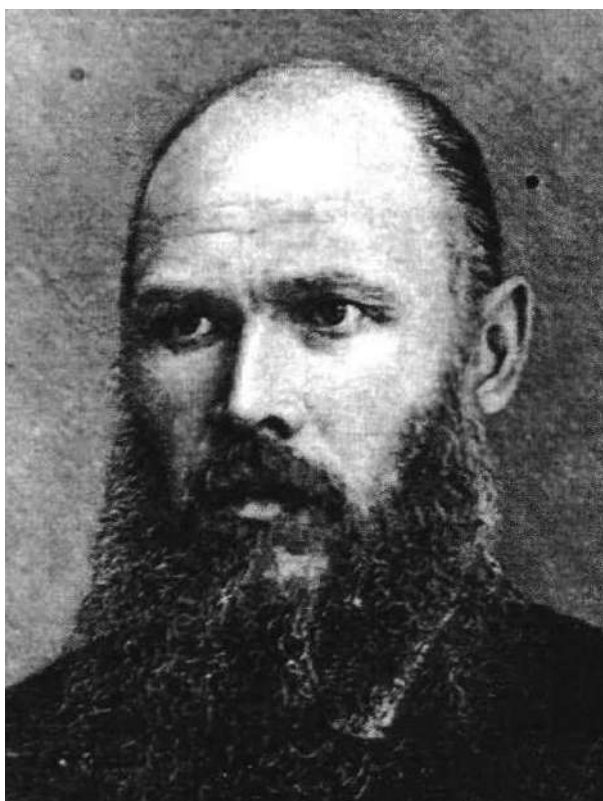
В. И. Семевский

А. М. Косинский

Ф. М. Косинский

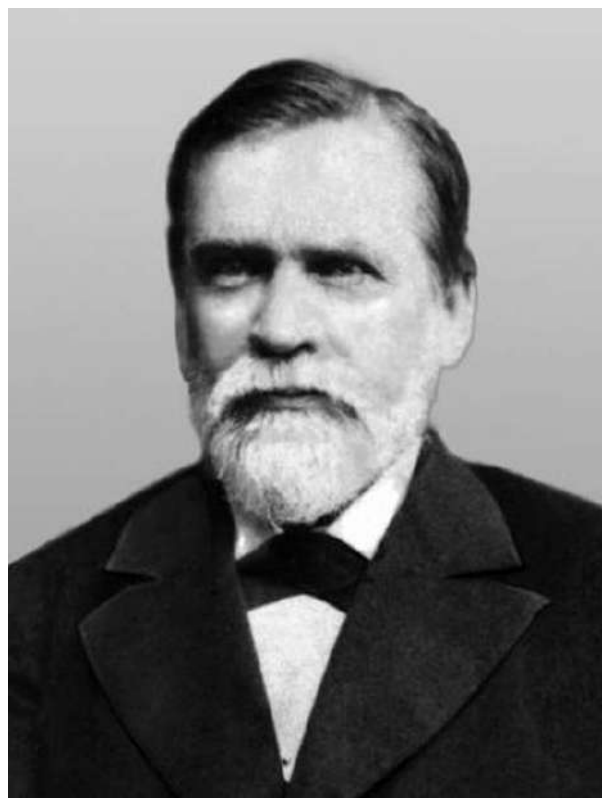
Ф. Ф. Павленков

А. С. Ободовский

С. А. Люгемиль

К. Я. Люгемиль

В. А. Евтушевский

И. И. Паульсон

Н. И. Ильминский

Х. Д. Френ

О. И. Сенковский

И. Алтынсарин

Я. С. Гогешашвили

Н. Н. Блинов

В. А. Трейтер

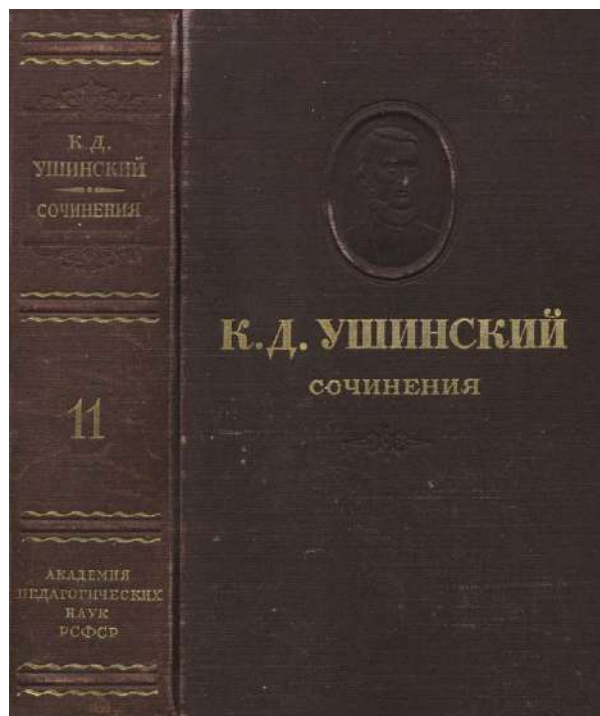
Е. В. Антипова

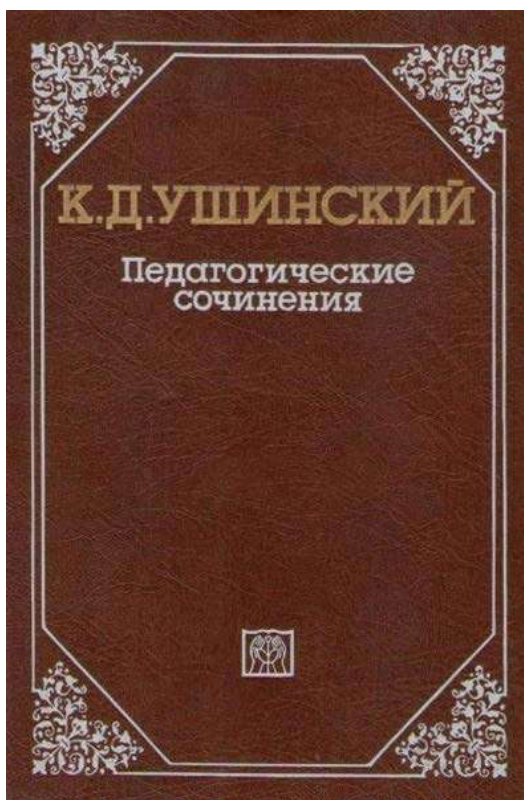
Почтовые марки, посвященные К. Д. Ушинскому

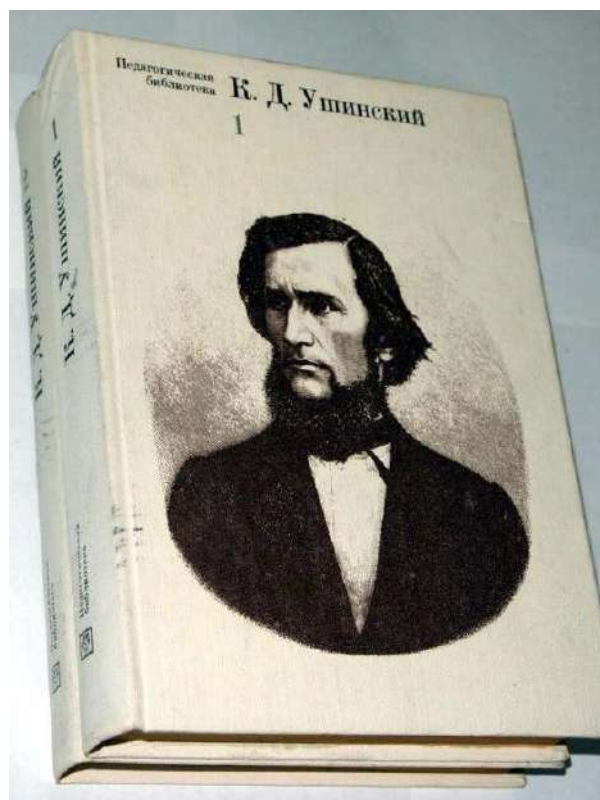
Кавалер медали
К. Д. Ушинского, автор
монографии В. Б. Помелов

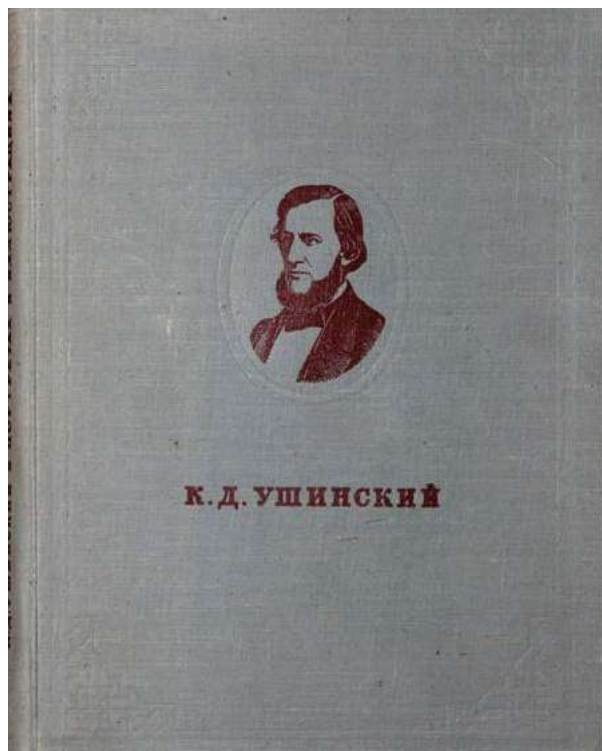
Собрание сочинений
К. Д. Ушинского в 11-ти томах
(1948-1952 гг.)

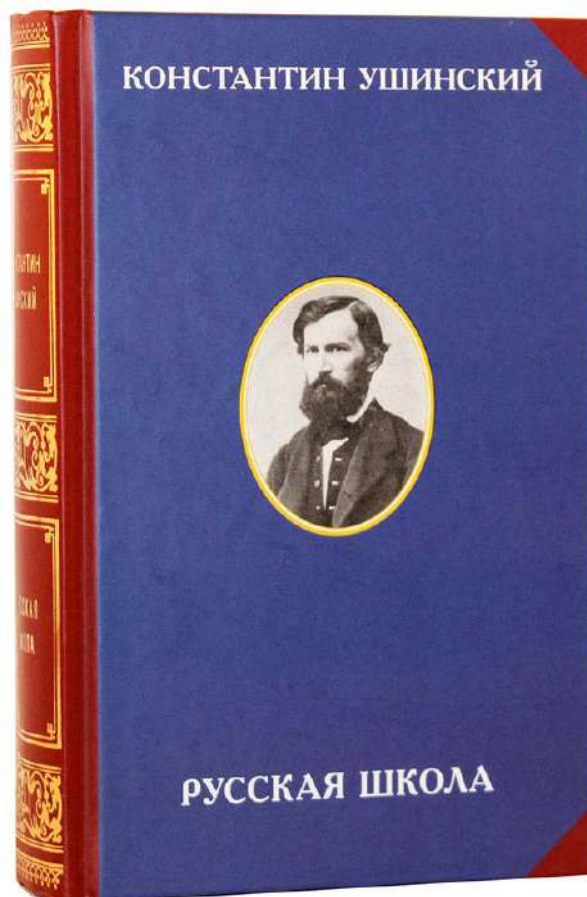
Собрание сочинений
в 6-ти томах

Собрание сочинений
в 2-х томах

К. Д. Ушинский в портретах,
иллюстрациях, документах

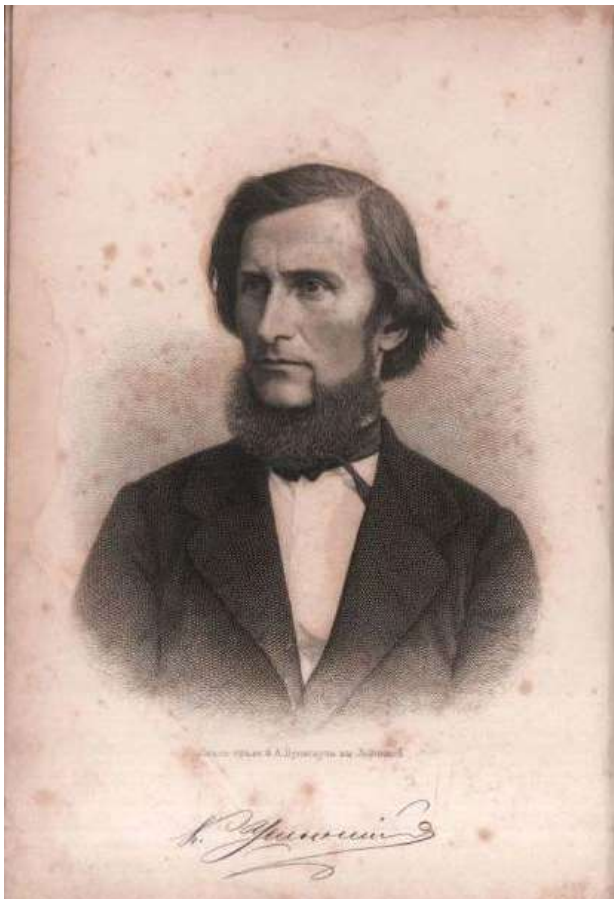
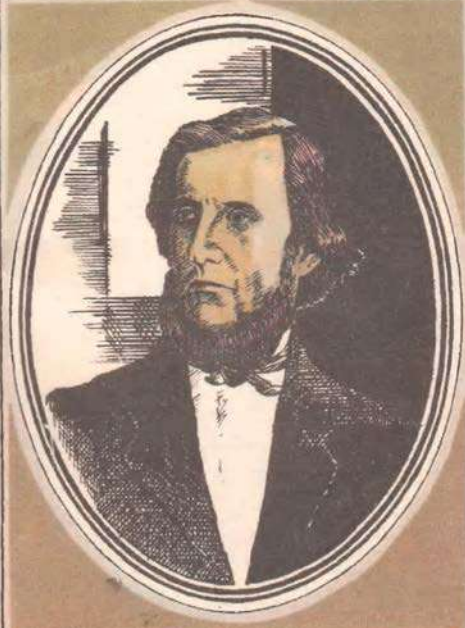
84(0)
У945

К. Д. УШИНСКИЙ

ДЕТСКИЙ МИР ХРЕСТОМАТИЯ

К. Д. УШИНСКИЙ
и русская школа

126
ЧЕЛОВѢКЪ 384

КАКЪ

ПРЕДМЕТЪ ВОСПИТАНІЯ.

ОПЫТЪ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГІИ

Константина Ушинскаго.

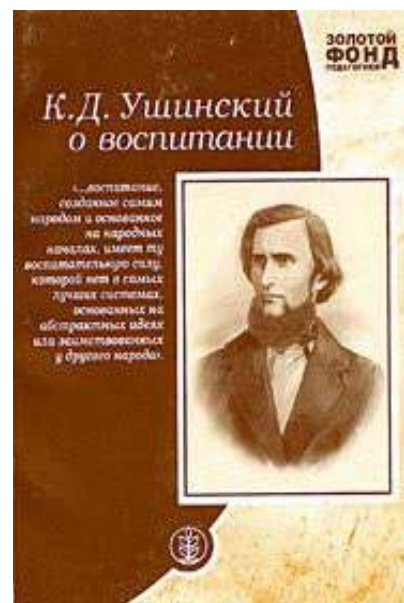
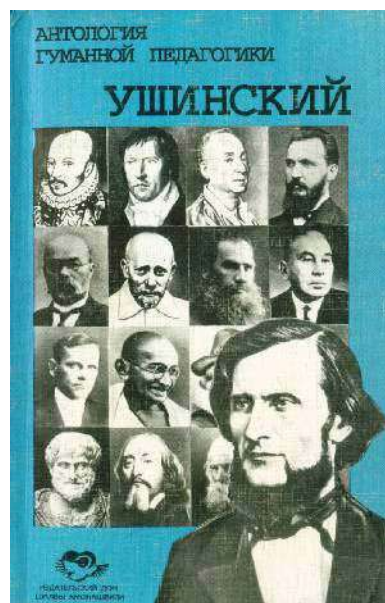
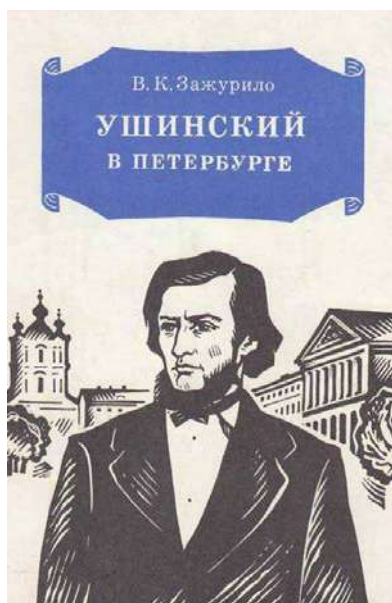
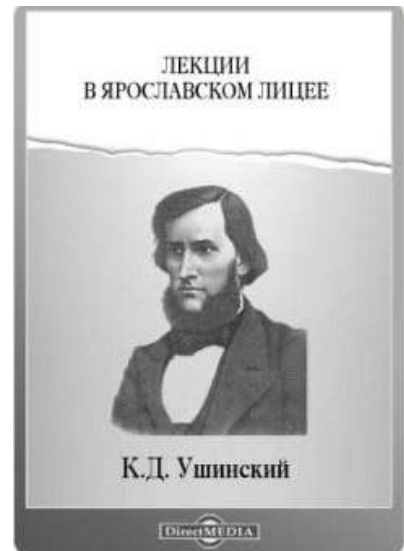
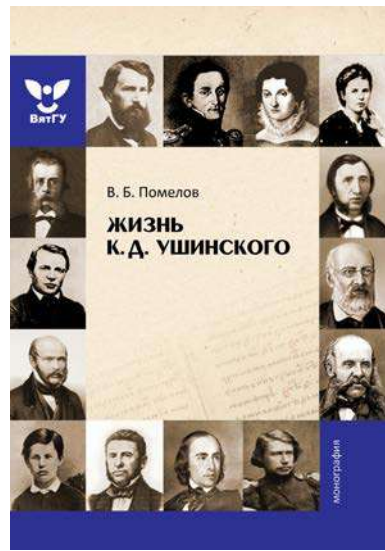
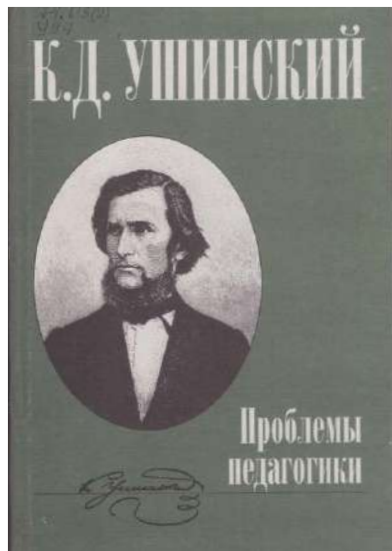
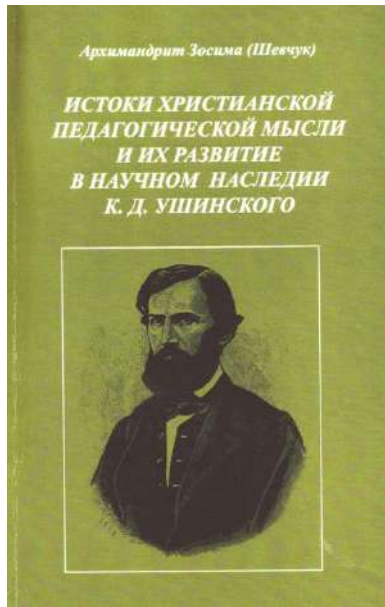
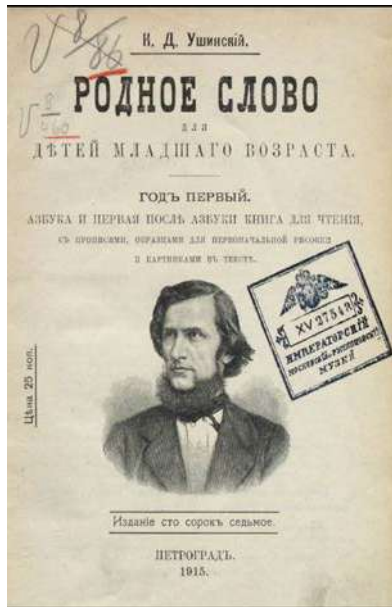
Изданіе ПЯТОЕ, исправленное безъ переизданія со втораго изданія,
исправленнаго самимъ авторомъ.

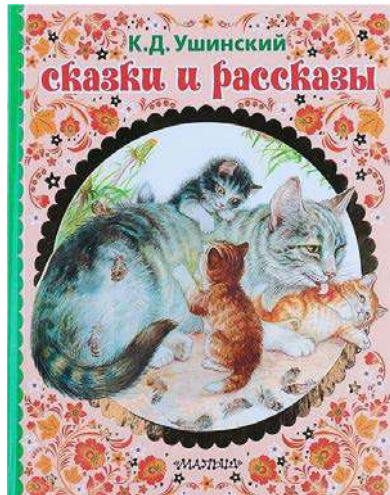
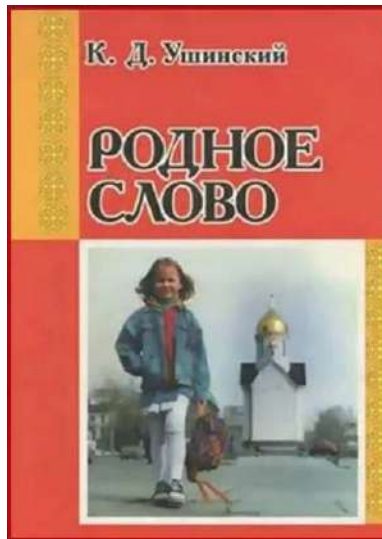
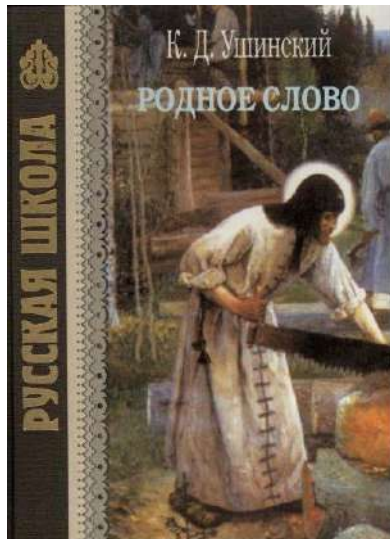
Съ рисунками и портретомъ автора.

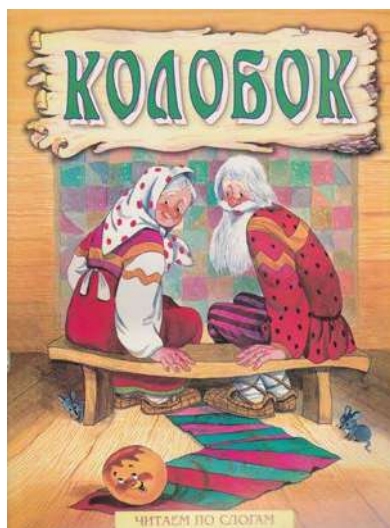
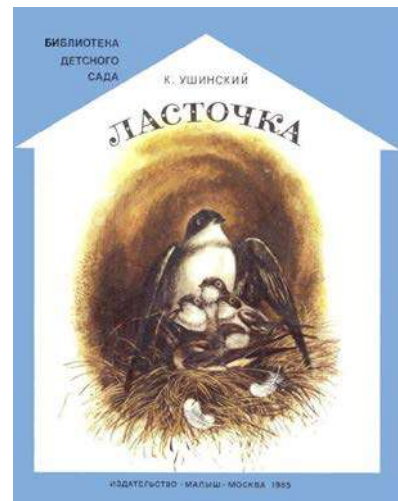
ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

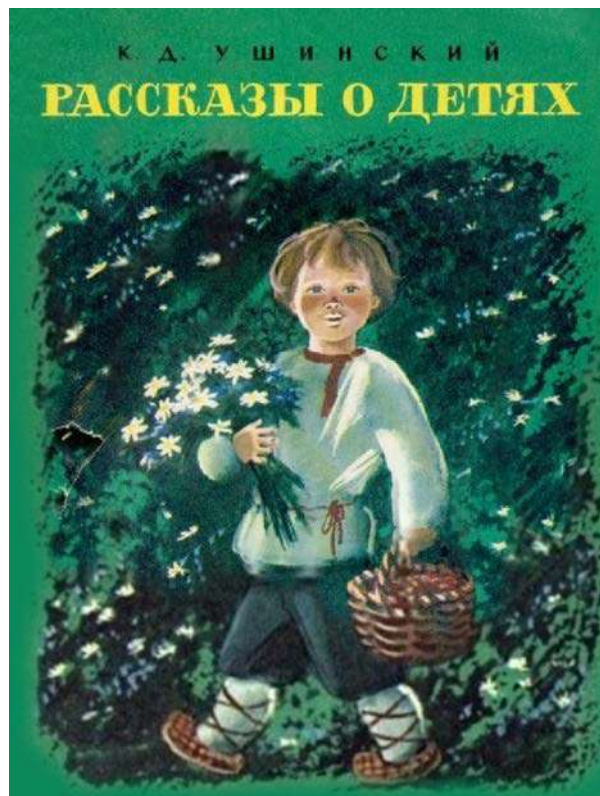
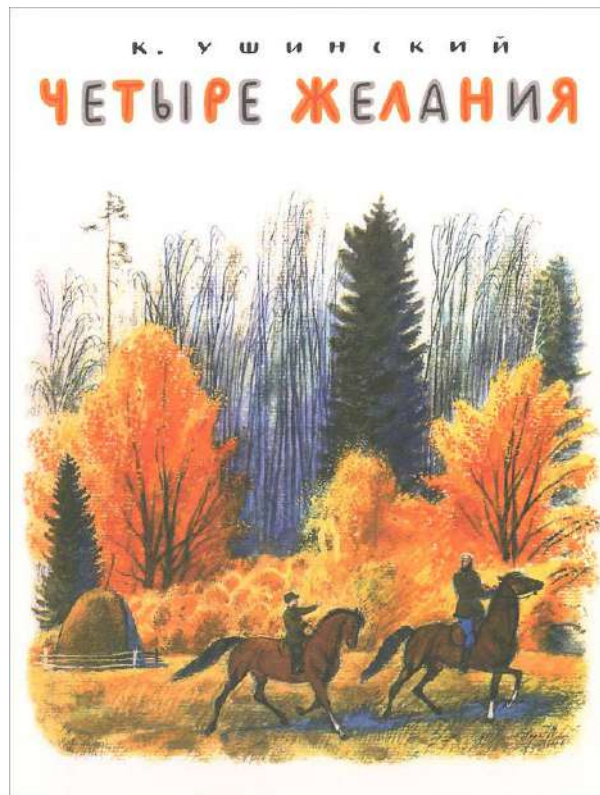
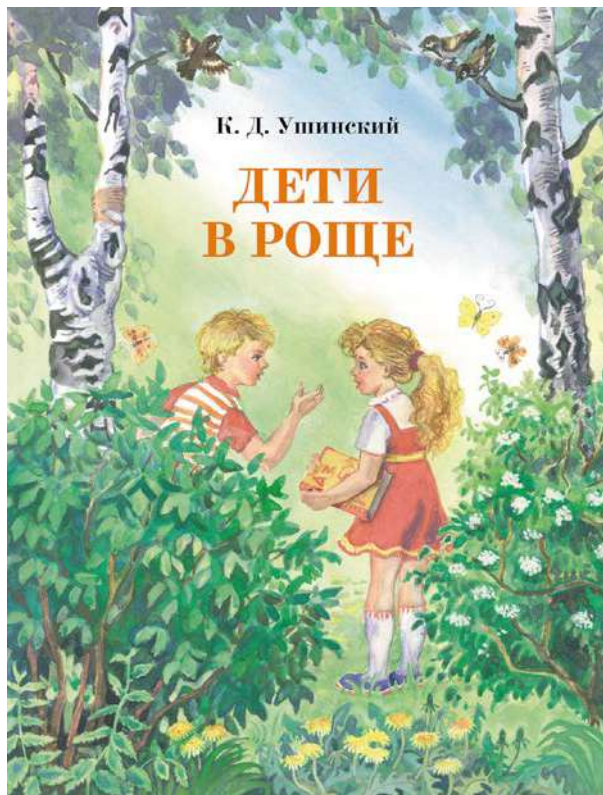
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. А. Левкиной. Невск. просп., д. № 8.
1881.

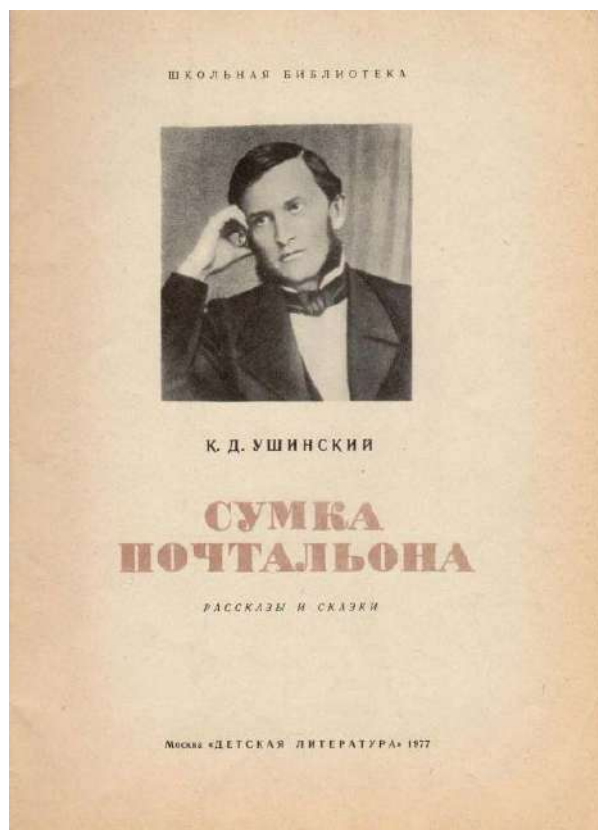

В 1847 г. семья решила купить дом в уездном городке Поречье, но прожить в нём удалось только один год. Как раз тогда в городе разразилась эпидемия холеры. В это время к семье прибилась незнакомая девочка. Как потом оказалась, все её родственники умерли от холеры. С её приходом заболел и скончался от холеры Николай Григорьевич, а следом за ним семь его детей. (Всего в семье было 16 детей, правда, до взрослого возраста дожили немногие.)

Молодая вдова с оставшимися детьми спешно продала дом и вернулась на жительство в имение мужа. По ходатайству генерала И. С. Гонецкого, приходившегося Александре Степановне братом, Елизавета была зачислена в Смольный институт благородных девиц на казённый кошт. В феврале 1862 г. она окончила это учебное заведение.

Как раз на годы её учебы пришёлся период, когда инспектором классов был К. Д. Ушинский (1859–1862), общение с которым сформировало её жизненные и общественно-политические взгляды. Однако ещё более своим духовным и умственным развитием она была обязана В. И. Водовозову (1825–1886). Он привил ей интерес и склонность к педагогике и литературной деятельности. Эта семейная пара в своём роде единственная в истории российской педагогики. Муж и жена – оба авторы известных учебных книг, крупные педагоги-методисты. В известном смысле Е. Н. Водовозова повторила судьбу матери, выйдя замуж за человека, который годился ей в отцы; и так же, как в случае с матерью, брак этот был счастливым. Поженившись в апреле 1862 г., Водовозовы вскоре отправились за границу; побывали в Бельгии, Германии, Англии, Швейцарии и Франции. Это было не столько свадебное путешествие, не только экскурсия познавательного характера, но в значительной степени деловая поездка для серьёзного изучения в странах Западной Европы практической постановки школьного образования и дошкольного воспитания. Особенно занимала Елизавету Николаевну, мечтавшую о создании широкой сети детских садов в России, система Фридриха Фрёбеля, основателя первого детского сада.

К проблеме воспитания ребёнка, его гармонического развития, открывающего простор всем его запросам и способностям, Водовозова подходила с позиции «идей шестидесятых годов». Она рассматривала начальную школу как очень важную ступень формирования личности ребёнка. Уже в детстве, по её мысли, закладывался характер того «нового человека», которому суждено будет преобразовать российскую действительность на началах широкой демократии.

Подобно революционерам-демократам, к которым она по духу и примыкала, Е. Н. Водовозова увязывала задачи воспитания детей с борьбой за лучшее будущее народа. Формирование нового, лучшего поколения стало для неё главным делом жизни, которому она отдала всю свою жизнь. При этом Елизавета Николаевна никогда не занималась практической или преподавательской работой, не была непосредственно связана с общеобразовательной или высшей школой. Свой вклад в дело просвещения она вносила исключительно посредством написания своих замечательных книг. По возвращении из-за границы осенью 1862 г. Водовозовы живут в столице. С того же времени начались их знаменитые «журфиксы» по вторникам; то есть *вечера*, посетители которых принадлежали к передовой демократической интеллигенции – от учащейся молодёжи (в том числе и учеников Василия Ивановича) до известных писателей того времени. В гостях у них постоянно бывали Г. З. Елисеев, В. А. Слепцов, П. А. Гайдебуров, братья В. С. и Н. С. Курочкины, П. И. Якушкин, П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский, Н. Д. Ножин и другие демократические деятели, среди которых были и люди, связанные с революционным подпольем. Здесь часто бывал Г. А. Лопатин, первый переводчик на русский язык «Капитала» К. Маркса. «Водовозовские журфиксы были популярны в передовых кругах интеллигенции, – вспоминал Н. И. Кареев. – Общий тон этих вечеров был оппозиционный, и на них хорошо отдыхалось от царившей тогда реакции». Таково было окружение, в котором находилась Елизавета Николаевна. Они с мужем были в центре либерального движения шестидесятников, за что впоследствии не раз подвергались гонениям со стороны царского правительства.

В конце января 1863 г. у Водовозовых рождается сын Михаил. Семья очень нуждалась; второй сын Василий был крайне болезненным ребёнком, и много денег уходило на его лечение.

С 1883 г. у В. И. Водовозова перестают выходить новые книги; публикуются новыми изданиями лишь некоторые его прежние произведения, редкие статьи и несколько сказок. Резко ухудшается его здоровье. Василий Иванович Водовозов умер от рака пищевода 17 мая 1886 г. в возрасте 61 года. Он похоронен на Смоленском кладбище рядом со старшим сыном Михаилом, умершим в 16 лет от туберкулёза в 1879 г. В 1887 г. на писательницу обрушилось новое горе – арест и ссылка сына Василия. Через год подобная судьба постигла и младшего сына Николая (1870–1896), известного публициста, писавшего о проблемах экономики. Оба они были участниками студенческого и революционного движения.

В 1888 г. Елизавета Николаевна вышла замуж за Василия Ивановича Семевского (25.12.1848 (6.01.1849–21.09 (4.10) 1916), своего давнего знакомого, ученика и друга первого мужа. Последние годы жизни Елизавета Николаевна провела в крайней нужде, одиночестве и болезнях, доводивших её до отчаяния и мыслей о самоубийстве. Тем не менее она до конца своих дней сохраняла ясность ума и воплощала в жизнь свои творческие замыслы. В годы, прожитые ею уже при советской власти, она сокрушалась, что не может по состоянию здоровья наблюдать в широком объёме современную жизнь, о которой необходимо «всё-всё» записать.

Совсем незадолго до смерти она опубликовала последнюю главу своих воспоминаний под названием «Житейские невзгоды». Публикация появилась в январском выпуске журнала «Голос минувшего» за 1923 г. А уже в следующем номере этого журнала был напечатан её некролог. Она скончалась 23 марта 1923 г. в Петрограде.

Впервые Е. Н. Водовозова выступила в печати со статьей «Что мешает женщине быть самостоятельной?», написанной по поводу романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?», в журнале «Библиотека для чтения» (1863; подпись *Е. Ц-ская*). В этой работе она высказала своё мнение по поводу женской эмансипации: «Наконец-то женщина явилась так, как ей должно быть, не рабой-труженицей, а независимой помощницей своего мужа». Главное место в статье было отведено резкой критике системы женского воспитания в России, которое, как писала Водовозова, «не только не prepares к самостоятельному труду, но и убивает самую мысль о нём».

Е. Н. Водовозова была скромным человеком; длительное время она сомневалась в своих научных и литературных способностях; вот почему некоторые свои первые книги, из опасения «подставить» столь звучную в то время в российской педагогике фамилию и тем самым подвести своего мужа, она издавала под псевдонимами. Так, в 1871 г. в столице вышла её книга «Батрачка. Рассказ из народного быта» под псевдонимом *И. Бельский*. С 1870 г. Е. Н. Водовозова сотрудничала в педагогических изданиях: «Детское чтение», «Народная школа», «Голос учителя» и др. Постепенно сформировалось главное направление её писательской работы – методическая, научно-популярная и просветительская литература для детей младшего и среднего возраста. Ею была выдвинута плодотворная идея о том, что образовательные материалы должны быть максимально приближены к реальной, народной жизни. Реализуя эту идею, она издала книгу рассказов

для детей «Из русской жизни и природы» (ч. 1–2, СПб., 1871–1872; 8-е изд., СПб., 1905).

Активно использовались учителями и воспитателями такие её методически тщательно обработанные книги, как «Детские рассказы и стихотворения» (СПб., 1875; 5-е изд., СПб., 1893), «На отдых» (СПб., 1880; 2-е изд., СПб., 1905), «Одноголосовые детские песни с русскими народными мелодиями, музыка А. И. Рубца» (СПб., 1880; 6-е изд., СПб., 1900). Главной своей работой она считала книгу «Жизнь европейских народов. Географические рассказы» (т. 1–3, СПб., 1875–1883), в которой рассказывается о народах различных стран, их обычаях, народных праздниках, трудовых занятиях, особенностях политической жизни (т. 1. Жители Юга. СПб., 1881; т. 2. Жители Севера. СПб., 1899; т. 3. Жители Средней Европы. СПб., 1883).

Успеху этой книги способствовало то, что все три тома были оформлены великим русским художником В. М. Васнецовым. В переработанном виде книга вышла под названием «Как люди на белом свете живут» в 10 томах в Санкт-Петербурге в 1894–1901 гг. Известно, что 30 мая 1883 г. гимназист Володя Ульянов был награждён вторым томом этой книги и похвальным листом по окончании 4-го класса.

События своей жизни и воспоминания о близких людях Е. Н. Водовозова описала в своих многочисленных мемуарах. Среди них: «К. Д. Ушинский и В. И. Водовозов. Из воспоминаний институтки» (Русское слово. 1887; под псевдонимом Н. Титова), «Дореформенный институт и преобразования К. Д. Ушинского» (Русское богатство. 1908), «Среди петербургской молодежи шестидесятых годов» (Современник. 1911), «Из давно прошедшего» (Голос минувшего. 1915), «В. А. Слепцов» (Голос минувшего. 1915), «В. И. Семевский» (Голос минувшего. 1917), «Грёзы и действительность» (М., 1918) и др.

Эти и некоторые другие мемуарные очерки вошли в книгу «На заре жизни и другие воспоминания» (СПб., 1911), которая в переработанном виде была издана под названием «История одного детства» (М. : Л., 1939). Впоследствии мемуары издавались в полном виде под первоначальным названием, причём в 2 томах (М. : Л., 1934; М., 1964; М., 1987). Критика, как при жизни автора, так и позднее, неизменно отмечала их как ценный вклад в изучение истории общественных и педагогических идей 1860-х гг.

Английский писатель А. Конан-Дойл, как известно, не придавал особого значения своим рассказам о Шерлоке Холмсе и считал, что его будут помнить как автора статистических работ по экономике. Но

история рассудила иначе. Е. Н. Водовозова также считала, что главные её работы – «Жизнь европейских народов...» и «Умственное и нравственное развитие детей...». Однако сейчас её вспоминают прежде всего как автора исключительно интересных мемуаров.

Вот и современные исследователи Э. С. Виленская и Л. И. Ройтберг отмечают, что методические труды, принесшие автору в своё время значительную известность, в настоящее время устарели и теперь представляют интерес лишь для узкого круга специалистов. Иное дело, отмечают они, её воспоминания «На заре жизни...»; это яркий мемуарный памятник эпохи, живое свидетельство современника о том, что прошло перед его глазами и стало для новых поколений историей. И всё-таки невысокая оценка именно методических работ Е. Н. Водовозовой представляется нам чересчур категоричной. Многие из её педагогических работ издаются до сих пор, что подтверждает их важность и для современной науки и практики. Другое дело, что мемуары, прежде всего «На заре жизни и другие воспоминания», написаны исключительно ярко и представляют особенно большую научную и литературную ценность.

В чём заключается их ценность? В них даётся широкая панорама событий, увиденных глазами внимательного наблюдателя, каковым была Елизавета Николаевна. Воспоминания о В. И. Водовозове, К. Д. Ушинском, а также о В. А. Слепцове и других представителях демократического лагеря движения шестидесятников вносят существенный вклад в историческую науку, в том числе в историю педагогики. Наконец, и это, на наш взгляд, главное, – мемуары имеют ярко выраженный высоконравственный характер. Их можно (и нужно!) читать детям с целью привития у них интереса к книге и к истории своей страны, для воспитания добрых чувств.

Высокая оценка мемуаров Водовозовой была дана на страницах ряда журналов, таких как «Русское богатство», «Современник», «Исторический вестник» и др. Критик Д. А. Масляненко сравнивал мемуары с интересным романом: «Водовозова заставляет читателя проникнуться всеми жизненными горестями и радостями героев своих воспоминаний, сжиться с ними, заинтересоваться их характерами, взглядами, деятельностью, привычками и пр.» [93, с. 74]. Писатель А. А. Луговой отмечал: «Огромная книга читается с неослабевающим интересом; для любого читателя она может заменить хороший роман, мыслителю она послужит источником серьёзных размышлений и выводов; историку она даст ценный материал для изучения умственного

роста русского общества и преемственной связи современности с недавним прошлым» [93, с. 74].

В первой части книги «На заре жизни...» автор очень подробно и интересно рассказывает о жизни своей семьи и жизни других мелкопоместных дворян в глубокой российской провинции. Во второй части речь идёт о годах учебы Е. Н. Водовозовой в Смольном институте благородных девиц. В третьей части она рассказывает о своём увлечении либеральными идеями и о знакомстве с шестидесятниками, воплощавшими их, о трудной жизни своей семьи в условиях постоянного сопротивления властям. Книга написана так ярко и убедительно, что всякий пересказ её покажется бледным и неубедительным. Говоря кратко, «На заре жизни...» представляет собой широкую панораму русской жизни, которая талантливо представлена замечательной мемуаристкой. Содержание книги так и просится на экран в качестве многосерийного телесериала. Кстати, с содержанием книги можно ознакомиться в Интернете.

Главный педагогический труд Водовозовой, «Умственное и нравственное развитие детей от первого проявления сознания до восьмилетнего возраста» (СПб., 1871; 7-е изд., СПб., 1913), является ценным пособием для учителей, матерей и воспитательниц как научно обоснованное руководство, снабжённое практическими указаниями, взятыми из реальной жизни. Е. Н. Водовозова хотя и была сторонницей семейного воспитания, но признавала особую ценность именно общественного воспитания. «При общественном воспитании гораздо скорее, чем в семье, может выработаться более глубокий, основательный общественный характер», – справедливо полагала она. Ею были высказаны ценные мысли относительно воспитания детей в дошкольном и начальном школьном возрасте – как в домашних условиях, так и в детском саду и начальной школе. Особенно большую значимость представляют её идеи, касающиеся развития речи детей.

В теории и практике общественного дошкольного воспитания и начального образования во второй половине XIX – начале XX в. эта проблема считалась одной из важнейших. Целая плеяда учёных осуществляла попытки систематизировать работу по развитию речи детей в дошкольном и младшем школьном возрасте. К числу этих методистов относилась и Водовозова. Она полностью разделяла общепедагогические и дидактические взгляды Ушинского и пыталась на методическом уровне развивать его идею о главенствующей роли родного языка в становлении личности ребёнка.

В основу своей методики она положила проведение специальных занятий, которые должны были разрабатываться воспитателем, учителем начальных классов или даже подготовленной к проведению такой работы матерью. Она указывала на тесную взаимосвязь между развитием речи и мышлением и рекомендовала руководствоваться следующим правилом: «Давать ребёнку нужно столько же слов, сколько и идей. Обо всём, чему ребёнок даёт имя, он должен иметь правильное понятие и самое понятие он должен облекать в надлежащую форму». Поэтому Водовозова выступала против употребления взрослыми в общении с ребёнком слов, чуждых его пониманию; «матери должны как можно меньше говорить с ребёнком о том, на что он сейчас же не может указать своей ручонкой».

Обогащение словаря ребёнка следует осуществлять на начальной ступени в процессе наблюдения им предметов окружающей жизни и явлений природы. В дальнейшем, в старшем дошкольном и младшем школьном возрасте, эта задача должна усложняться за счёт рассказов педагога, чтения книг и разного рода бесед. Развитие речи и мышления она рассматривала в тесной связи с накоплением чувственного опыта детей. Ею была разработана программа наблюдений в окружающей жизни и природе, методические рекомендации к проведению «сидячих занятий» с искусственным дидактическим материалом («дарами» Фрёбеля). Е. Н. Водовозова считала также, что воспитание должно осуществляться на основе народного творчества. Она изложила программу развития у детей родной речи, положив в основание образцы русского фольклора.

Положительной оценки заслуживают попытки широкого применения автором на этих занятиях произведений устного народного творчества: сказок, песен, поговорок, загадок. Большая заслуга Е. Н. Водовозовой в области речевого развития детей дошкольного возраста заключается в использовании специальных занятий, включающих разговор с ребёнком, беседы, чтение книг, заучивание стихотворений.

В отечественной педагогике XIX в. выдвигались различные взгляды относительно целесообразности использования сказки в практической работе с детьми. Водовозова не только доказала полезное влияние сказки на развитие личности маленьких детей, но и предложила серию сказок, которые подавались детям в специальной обработке, в сокращённом виде. Она подробно изложила взгляды на сказку, предложила серию сказок, доступных для дошкольников и более старших детей. По её мнению, сказка должна опираться на дет-

ский опыт, развивать детскую фантазию, обогащать речь народными оборотами и выражениями. Ценными были и её рекомендации по отбору сказок: «Следует начинать с совершенно понятных сказок, где главную роль играют знакомые детям животные. Знакомство с такими сказками не будет отчуждать ребёнка от дальнейшего наблюдения над природой, а, напротив, поддержит любовь к ней».

Важной составной частью системы обучения родному языку, предложенной Е. Н. Водовозовой, выступило проведение методически разработанных бесед с детьми. Предлагавшийся ею практический материал подходил, прежде всего, для уроков объяснительного чтения в начальной школе. Однако уже со старшими дошкольниками занятия проводились с постепенным усложнением материала за счёт рассказов самих детей о виденном, рассказов по картинкам, пересказов прочитанного, заучивания басен. Е. Н. Водовозова полагала, что в этом возрасте к детям должны предъявляться достаточно серьёзные требования, связанные с развитием монологической речи: их рассказ должен был иметь связность и ясность в изложении мысли.

Под благотворным воздействием взглядов таких методистов, как Е. Н. Водовозова, уже первые дошкольные учреждения вводили элементы системы обучения родному языку детей дошкольного возраста: занятия-рассказывания, чтение литературных произведений, беседы с детьми, обучение чтению и письму. В число обязательных предметов в той или иной форме непременно входил русский язык. Причём под «русским языком» подразумевалось обучение грамоте, чтению и письму или хотя бы обучение детей разговорной речи, а также обучение рассказыванию по картинкам и проведение бесед на доступном детям материале. При этом широко использовались русские сказки в пересказе А. Н. Афанасьева, сказки братьев Якоба и Вильгельма Гримм и Г. Х. Андерсена. Основой дошкольного и начального воспитания Е. Н. Водовозова предлагала сделать не только сказки, но также народные песни и игры. В качестве пособия для воспитания по такой программе она издала книгу «Одноголосовые детские песни и подвижные игры с русскими народными мелодиями» (СПб., 1876).

Произведения Е. Н. Водовозовой отличались новизной подхода к раскрытию материала; она не ограничивалась только лишь передачей своего материала, но также давала его методическое обоснование. Практически все книги и учебные пособия Е. Н. Водовозовой принимались «на ура» учителями и поэтому выходили большими тиражами, неоднократно переиздавались. Они имели широкий круг читателей в

школьных библиотеках и народных читальнях; сохраняют свою ценность и в настоящее время.

Елизавета Николаевна Водовозова осталась в истории российской педагогики как один из основоположников дошкольного и начального образования, как виднейший педагог-методист. Её наследие не утратило актуальности и ценности вплоть до наших дней и входит в активный «арсенал» дидактических средств, используемых в современной отечественной дошкольной педагогике.

П. М. Л. Песковский

М. Л. Песковский в своё время был достаточно хорошо известен в нашей стране [71], но сейчас его имя, увы, прочно забыто. Между тем он сыграл важную роль в популяризации наследия Ушинского, был знаком с Константином Дмитриевичем и, несомненно, заслуживает того, чтобы в монографии о последователях великого русского педагога была глава и о нём. Матвей Леонтьевич Песковский родился 1 (13) января 1843 г. в Витебской губернии. Окончил духовную семинарию, Санкт-Петербургский университет по естественному отделению физико-математического факультета. Много лет преподавал в провинциальных школах.

8 ноября 1872 г. в Вятке была открыта учительская семинария; официальное название – «Земское училище для распространения сельскохозяйственных и технических знаний и приготовления народных учителей». Деятельность этого прогрессивного училища подробно раскрыта автором данной монографии в ряде публикаций [81; 104]. В первые два года работы семинарии М. Л. Песковский состоял в ней преподавателем естествознания¹⁹. Поселился он в Вятке в 1872 г., проживал в доме купца И. С. Колошина по ул. Спасской, ныне – д. 45.

Близкая народнической среде вятская писательница Мария Егоровна Селенкина вспоминала, что Песковский не запрещал своим пи-

¹⁹ После отъезда Песковского преподавателем естествознания (в 1877–1880 гг.) был Николай Иванович Асаткин (1849–1918), выпускник Санкт-Петербургского университета, ученик гениального химика Д. И. Менделеева. После закрытия земского училища он преподавал в открывшемся на его месте реальном училище. Впоследствии был организатором в г. Орлове Вятской губернии, женской гимназии и реального училища. В ознаменование его заслуг в 1912 г. в реальном училище уездным земским собранием была даже учреждена стипендия имени Н. И. Асаткина. В 1918 г. этот замечательный педагог и самоотверженный просветитель был расстрелян большевиками без суда и следствия.

томцам читать сочинения тогдашних властителей дум разночинной молодежи – идеологов народничества, а также пропагандистскую литературу, считая, что невозможно наложить вето на «запретный плод». Но в то же время он старался возможными способами удерживать воспитанников училища от увлечения радикальными идеями. В своём дневнике М. Е. Селенкина писала, что он, Песковский, «действует доводами, что они могут скомпрометировать школу и десятки людей лишить возможности образования и полезной деятельности в будущем». Селенкина характеризовала его следующим образом: «Песковский, несомненно, лучше многих, – может и лучше всех педагогов, которых имеет Вятка».

В Вятке М. Л. Песковский познакомился со ссыльным издателем и учёным-методистом начального образования Флорентием Фёдоровичем Павленковым, который впоследствии стал издавать получившую широкую известность биографическую серию книг, названную уже в советское время «Жизнь замечательных людей». Он привлёк к этой работе Песковского, который написал для этой серии три книги: «Барон Н. А. Корф. Его жизнь и общественная деятельность» (СПб., 1893. 95 с.), «Константин Ушинский. Его жизнь и педагогическая деятельность» (СПб., 1893. 80 с.), «Александр Васильевич Суворов. Его жизнь и военная деятельность» (СПб., 1899. 102 с.). Наибольшую ценность представляет работа о К. Д. Ушинском, поскольку Песковский был лично знаком с великим педагогом, и книга содержит воспоминания автора от непосредственного общения с ним. Также важно было напомнить читающей публике и о Н. А. Корфе, создателе русской земской школы, имя которого к тому времени было уже подзабыто.

С 1874 г. М. Л. Песковский жил в Санкт-Петербурге, занимался литературно-журналистской и педагогической деятельностью. Был воспитателем в отделении для малолетних преступников в так называемом Литовском замке, печально известной столичной тюрьме. Как раз в это время это мрачное место посетил Ф. М. Достоевский. Он впоследствии использовал в своих дневниковых эссе за 1876 г. сведения, которые были почерпнуты им во время его экскурсии в отделении малолетних преступников в мае 1874 г. [27]

Отделение для детей и подростков существовало в Литовском тюремном замке с 1871 г., а в декабре 1875 г. было преобразовано в самостоятельное исправительное учреждение. До этой реорганизации оно ничем не отличалось от обыкновенной уголовной тюрьмы; малолетние преступники свободно общались с взрослыми. Учёба и воспи-

тательная работа не были налажены, среди подростков процветали порочные привычки. М. Л. Песковский, как мог, пытался способствовать перевоспитанию несчастных детей.

Но всё-таки наибольший вклад в дело воспитания он вместе со своей супругой Екатериной Ивановной внёс через открытие одной из лучших в России частных женских гимназий.

М. Л. Песковский в последнюю четверть XIX в. стал едва ли не самым известным российским журналистом. Он не был газетным хроникером, а предпочитал давать большие материалы в газеты (среди них такие влиятельные, как «Голос», «Русское обозрение», «Молва», «Порядок» и др.) и журналы («Вестник Европы», «Русская мысль», «Русская старина», «Русская школа», «Новь», «Задушевное слово» и др.), альманах «Живописная Россия», издававшийся М. О. Вольфом; редактором альманаха был знаменитый учёный и путешественник П. П. Семёнов-Тян-Шанский. На страницах этого альманаха Песковским был опубликован прекрасный очерк о Вятском крае [67].

У Песковского немало бытописательских произведений, в которых он характеризовал нравы и порядки, имевшие место на той или иной российской территории. Писал он и о тюремных порядках и злоупотреблениях начальства, о женском образовании [69]. Значительный резонанс учёных и общественности вызвала его монография «Роковое недоразумение. Еврейский вопрос, его мировая история и естественный путь к разрешению» (СПб., 1891. 392 с.). Творчество М. Л. Песковского получало позитивную оценку со стороны современников. В частности, казанский журналист Николай Алексеевич Осокин (1843–1896) в 1891 г. выпустил отдельной брошюрой объёмом всего в 5 страниц в Казани в типографии Н. А. Ильяшенко рецензию на эту работу.

М. Л. Песковский пробовал себя и в качестве беллетриста: им были написаны интересные произведения: повесть «В глуши» (1893) и роман «Мужик. До освобождения крестьян» (1901). Особая страница писательской деятельности М. Л. Песковского – книги для детей. Они сочетают в себе познавательную и развлекательную стороны [68; 70]. М. Л. Песковский занимался и переводческой деятельностью. Он познакомил российского читателя с произведениями Йоганна-Вольфганга Гёте («Рейнеке Лис», пять изданий) и Гарриет Бичер-Стоу («Хижина дяди Тома», три издания). Перевёл «Путешествия Гулливера» Джонатана Свифта и несколько романов Жюль Верна. Через его переводы в России узнали такого автора, как Фридрих Герштекер

(1816–1872), и его книгу «Вселенная. Рассказы из физики, математики и политической географии»; в переводе М. Л. Песковского она вышла пятью изданиями. Эдмондо де Амичис (1846–1908) ещё одно имя, ставшее известным в России благодаря М. Л. Песковскому: он перевёл его монографию «Апеннины и Анды».

Продолжил он и «тему Корфа». В 1895 г. в столице вышла большая (258 с.) книга Песковского «Барон Николай Александрович Корф в письмах к нему разных лиц. Общая характеристика барона Корфа и пять отдельных очерков о его деятельности».

В марте 1877 г. тиражом 800 экземпляров в Санкт-Петербурге вышла книга «Вятская незабудка». Это было собрание «не по-гётевски, а по-щедрински» (выражение Н. А. Некрасова) острых сатирических очерков (общим количеством 52), направленных против вятских чиновников, а потому вызвавшее в Вятке большой переполох. Вскоре, в июне 1877 г. и феврале 1878 г., вышли еще два тома тиражами соответственно 1050 и 2100 экз. С целью придания изданию более «цивильного» вида «Вятскую незабудку» снабдили дополнительным названием – «Памятная книжка Вятской губернии на 1877 г.», хотя сборник не имел никакого отношения к этому изданию, разрешенному цензурой и издававшемуся в ряде губерний, в том числе в Вятской. Так вот, давая крайне негативную оценку своим «героям» (губернатору, полицмейстеру и другим высокопоставленным чиновникам губернского масштаба), авторы «Незабудки» в своих очерках с большой теплотой характеризовали лучших вятчан и среди них, в частности, местного земского врача и просветителя Савватия Ивановича Сычугова, а также Матвея Леонтьевича Песковского.

М. Л. Песковский приходился родственником семьи Ульяновых (более подробно о родственных связях М. Л. Песковского с семьей Ульяновых см. Приложение III). М. Л. Песковский скончался 29 января (11 февраля) 1903 г. в г. Санкт-Петербурге в больнице для душевнобольных. Интересные воспоминания о семье М. Л. Песковского оставила Татьяна Леонидовна Григорова-Рудыковская [23] (отрывок из этих воспоминаний приводится в Приложении IV).

Светлая, многогранная личность М. Л. Песковского заслуживает доброй памяти, а его литературное наследие, и прежде всего его педагогическая часть, очень интересно, многогранно и, несомненно, должно стать предметом пристального исследования учёных – литераторов и историков образования.

Ш. Я. С. Гогешашвили

Передовой педагог второй половины XIX в., видный просветитель грузинского народа Яков (Иаков) Гогешашвили родился 15 (27) октября 1840 г. в деревне Вариани, близ города Гори (Грузия), в бедной семье священника Симона (Семёна) Гогешашвили. До девяти лет Яков получал домашнее воспитание под руководством отца. Затем учился в духовном училище в Гори, а с 1849 г. в Тифлисской духовной семинарии. Именно учёба в этом среднем учебном заведении, существовавшем в 1817–1919 гг. в Грузинском экзархате Русской православной церкви, оказала наибольшее влияние на мировоззрение юного Якова. В семинарии были два отделения (класса): богословия и риторики. Обязательными предметами считались церковнославянский, всемирная история, математика, словесность, французский и немецкий языки. Позднее, в 1872 г., был введён запрет на использование грузинского языка для преподавания в семинарии²⁰.

В 1861 г. Яков Гогешашвили поступил в Киевскую духовную академию. Одновременно он посещал лекции по естественным наукам в университете, где познакомился с политическими идеями русских просветителей-демократов, таких как А. И. Герцен, В. Г. Белинский и Н. Г. Чернышевский. Тем не менее, в отличие от многих его товарищей, он не подпал под влияние русских радикалов. Его больше интересовали вопросы педагогики, истории, культуры, искусства и естественные науки.

В 1863 г. Гогешашвили вернулся в Грузию, не окончив академию, и занялся преподаванием арифметики и географии в Тифлисской духовной семинарии, а затем стал её инспектором.

Я. С. Гогешашвили был одним из выдающихся деятелей национально-освободительного движения в Грузии. Он один из создателей и руководителей Общества по распространению грамотности среди грузин, своего рода штаба патриотических сил Грузии. Гогешашвили быстро приобрёл влияние среди интеллигенции и стал соратником Ильи Чавчавадзе, который возглавлял движение за национальное возрождение грузинской нации, вплоть до его убийства (1837–1907).

²⁰ Семинария известна также тем, что в ней учились будущие советские партийные руководители Иосиф Виссарионович Джугашвили (поступил в 1894 г.), Анастас Иванович Микоян (поступил в 1906 г.) и Геворк Саркисович Алиханян (1897–1938), отчим Е. Г. Боннэр (1923–2011), участницы Великой Отечественной войны, правозащитницы, супруги академика А. Д. Сахарова.

Я. С. Гогешашвили был активным участником политической группы «Пирвели Даси» («Первая группа»). Это было грузинское общественно-литературное течение в 1860–1880 гг. во главе с И. Г. Чавчавадзе (1837–1907). Его сподвижниками были А. Р. Церетели, Н. Я. Николадзе, Важа Пшавела, Александр Казбеги и др. Представители группы выступали против остатков крепостничества, за социальное и национальное освобождение Грузии. Название группе дал в 1894 году Г. Е. Церетели. Во второй половине 1860-х гг. появилась «Вторая группа» (Меоре-Даси), выступавшая за ускоренное буржуазное развитие Грузии. В разные годы «Первая группа» выпускала журнал «Сакартвелос моамбе» («Вестник Грузии») и газету «Иверия». Квартира Гогешашвили стала местом, где обсуждались запрещённые темы искусства и политики. Активная общественная позиция Гогешашвили привела к тому, что в 1874 г. его уволили по приказу Священного Синода, обвинив в пропаганде среди учащихся атеизма, либерализма и радикализма.

После этого Яков Семёнович Гогешашвили посвятил всю свою энергию делу распространения образования среди своих соотечественников. Он стал одним из инициаторов, совместно с Ильёй Григорьевичем Чавчавадзе, создания в 1879 г. «Общества по распространению грамотности среди грузин». Единомышленники не ограничились учреждением общества, но активно содействовали открытию множества начальных школ в грузинских деревнях.

Гогешашвили посвятил себя подготовке педагогических кадров для сельских школ. Издавал учебники и другие школьные пособия. Благодаря усилиям просветителей был достигнут выдающийся результат: за какие-то 10–12 лет 97 % населения Грузии выучилось свободно читать и писать.

Я. С. Гогешашвили был видным публицистом и детским писателем. Первая его статья была опубликована в 1866 г. в газете «Дроэба», а последняя по времени – в 1912 г. в журнале «Ганатлеба» («Просвещение»). Он сотрудничал в «Тифлисском вестнике», «Кавказе», «Джеджили» («Нива») и «Иверии». Его публицистические статьи и детские повести («Кем мы были вчера?», «Внутреннее обозрение 1882 года», «Рассвет в Ирландии», «Сегодняшнее яйцо и завтрашняя курица», «Грузинское направление», «Что сделала колыбельная песня?», «Царь Ираклий и грузинка-ингило»²¹ и др.) пронизаны духом патриотизма и гуманизма. Я. С. Гогешашвили боролся с необоснованной русифика-

²¹ Ингилойцы – этнографическая группа грузин, проживающая на северо-западе Азербайджана. Говорят на ингилойском диалекте грузинского языка.

цией; стремился к тому, чтобы остановить процесс эрозии грузинского языка, чей статус он сравнивал с «несчастливым подкидышем, лишённым всех забот и защиты».

Якову Семёновичу удалось коренным образом обновить учебно-воспитательный процесс в подведомственных ему школах. Но чиновников ведомства народного образования шокировало, что молодой педагог отступает от привычных форм работы и руководствуется идеями К. Д. Ушинского.

В конце концов его вынудили уйти с занимаемой должности инспектора. Но это не сломило его. Он составил и в 1865 г. издал самобытный «Букварь» и оригинальную «Первую книгу для чтения». В 1868 г. выходит в свет его новая книга «Дверь в природу», а в 1876 г. – гениальное учебное пособие «Деда эна» (дословно – «Материнский язык», или «Родная речь»). Под этим названием книга вошла в грузинскую культуру. При жизни Гогешашвили учебник переиздавался более тридцати раз. Книга использовалась для обучения грузинскому алфавиту и чтению в школе в течение более ста пятидесяти лет. В 2013 г. «Деда эна» была включена в Перечень нематериального культурного наследия Грузии. Изданное им же в 1887 г. «Русское слово» было признано высшим достижением педагогической мысли той эпохи и лучшим пособием по изучению русского языка в национальных учебных заведениях Российской империи. За основу при написании этих пособий Я. С. Гогешашвили взял учебные книги К. Д. Ушинского «Детский мир» и «Родное слово». Книги Гогешашвили прошли через бесчисленные издания, обновления и модификации и стали эталоном учебных пособий для начального чтения на грузинском языке. Сохранившиеся документы и рукописи Якова Гогешашвили свидетельствовали о кропотливой работе над создававшимися им учебными книгами. В итоге они получили широкое признание среди грузинских учителей Грузии того времени. Илья Чавчавадзе считал, что они очень важны для развития умственного потенциала младших школьников.

В современной образовательной системе Грузии «Деда эна» по-прежнему служит основой начального учебника алфавита и чтения, по которому учатся читать по-грузински дети в первом классе школы.

С 1880 г. каждый грузин учился читать и писать на родном языке с помощью букваря Гогешашвили. Помимо букваря, Яков Гогешашвили подарил детям еще две большие книги: «Ключ к природе» и «Русское слово». Он также разработал методику преподавания русского языка в грузинских школах.

14 апреля 1978 г., в ходе выступлений против отмены государственного статуса грузинского языка в Грузинской ССР, учебник «Деда эна» стал символом, вокруг которого сплотился протест, завершившийся победой и возвращением грузинскому языку официального статуса. В память о тех событиях в современной Грузии 14 апреля стало ежегодным праздником как книги «Деда эна», так и грузинского языка вообще. Книга стала важной частью грузинской культуры. В 2013 г. по инициативе «Общества имени Якова Гогебашвили» «Деда эна» была включена в Перечень нематериального культурного наследия Грузии, ведущийся Государственным агентством по охране культурного наследия Республики Грузия. В центре Тбилиси, на правом берегу Мтквари (другое название – Кура), возле Сухого моста создан парк «Деда эна», в котором поставлен памятник этой книге. 14 апреля каждого года в парке отмечается День грузинского языка и литературы.

Яков Семёнович – автор свыше полутора ста поучительных рассказов для детей. Рассказы эти проникнуты высоким гуманизмом. Многие книгоиздательства печатали их большими тиражами. Он издавал детские журналы «Нобати» («Дар»), «Накадули» («Ручеёк»). Представляют ценность его многочисленные брошюры научно-популярного характера. Он переводил на грузинский язык лучшие рассказы Л. Н. Толстого, К. Д. Ушинского и других русских авторов. Участвовал в создании первого детского журнала, написал множество рассказов.

Я. С. Гогебашвили был проводником идей не только гуманизма, но и нравственности. Он заявлял, что древние греки достигли больших, чем римляне, успехов на ниве просвещения не только потому, что были образованнее римлян, но ещё и потому, что были гуманнее их. Мысли о гуманизме, нравственности и интернационализме красной нитью проходят через всё его творчество. Он считал, что эти идеи даже более значительны, чем просветительская деятельность. Более того, он утверждал, что человек, накопивший достаточно много знаний, но живущий не в ладах с совестью и нравственностью, более опасен для общества, чем малообразованный грабитель или разбойник.

Я. С. Гогебашвили принадлежат слова: «Истинный патриот тот, кто желает добра не только своему народу, но и другим народам. А кто не уважает другие народы, не может по-настоящему любить и собственный народ». Он верил в светлое будущее России и неизбежность дружбы грузинского, русского и других народов.

Жизнь самого Якова Гогебашвили была образцом бескорыстного служения пропагандировавшимся им идеям. Большую часть гонораров за свои издания он тратил на оказание материальной помощи

нуждающимся. Из собственных средств он выплачивал стипендии малоимущим, но подающим надежды студентам. Финансировал многих сельских учителей и деятелей искусства.

Будучи человеком одиноким, он завещал перед своей смертью всё своё имущество, – а оно было оценено в 300 тысяч золотых рублей, – «Обществу по распространению грамотности среди грузин». Он оставил такую запись: «Всё, что я имею, я получил от народа, и всё это я возвращаю народу же».

Умер Я. С. Гогешашвили 1(14) июня 1912 г. в Тифлисе. В 1940 г. его прах был перезахоронен в пантеоне Мтацминда в Тбилиси, на Святой горе, поблизости от могил А. С. Грибоедова, Н. Бараташвили, А. Церетели, Важа Пшавелы и других прославленных людей Грузии. Память о славном сыне грузинского народа бережно сохраняется на его родине. Правительством Грузинской ССР в 1960 г. была учреждена медаль им. Я. С. Гогешашвили, которой награждаются деятели педагогической науки и народного просвещения. В 1960 г. была выпущена почтовая марка СССР, посвящённая Гогешашвили. Телавский государственный педагогический институт и улица в Тбилиси носят его имя. С 1969 г. в Грузии проводится республиканский праздник знания «Якобоба».

Я. С. Гогешашвили остался в истории России как патриот своего народа и педагог-интернационалист, стремившийся применить методические подходы К. Д. Ушинского к созданию произведений для грузинских детей. Его наследие в полной мере сохраняет свою актуальность, а само имя Я. С. Гогешашвили окружено на его родине, в Грузии, почётом и уважением.

IV. И. Алтынсарин

Казахский просветитель Ибрай (Ибрагим) Алтынсарин родился 20 октября (1 ноября) 1841 г. в Аракарагайской волости Николаевского уезда Тургайской области (ныне территория Костанайской области Республики Казахстан). Отец Ибрая погиб во время междоусобной племенной борьбы. Мать Ибрая Айман Шегенк после гибели мужа вышла замуж за его брата. Мальчик воспитывался у своего деда, бия Балгожи Джанбучина (Жанбуршина)²². Дед Ибрая был известным

²² Тюркский дворянский титул и звание у некоторых народов Ближнего Востока и Средней Азии; категория привилегированного населения; синоним арабского «эмир»; соответствует титулам князь, властитель, господин.

человеком «в степи»: он занимал пост старшины Оренбургской комиссии. Наперекор мнению многих родственников он записал внука кандидатом в ещё только предполагавшуюся к открытию школу-интернат, где должны были учиться дети местных чиновников низшего звена. Эта была первая в казахской степи школа, где готовили писарей и переводчиков из коренного населения. Главы родов также старались дать детям образование в этой школе, чтобы в будущем усилить собственное влияние в местном обществе.

Учащимся в школе предъявляли два обязательных требования: знание русского языка и поддержка существующего строя, т. е. царского режима. Эти требования устраивали Балгожи Жанбуршина, тем более что тогда это была единственная возможность получить системное образование. Школа-интернат открылась в 1850 г., когда Ибраю исполнилось 9 лет. Вот как писал об этой школе очевидец: «Примерная опрятность и щеголеватая простота бросились мне в глаза с первого взгляда. В классной зале почти вся мебель из пальмового дерева, кафедры особенное загляденье. Все дети одеты хорошо, применительно к их национальной одежде» [175]. Школа представляла собой современное здание с простой, но разумной архитектурой. В Центральной России об этом учебном заведении узнали из статьи известного художника и педагога А. Ф. Чистякова «Школа для киргизских детей в Оренбурге».

Автор включил в заметку несколько собственных рисунков, изображающих классы, спальню, мини-больницу и то, в какой одежде ученики приходили на занятия. Художник с нескрываемым восхищением описывал эту чудесную, возведенную посреди степи школу, оборудованную самыми современными мебелью и инвентарём. Детей обучали русскому, арабскому, татарскому и персидским языкам, основам ислама, делопроизводству, арифметике, производству следствия, гимнастике. Были закуплены национальное бельё и одежда, библиотека, физкультурные снаряды. Колониальная администрация Оренбургского края делала всё, чтобы соблюсти национальные обычаи казахов. В этой связи она решила не отлучать детей от кочевого быта, поэтому это была школа-интернат. Для того чтобы дети не отрывались от привычных условий жизни, два месяца в году они проводили в степи, где ухаживали за скотом. Для проживания детей в этот период были закуплены юрты из лучшей белой кошмы, ветеринарные инструменты для ухода за скотом, а также табун дойных кобылиц и коней.

В школе Ибраю всеми силами тянулся к знаниям. Особенно влекла его литература, российская и европейская. Он читал имевшие-

ся в школьной библиотеке произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, а также Шекспира, Гёте, Байрона. Знакомство с лучшими произведениями мировой литературы, первые попытки написания своих собственных стихов постепенно формировали и развивали его поэтический талант. Образовательный процесс был, разумеется, направлен на воспитание верности и преданности представителей казахской элиты царскому режиму России. Но Ибрай на протяжении всей своей жизни неизменно оставался близок народу, искренне проникался его проблемами и чаяниями. Он понимал, что навязывание казахам оседлости, отбирание у них плодородных земель и прочие подобные действия властей были несправедливыми. Юноша был согласен с тем, что кочевничество замедляет развитие казахов, но одновременно считал, что скотоводство и земледелие испокон века были для них родным и знакомым делом и не могли быть просто запрещены.

Ибрай окончил школу в 1857 г. с золотой медалью. Некоторое время он не мог определиться с дальнейшим профессиональным путем и в течение трёх лет работал в Оренбурге писарем у своего деда Балгожи, а потом младшим толмачом (переводчиком) в канцелярии начальника Оренбургского областного правления, руководителем которого был видный учёный-востоковед Василий Васильевич Григорьев. Должность переводчика помогла Ибраю усовершенствовать знание русского языка. В. В. Григорьев (1816–1881) начинал свою службу в Санкт-Петербурге; в 1851 г. получил назначение в Оренбургский край, где занимал должность начальника пограничной комиссии. Эта комиссия ставила своей задачей налаживание добрососедских отношений со среднеазиатскими ханствами и степными кочевниками. В. В. Григорьев занимался также созданием школ для кочевников в степных укреплениях (Подробнее о В. В. Григорьеве см. Приложение VI.)

Ибрай Алтынсарин вспоминал, что начальник поощрял его увлечение чтением. Служба его была необременительной. В основном работа Ибрая сводилась к тому, что он докладывал начальнику о том, что к тому прибыл с очередной просьбой какой-нибудь «степняк». Ибрай также переводил речь просителя, если тот оказывался казахом или киргизом. Также юноша вёл несложную документацию комиссии. В остальное время Ибрай не отрывался от книг. С благодарностью он писал впоследствии В. В. Григорьеву: «Находясь под Вашим покровительством и пользуясь нравственным Вашим влиянием, мы, несколько киргизских офицеров, начали свою служебную деятельность. Доброе влияние Ваше глубоко вкоренилось в нас и, идя по указанному Вами направлению, мы стали, впоследствии, бесполез-

ными, как полагают, людьми для родного нам народа» [175]. Именно от Григорьева Ибрай впервые услышал о К. Д. Ушинском. Глубоко запали в душу юноши слова великого русского педагога о необходимости начинать обучение с освоения родного языка.

По совету В. В. Григорьева все незнакомые слова Алтынсарин выписывал в тетрадку, а потом спрашивал об их значении и переводил на казахский язык. Ему хотелось составить словарь казахского языка. Поначалу Григорьев успевал давать краткие объяснения незнакомых слов, но скоро ученик принес целую толстую тетрадь, заполненную словами, требующими разъяснения. Василий Васильевич перестал успевать на них отвечать.

Но в это время в жизни Ибрая Алтынсарина появился ещё один духовный наставник, великий просветитель нерусских народов России, профессор Казанского университета, учёный-востоковед Николай Иванович Ильминский (1822–1892), ставший для молодого переводчика источником знаний в разных областях науки. Он был невероятно терпеливым человеком, готовым бесконечно разъяснять любознательному казахскому парню те или иные понятия (подробнее о Н. И. Ильминском см. Приложение VII). Узнав о том, что Ибрай общается с Н. И. Ильминским, В. В. Григорьев и вовсе освободил его от конторской работы и позволил чаще навещать нового знакомого. В доме учёного молодой человек читал вслух, пока его жена и дочери занимались рукоделием. Если чтец совершал ошибку в неизвестных ему словах, слушательницы терпеливо поправляли его и объясняли значение малознакомых ему слов. Со временем Алтынсарин стал близким другом этой замечательной семьи. По воспоминаниям Ильминского, Ибрай был очень ранимым человеком, поддающимся приступам грусти. Если кто-либо проявлял к нему участие, он был очень благодарен и старался отплатить той же монетой.

В 1860 г. было решено открыть четыре небольшие школы для детей киргизских степняков. (В то время киргизами было принято называть и собственно казахов.) Четыре выпускника оренбургской школы, в том числе и Ибрай, получили туда назначение. Ибрай отправился в поселок, который тогда имел название *Оренбургское укрепление*, ныне город Тургай. Пребывание в этой глуши по сравнению с жизнью, которую он вел в Оренбурге, казалось ему невыносимым. Здесь не было ни книг, ни образованных людей, к обществу которых он успел было привыкнуть. Алтынсарин писал с тоской Н. И. Ильминскому: «А жить тут можно только ссыльному. Одно только удо-

вольствие бывает зимой, что постоянно находить себе круг порядочных киргизов, и в беседах с честными людьми можно провести много приятных минут».

Открытия школы пришлось ждать аж четыре года. Ибрай занимал свободное время тем, что занимался частным образом с местными детьми. В первый год школу начали посещать шестнадцать мальчиков. В своих письмах Ибрай пишет о школьных заботах: «Как голодный волк за барана, взялся я горячо за учение детей. К крайнему моему удовольствию, мальчики эти, в течение каких-нибудь трех месяцев, выучились читать и даже писать по-русски и по-татарски» [175]. Знания и старательность Ибрая обратили на себя внимание местного общества. В 1869 г. его назначили помощником уездного начальника в Тургае [176]. Некоторое время он был уездным судьей и в этой должности, как мог, пытался бороться с взяточничеством и родовой враждой, за что навлек на себя недовольство со стороны власть имущих. Однажды он очень рассердил своих родственников, когда, зная, что за должность волостного управителя долго сражались два его двоюродных брата, посоветовал не выбирать ни того, ни другого. В результате выбор пал на почтенного аксакала, а обиженные родственники стали жаловаться на Алтынсарина в Оренбург, называя его социалистом. Н. И. Ильминский предлагал Алтынсарину занять высокий пост «в степи», но тот ответил, что его призвание – народное образование, и с 1879 г. вплоть до конца жизни он был инспектором школ Тургайской области.

Отныне его жизнь проходила в поисках средств на все новые школы. Алтынсарин хотел, чтобы школы, открытые им, были чистые и опрятные, как та школа, в которой он сам учился. Поэтому он стремился открывать не просто степные школы, а образцовые заведения с лучшим оборудованием и профессиональными педагогами. Просветитель говорил так: «На личном опыте убедился я, что при дурных хозяйственных условиях школьное дело никогда не примет хороший, полезный оборот, является апатия как у учащихся, так и у учащихся». Огромное внимание инспектор уделял школьным библиотекам. Ибрай организовывал читальни не только для учеников школ и училищ, но и для всех желающих местных жителей приобщиться к миру книг. Он заботился о создании библиотеки при каждой школе: «При училищах Тургайской области я намереваюсь учредить библиотеки, учительские и ученические, на что я уже собрал 700 рублей. Цель этих библиотек заключается в том, чтобы книгами из них пользовались не

только учащиеся и учителя, но чтобы грамотные вообще люди имели в степи места, откуда есть возможность брать полезные книги» [175].

Современников писателя поражало его умение общаться с совершенно разными людьми. В письмах к русскоговорящим адресатам Алтынсарин предстает вполне европейским человеком. Воспоминания о нем оставил учитель Актюбинской русско-казахской школы Арсений Андреевич Мозохин. Он писал, как в 1881 г. он, Мозохин, приехал к месту службы и обнаружил, что в школе нет ни окон, ни мебели, что киргизы не хотят отдавать детей в школу, а ведут к мулле, который стремится выжить русского учителя, не знавшего ни слова по-киргизски. Конечно, у Мозохина опустились руки. И вдруг он получает письмо от инспектора Тургайской области Алтынсарина, своего начальника, которого никогда не видел. Письмо его подбодрило, помогли и присланные деньги, а вскоре приехал и сам начальник, и обоз со школьными принадлежностями. «В каких-нибудь 18 дней инспектор успел приготовить всё для школы: тут была хорошая мебель, учебники, учебные пособия. И я не был забыт: для меня были привезены койка, матрац, разная кухонная посуда и другие мелочи хозяйства» [175].

Но инспектор не ограничился только материальной помощью. Он постарался сделать так, чтоб мулла не притеснял учителя, и убедил местных жителей не препятствовать тому, чтобы дети ходили в школу. А. А. Мозохин вспоминал: «Ибрай Алтынсарин был не только начальником для учителей, но и отцом, самым задушевным и добрым приятелем. Ему можно было говорить все, все свои ошибки по школьной практике, даже такие, которые нельзя было заметить при ревизии. И на все это всегда давались от всей его доброй души дельные советы для руководства в будущем» [175]. Сохранились письма И. Алтынсарина к А. А. Мозохину. Алтынсарин не любил чиновничества. В одном из них он даже упрекал Мозохина за то, что тот обращается к нему «Ваше превосходительство». Несмотря на яростное сопротивление мулл и части населения, И. Алтынсарину удалось открыть первую «в степи» школу для девочек-казашек. «Общество», т. е. власти и некоторые местные жители, стремились не допустить этого и не выделяли земельный участок для школы. Тогда для ее возведения Ибрай выделил собственную землю в Кустанае.

Он также основал первое в области учебное заведение для подготовки учителей. Все эти проекты постоянно натывались на недовольство местных властей, которые не понимали устремлений про-

грессивного учителя. Ему урезали бюджет, отнимали помещения и оборудование. Всего И. Алтынсарин открыл четыре двухклассных центральных русско-казахских училища, одно ремесленное училище, первое в Казахстане женское училище, пять волостных школ, два училища для детей русских поселян, а также учительскую школу в Троицке; позже она была переведена в Оренбург. Алтынсарин положил начало светскому образованию казахского народа.

Постепенно вокруг Алтынсарина появляется все больше просвещенных казахов. Выпускники Неплюевского кадетского корпуса в Оренбурге Альмухамед и Тилеймухамед Сейдалины всячески поддерживали начинания Алтынсарина. Например, А. Сейдалин помог ему открыть школу в Иргызе и первый из казахов отправил свою дочь Гульжаухар учиться в его школу. Среди его учеников был будущий поэт и переводчик Асылкожа Курманбаев. Другой его ученик Г. Балкымбаев стал директором Исторического музея в Алма-Ате.

При создании новых школ нужны были не только здания, мебель, кадры, но и новые учебники. В 1879 г. вышли его «Казахская хрестоматия» и «Начальное руководство к обучению казахов русскому языку». Второе издание хрестоматии вышло в 1906 г. Составлено было им и «Начальное руководство по обучению киргизов русскому языку. Краткий очерк русской грамматики». Ибрагим Алтынсарин создавал варианты алфавита на основе русской графики для записи казахских текстов. Особое место в его творчестве занимают этнографические очерки. Среди них – «Очерк обычаев при похоронах и поминках у киргизов Оренбургского ведомства», «Очерк обычаев при сватовстве и свадьбе у киргизов Оренбургского ведомства».

При написании своих книг автор опирался на соответствующие русские учебные книги К. Д. Ушинского «Детский мир» и «Родное слово», с которыми его знакомили Григорьев и Ильминский. Все эти работы И. Алтынсарина характеризуют их автора как опытного и талантливую учёного. Он публиковал стихи, сказки, басни и этнографические исследования. Сам Ибрай себя писателем не считал; он указывал, что все его произведения были созданы исключительно для первого тома «Казахской хрестоматии». В начале этой книги собраны небольшие рассказы о повседневном казахском быте, с которым был хорошо знаком каждый юный читатель. В хрестоматию составитель включил десятки народных пословиц, легенд и загадок. Вот некоторые казахские загадки, собранные Алтынсариним: *«Белый баран ушел, а черный остался (снег и земля весной)»*. *«Ряд к ряду камни поставил,*

рыжую лошадь свободной оставил (зубы и язык)». «Есть один белый дом, но, если задумаешь войти, дверей не найдёшь (яйцо)». А вот примеры пословиц: «Если дашь, то возьмешь, если посеешь, то пожнешь». «Ветер разбивает горы и камни, слово убивает человека».

И. Алтынсарин занимался переводом на казахский язык поучительных рассказов из «Азбуки» Л. Н. Толстого: «Визирь Абдул», «Царь и Рубашка», «Наблюдательность», «Китайская царевна Цилинши», «Три вора», «Праведный судья», «Крестьянин и Стражник», «Пётр I и Мужик», «Садовник и сыновья», «Два товарища», «Попала Лисица в колодец», «Злу Добро», «Верное средство разбогатеть». Находим мы в «Хрестоматии» в переводе Алтынсарина басни И. А. Крылова: «Ворона и Лисица», «Пустынник и Медведь», «Колосья», «Стрекоза и Муравей», «Добрая Лисица».

Помимо этого его многочисленные собственные труды включают басни, рассказы, сказки, новеллы, например: «Чистый родник», «Драгоценная трава», «Кибитка и дом», «Сын бая и сын бедняка», «Мать и сын». И. Алтынсарин ярко проявил себя как поэт. Фактически он выступил в качестве первого национального поэта казахского народа. Приведём отрывок из его стихотворения, посвящённого школе.

Знаний увидев свет, / Дети, в школу идите!

В памяти крепко, навек / Прочитанное сохраните.

Учение даст вам счастье, / Оно озарит, как свет,

Каждое ваше желание, / Яркий оставит след...

Давайте, дети, учиться! / В памяти вашей пусть знаний запас сохранится.

Как добрый конь не устанет, / Так знание не подведет...

В 1883 г. Алтынсарин переехал в Николаевский (Кустанайский) уезд. Он построил дом под железной крышей в трёх километрах от города Кустанай, на берегу реки Тобол, на островке, где имелось небольшое озеро, получившее впоследствии название «Инспекторское». Там Ибрай Алтынсарин жил и работал до конца жизни. Незадолго до смерти ему был присвоен чин действительного статского советника, что соответствовало званию генерал-майора [177]. Весной 1889 г. Ибрая начали одолевать болезни, особенно беспокоили сердце и печень, но он никогда не отлеживался, было некогда: то надо было ехать в Кустанай на встречу с губернатором, то поволновался по поводу пожара, вспыхнувшего у него на зимовке. Первый казахский просветитель, последователь К. Д. Ушинского, скончался 17 (29) июля 1889 г. и был похоронен недалеко от своего дома на берегу реки Тобол, рядом с могилой своего отца.

Память о первом казахском просветителе, добросовестном и верном последователе вединого русского педагога К. Д. Ушинского, бережно сохраняется на его родине. Для педагогов Казахстана его имя значит так же много, как для россиян имя Ушинского. Министерство образования и науки Республики Казахстан Приказом № 373-к от 20 ноября 2007 г. учредило нагрудный знак «Ибрай Алтынсарин» с целью поощрения и морального стимулирования работников в сфере образования и науки.

У. И. Я. Яковлев

Иван Яковлевич Яковлев родился 18 (30) апреля 1848 г. в чувашской деревне Кошки-Новотимбаево Бурундуковской волости Буинского уезда Симбирской губернии (ныне Тетюшский район Республики Татарстан) в семье бедного крестьянина-чуваша. Его мать скончалась на другой день после рождения сына, а отец умер ещё до рождения Ивана. Воспитывался Иван в семье русского крестьянина Гаврилы Пахомова, усыновившего его. С самого раннего детства, как и все его односельчане-чуваша, Иван испытывал не только социальное, но и национальное угнетение и несправедливость. Подавляющее большинство его соплеменников-чувашей не получало даже начального образования и, соответственно, не имело никаких надежд на лучшую жизнь.

Начальное образование Иван Яковлев получил в Бурундуковской удельной школе. При этом четыре года он жил на квартире в русской семье Мушкеевых, где к нему относились фактически как к родному сыну. Постоянное общение с членами этой семьи позволило юному чувашу свободно овладеть русским языком и стать первым учеником в школе. Благодарность к этим людям он сохранил на всю жизнь и не раз впоследствии их навещал.

В 1863 г. Иван окончил Симбирское землемерное училище и получил назначение в г. Сызрань на должность мерщика с месячным жалованьем в 10 рублей. Должность эта была разъездная, и она дала ему возможность познакомиться с жизнью простых людей, в полной мере ощутить социальную действительность. Тяжёлые картины бескультурья, невежества и угнетения простого народа предстали перед юношей. Тогда и возникли у него мысли о просвещении и поднятии культуры чувашского населения. Он начал упорно добиваться продолжения образования в Симбирской гимназии. В Сызрани он хорошо зарекомендовал себя как специалист. Это позволило ему устро-

иться на более оплачиваемую работу в частную землемерную работу в одно из имений и скопить немного денег.

И. Я. Яковлев стал просить о переводе его в Симбирск. Однако его перевели в небольшой захолустный городок Алатырь. Здесь он познакомился с бывшим учителем математики Мукосеевым, который был ранее уволен как неблагонадежный с должности преподавателя уездного училища и работал теперь бухгалтером. В свободное время Мукосеев давал Яковлеву уроки математики. И. Я. Яковлев обратился с прошением в ведомственное министерство, и в январе 1867 г. ему удалось, с помощью столичных инстанций, получить перевод в Симбирск. Сейчас нужно было только сдать вступительные экзамены. Большую помощь ему оказали его товарищи: словесник Арнольдов, гвардейский полковник Раевский, директор гимназии Вишневский. В 1868 г. он был принят сразу в пятый класс. Окончил гимназию Яковлев в 1870 г. с золотой медалью. В своих воспоминаниях Иван Яковлевич с благодарностью вспоминал о том, что прогрессивные учителя гимназии не ограничивались классными занятиями. Они знакомили учеников с передовыми течениями общественной мысли того времени, устраивали читки и беседы по книгам Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева.

Во время гимназических каникул он побывал в родной деревне, где сагитировал нескольких молодых людей приехать учиться в губернский город. Естественно, Яковлев обещал им содействие. Осенью 1868 г. к нему в Симбирск прибыли учиться молодые ребята – чуваша Алексей Рекеев, Егор Улюкин и Кашкаров, а также русский юноша Иван Исаев. Все они поселились вместе с Яковлевым в доме Раевского. Алексей Васильевич Рекеев (1848–1932), земляк и одногодка Яковлева, стал впоследствии крупным чувашским просветителем [102, с. 299]. Товарищи И. Я. Яковлева, гимназисты Панаев и Соколов, сочувствовали стремлениям Яковлева и начали заниматься с прибывшими молодыми людьми с целью подготовить их к учебе. Жили земляки на средства Яковлева, которые добывались им нелегким репетиторским трудом. Так было положено фактическое начало ставшей впоследствии знаменитой Симбирской чувашской учительской школе, позднее ставшей учительской семинарией.

Положение с образованием чувашей было в те годы безотрадным. Первая приходская школа для чувашей была открыта в 1807 г. в селе Буртасы Цивильского уезда. В ней обучалось всего пять человек. Но вскоре и эта школа была закрыта. (Ныне это село Буртасы Урмар-

ского района, в котором проживают всего 35 человек, имеются 18 домов; в селе нет ни школы, ни детского сада.)

Самодержавие стремилось держать народ в темноте; так было легче им управлять. И. Я. Яковлев вспоминал в 1870 г.: «Я принялся за это дело, руководствуясь только одним желанием, – сделать что-нибудь для чуваш; у меня не было при начинании ни системы, ясно осознанной, ни способов, ни метода, как вести его, но я был уверен в практическом значении и пользе от проведения своей мысли в исполнение». Школа, несмотря на свои крайне скудные средства, малочисленность и хозяйственно-бытовую неустроенность, в короткий срок приобрела доверие и сочувствие передовых, прогрессивно мыслящих людей. Школа была официально признана центральной чувашской школой с программой не выше существовавших тогда двухклассных училищ. Лучшие учителя В. А. Калашников и А. Н. Суров были назначены в чувашскую школу по рекомендации И. Н. Ульянова.

Начинание И. Я. Яковлева было поддержано инспектором народных училищ Симбирской губернии И. Н. Ульяновым, который был назначен на эту должность в сентябре 1869 г. Он заинтересовался этой школой и всячески помогал Яковлеву в ее расширении и развитии. И. Н. Ульянов предпринимал все меры к тому, чтобы сохранить этот первый очаг чувашской культуры. Им были выхлопотаны годовые стипендии по 80 р. на ученика. В письме попечителю учебного округа И. Н. Ульянов писал: «Признавая весьма полезным и необходимым иметь для всех мальчиков особого учителя-руководителя и имея на это место окончившего курс в педагогических классах при Симбирском уездном училище Василия Калашникова, который месяца четыре занимается в этой школе, имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство об исходатайствовании перед г. министром народного просвещения о назначении его с 1 октября сего года особым учителем-руководителем для чувашской школы в г. Симбирске с жалованием из суммы министерства народного просвещения в количестве 300 рублей в год». Кроме того, благодаря усилиям И. Н. Ульянова министерство ежегодно ассигновало денежное пособие на содержание школы. «С И. Н. Ульяновым мы в очень хороших отношениях, он человек добрый и хороший, всегда готов оказать содействие там, где нужно, и это для нас весьма важно», – писал И. Я. Яковлев в письме от 24.06.871 г. к своему наставнику и покровителю выдающемуся просветителю народов Поволжья Н. И. Ильминскому.

Добившись через официальные каналы выделения определенной суммы на содержание училища и оплату труда учителя при сборе

средств по подписным листам, И. Н. Ульянов сам тоже делал личные вложения в благородное дело. К началу 1871 г. было собрано более 250 р., в том числе 5 р. внес сам инспектор. В другой раз он вместе с сыном Александром внес 13 р. 33 к. В начале 1876 г., когда несколько учащихся этой школы заболели сыпным тифом, врач Боровский отказался лечить доставленного к нему тяжело больного подростка. Благодаря срочному вмешательству И. Н. Ульянова врачебная управа все-таки согласилась разместить заболевших воспитанников чувашской школы в городскую больницу.

О частом посещении Симбирской учительской школы И. Н. Ульяновым писали в своих воспоминаниях ученики. Так, Иван Исаев в письме от 17 апреля 1871 г. сообщал Яковлеву, что после Пасхи приходил к ним Ульянов и расспрашивал их, как они живут и все ли приехали из дома. В своём отчёте за 1871 г. И. Н. Ульянов отмечал, что «в короткое время своего существования школа успела приобрести такое доверие чувашей, что отцы привезли своих сыновей вёрст за 100 и даже более». Имя И. Н. Ульянова, который, кстати, и сам был чувашем по происхождению (по отцу), и его высококультурной семьи было окружено и в чувашской школе, и в личном семейном кругу И. Я. Яковлева любовью и уважением: Илья Николаевич был советником, защитником, порой даже руководителем в трудные дни жизни чувашской школы, а недостатка в этих трудных днях никогда, конечно, не было. При Симбирской центральной чувашской школе функционировали два хора и три оркестра. Во время похорон И. Н. Ульянова в последний путь его провожал чувашский хор, который пел на русском и чувашском языках.

Симбирская центральная чувашская школа культивировала передовые по тем временам формы организации быта. Столичный журналист Н. Снессарев писал, что чувашская школа «составляет особый уголок в Симбирске. Тут своя небольшая церковь, столярная и плотничная мастерские, целое хозяйство, классы, тротуары, лазарет, помещения для учителей... По выходе из школы ученики остаются и по привычкам, и по костюму, и по занятию даже теми же крестьянами, но только крестьянами образованными... Вся мебель в школе, иконостас в церкви сработаны своими силами, и сработаны отлично. Школа берет заказы и исполняет их недорого, хорошо и аккуратно».

По окончании Симбирской гимназии И. Я. Яковлев поступил в 1870 г. в Казанский университет на историко-филологический факультет. Несмотря на большую занятость учёбой, многочисленные подработки и отдаленность, он поддерживал связь со школой, посто-

янно писал учителям, а летом непременно приезжал к ним. Ещё будучи студентом университета, И. Я. Яковлев, стремясь к осуществлению своих планов по просвещению чувашей, был озабочен созданием нового чувашского алфавита, который действительно был бы способен соответствовать разговорному чувашскому языку. Его использование могло бы покончить с господствовавшей тогда духовно-миссионерской письменностью и системой подстрочных переводов, ничего общего не имевших с подлинно народным языком. До И. Я. Яковлева некоторая работа по созданию нового чувашского алфавита была проведена его предшественниками, в частности Николаем Ивановичем Золотницким. Помощником И. Я. Яковлева в этом деле был его русский товарищ студент-филолог В. А. Белилин [102, с. 301].

В результате тщательного изучения алфавитов различных языков: сербского, якутского и других – ими был составлен новый чувашский алфавит из 45 букв: 8 гласных и 37 согласных. И. Я. Яковлев заменил устаревший к тому времени букварь Н. И. Золотницкого «Чуваш кнеге» (1867) как не вполне соответствовавший фонетическим основам чувашского языка на свой «Букварь для чуваш» [102, с. 303].

На основе нового алфавита И. Я. Яковлевым в 1872 г. по образцу учебных книг К. Д. Ушинского «Родное слово» и «Детский мир» был составлен и издан первый букварь для чувашских школ. Букварь этот был насыщен материалом народных песен, сказок, пословиц, загадок и поговорок. Весь этот материал помогал развитию в детях наблюдательности, внимания, навыков познания окружающего и творческих способностей. Ряд рассказов для букваря был составлен самим И. Я. Яковлевым: «Петушок», «Сорока», «Мельница» и др. Им были высказаны мысли о методике преподавания по этим букварям. Когда букварь был напечатан, он послал в школу Рекееву 10 экземпляров.

В чувашских школах букварь И. Я. Яковлева был широко распространенным учебником, и результаты работы с использованием этого новаторского для того времени учебного пособия многими методистами оценивались положительно. Так, например, инспектор, проверявший Девлизеркинское инородческое училище Бугурусланского уезда Самарской губернии, в котором обучались чувашские дети, писал: «Ученики старшего и среднего отделений читают и поют молитвы по-славянски и по-чувашски; грамота преподается им следующим образом: сначала наставник обучает детей чувашской азбуке, руководясь букварем Яковлева, но при этом мало-помалу знакомит их и с русским языком, переводя по-русски слова, составляемые из подвижных букв. Как скоро дети усвоят несколько русскую речь,

наставник приступает к обучению их русской грамоте, причем слова, прочитанные по-русски, переводятся на их родное наречие. Ученики, посещающие школу в течение второй зимы, могут разобрать русскую книгу, хотя и не без труда...»

Появление букваря И. Я. Яковлева положило начало новому периоду в развитии письменности чувашского народа. В дальнейшем новый алфавит был усовершенствован и упрощен.

Вместо 45 букв в нём осталось 25, причем из них 17 букв были заимствованы из русского алфавита, а 8 были снабжены дополнительными диакретическими (надстрочными) значками для более точного произношения специфических звуков чувашского языка. Алфавит, созданный И. Я. Яковлевым, был принят чувашским народом с большой радостью. Книги и учебники, издававшиеся теперь на родном языке, стали доступны пониманию широких народных масс. Значительно повысился интерес чувашского народа к печатной литературе, усилилась тяга к обучению в школе.

По-другому отнеслись к реформе чувашской письменности реакционные элементы, верхушка местной феодальной знати и чиновники министерства просвещения, которые не хотели мириться с тем, что чувашский язык приобрёл права литературного книжного языка и стал фактором просвещения чувашского народа.

Однако, несмотря на яростные нападки и ограничительные мероприятия самодержавия против культурного роста «инородцев», алфавит И. Я. Яковлева, будучи поддержанным передовой интеллигенцией русского общества в лице директора народных училищ Симбирской губернии И. Н. Ульянова и других, закрепил за собой право на существование и сохранился с некоторыми изменениями до наших дней.

В 1875 г. И. Я. Яковлев успешно окончил Казанский университет, возвратился в город Симбирск и встал во главе созданной им учительской школы, получившей название Центральной чувашской школы. В ней в то время обучались 52 человека. Одновременно И. Я. Яковлев был назначен на должность инспектора чувашских школ Казанского учебного округа, что позволяло ему бывать в чувашских селениях, разбросанных по всему Поволжью, устанавливать связи с чувашским народом, видеть его нужды и стремления. Особенно безотрадным было положение с обучением девушек-чувашек. Лишь с помощью передовых представителей русского народа, таких как И. Н. Ульянов, удалось организовать образование женщин-чувашек, открыв в 1878 г. при Симбирской школе специальное женское отделение, которое в 1890 г. было преобразовано в женское училище. В учебный план женского

училища, помимо общеобразовательных дисциплин, были включены предметы, связанные с обязанностями, выполняемыми женщинами в семье: домоводство (домашнее хозяйство), уход за детьми, рукоделие. Женское училище сыграло большую роль в деле приобщения девушек-чувашек к русской культуре, в распространении просвещения среди чувашей.

Симбирская чувашская учительская школа и содержание её учебной работы строились Яковлевым на основе передовых педагогических идей, выдвинутых незадолго до этого великим русским педагогом К. Д. Ушинским. И. Я. Яковлев стремился устанавливать связи с передовыми педагогами. Сестра В. И. Ленина Мария Ильинична Ульянова вспоминала: «В нашем доме из знакомых отца бывали, главным образом, его сослуживцы – инспектора народных училищ, зав. чувашской школой И. Я. Яковлев, много сделавший для народного образования среди чувашей...»

Симбирская чувашская школа строилась на базе начального училища, имела три класса с двухгодичным обучением в каждом классе. Обучение в школе велось на русском языке. На учёбу принимались чувашаи, отчасти мордва, крещеные татары, а также 20–25 % русских, так сказать, «для закваски», по выражению Яковлева. Эти дети были особенно полезны «инородцам» как носители русского языка. В тесном общении школьников между собой языки других народов усваивались особенно быстро. Жили все – учителя и учащиеся – одной семьей. Детей дворян, купцов и даже мещан не было. Хотя обучение в школе велось на русском языке, родной язык учащихся находил широкое применение во время педагогической практики, проводившейся в начальном училище при школе, в хоровом пении и в переводческой деятельности, которой лично руководил Яковлев. В учебный план входили Закон Божий, русский и церковнославянский языки, логика, арифметика, геометрия, история, география, физика, химия, минералогия, естествознание, чистописание, черчение, рисование, педагогика, сельское хозяйство, труд и пение. Наибольшее внимание уделялось русскому языку. На русском языке проводились специальные разговорные уроки и объяснительное чтение. На русском и чувашском языках школьный хор исполнял народные песни. В 1913 г. была поставлена опера «Иван Сусанин». Мало того что пение было в школе обязательным предметом – И. Я. Яковлев стремился каждого ученика научить играть на скрипке. Педагогику в 3-м классе вёл сам И. Я. Яковлев.

Русский язык изучался наглядно-переводным методом. Учащиеся часто писали диктанты, изложения и сочинения на русском и чувашском языках. Стремление И. Я. Яковлева как можно лучше поставить обучение русскому языку объяснялось его желанием сблизить чувашей с русскими, чтобы чувашские дети могли сознательно впитывать в себя передовую русскую культуру. Он горячо любил свой народ и старался честно служить ему.

Учебная работа в школе сочеталась в различных формах с физическим трудом (в столярной, токарной, кузнечной и переплетной мастерских, а также на ферме). Хорошо было поставлено в школе преподавание математики, географии, истории. Кроме того, проводились занятия по сельскохозяйственному труду. «Сельскохозяйственный труд является таким предметом, на котором народный учитель ближе всего может сойтись с крестьянином, и своими познаниями, разумным советом, своим примером может принести ему посильную пользу и вызвать доверие к научным знаниям». Председатель училищного совета Симбирской земской управы В. Н. Назарьев, экзаменовавший учащихся Симбирской чувашской школы, писал: «Впечатление, вынесенное мной, было самое отрадное, – это было очевидное торжество новой школы, поборовшей невероятные трудности, сопряженные с обучением русскому языку чувашей».

В 1916 г. в Симбирской школе обучалось 335 человек, в том числе 192 мальчика и 143 девочки. Всего Центральную чувашскую учительскую школу за полвека окончили около тысячи учащихся, многие из которых стали проводниками русской и чувашской культуры среди населения Поволжского региона. И. Я. Яковлев добивался удлинения до 4 лет срока обучения в школе, причем мотивировал это тем, что учащимся приходилось изучать два языка.

В качестве инспектора И. Я. Яковлев дважды в год совершал объезды всех школ и за одну поездку посещал более 20 школ. Давал учителям и заведующим школ указания, вел нравственные беседы с учащимися. Обращал внимание на хозяйственное состояние школ. Здесь, в Симбирске, у И. Я. Яковлева родился сын Алексей (18(30).12.1878–30.07.1951), который впоследствии стал видным историком, членом-корреспондентом Академии наук СССР (1929).

И. Я. Яковлев занимался изданием религиозной, а также светской и научной литературы. В качестве примера можно привести классическое произведение К. И. Иванова «Нарспи», балладу М. Ф. Федорова «Арсюри», сборник «Рассказы из русской истории», научно-попу-

лярные брошюры для населения «Как уберечься от холеры», «Советы матерям при оспопрививании детей», «Глазная болезнь трахома», «О чуме» и др. И. Я. Яковлев содействовал созыву учительских съездов и педагогических курсов. В итоге в 1882 г. состоялся первый съезд учителей Цивильского уезда. В 1883 г. прошли еще два съезда: в селе Аликове для учителей Ядринского уезда (ныне Аликовского района) и в селе Бичурино (ныне Мариинско-Посадского района) при двухклассном училище для учителей Чебоксарского уезда.

В 1884 г. прошел учительский съезд при Симбирской учительской школе. На съезде обсуждались следующие актуальные вопросы: об организации библиотечек, о самостоятельных работах учащихся, о выборе книг для чтения, о привлечении девочек в школу, о времени приема учеников в школу, об устройстве приходящих из других селений учащихся, о дисциплине, о наказаниях и наградах.

12 (24) января 1886 г. скоропостижно скончался И. Н. Ульянов [102, с. 241]. И. Н. Яковлев тяжело переживал смерть своего великого друга и наставника. «Вчера в пять часов, после кратковременной болезни скончался Илья Николаевич Ульянов. Нас всех эта неожиданность очень поразила. За полтора часа я был у него и долго с ним разговаривал», – писал Яковлев Николаю Ивановичу Ильминскому, выдающемуся просветителю народов Поволжья, в письме от 13.01.1886. В 1887 г. после ареста и казни Александра Ульянова Яковлевы были немногими в Симбирске, кто не отвернулся от семьи Ульяновых.

После смерти И. Н. Ульянова активизировались враги просвещения малых народов. В 1890-х гг. симбирский архиепископ Никандр Молчанов на страницах церковных журналов выступил с рядом статей против И. Я. Яковлева. Инспектор В. А. Казаринов, земский начальник Яковицкий, попечитель Казанского учебного округа Спешков обрушились на Яковлева и дело его жизни. Все они стремились очернить саму идею обучения российских «инородцев» на их родных языках. Спешкову удалось добиться в 1903 г. ликвидации должности инспектора чувашских школ, которую И. Я. Яковлев занимал в течение 28 лет. После этого он целиком отдался руководству Симбирской чувашской школой.

Умер И. Я. Яковлев 23 октября 1930 г. в Москве, похоронен на Ваганьковском кладбище столицы.

Благодарная память о выдающемся просветителе сохраняется в народе. Его имя присвоено Бичуринской и Аликовской средним школам, Батыревскому и Ульяновскому педагогическим училищам; его именем названы улицы в ряде городов и населенных пунктов.

Богатое педагогическое наследие И. Я. Яковлева остается востребованным и сейчас. Для народов Среднего Поволжья, прежде всего чувашского народа, И. Я. Яковлев остается символом беззаветного служения народу, примером для современного поколения педагогов.

VI. Н. Н. Блинов

В данном разделе монографии характеризуется личность одного из известных российских последователей К. Д. Ушинского – священника и талантливого педагога-методиста второй половины XIX – начала XX в. Николая Николаевича Блинова. При этом в большей степени освещается его просветительская и методическая работа. Период деятельности Н. Н. Блинова совпал со временем активизации развития образования в России в пореформенный период.

Всё большее внимание в прогрессивных педагогических кругах стало уделяться развитию образования в отдалённых от столицы регионах, а одной из региональных особенностей развития образования в российской провинции во второй половине XIX – начале XX в. стало появление значительного количества педагогов-методистов, деятельность которых осуществлялась не только в Санкт-Петербурге, Москве и других крупных городах, но также и вдали от значительных образовательных и культурных центров. Проявление этой особенности стало важным следствием развернувшегося с 1860-х гг. демократического движения передовой интеллигенции, стремившейся к всемерному распространению просвещения посредством «хождения в народ», открытия школ, написания и издания большими для того времени тиражами, доступной по цене и содержанию «народной» литературы, прежде всего букварей и других учебно-методических пособий для начальной школы. Авторы многих из этих работ, такие как А. Баранов, В. Руднев, Н. Щербина, А. Филонов, А. Радонежский, М. Фенелонов, Н. Ермин, Н. Некрасов и другие, выступали подчас эпигонами К. Д. Ушинского, В. И. Водовозова, Н. А. Корфа, В. Я. Стоюнина, широко и далеко не всегда достаточно вдумчиво использовавшими новаторские идеи выдающихся русских педагогов, и при этом не только не развивавшими эти идеи вглубь, но нередко искажавшими и утрировавшими то ценное, что содержалось в трудах классиков российской педагогики.

Передовые педагоги второй половины XIX в., такие как К. Д. Ушинский, Д. Д. Семёнов, Н. В. Шелгунов и другие, подвергали

острой критике охарактеризованных выше авторов [158]. Одним из главных пороков подобной методической квазилитературы было стремление авторов к «оригинальности», «ниспровержению авторитетов» в ущерб качеству дидактического материала. В одной из рецензий справедливо отмечалось, что «авторы неудержимо расплывающихся учебников и учебничков смотрят чрезмерно светло и преувеличенно на “особенности” своих произведений» [2]. Так, И. Сильченко, автор «Родной азбуки» (Одесса, 1893) вводил в своем пособии буквы «ъ» и «ь» в числе самых первых и тем самым «опровергал» мнение К. Д. Ушинского, как раз советовавшего в «Руководстве в преподавании по “Родному Слову”» «избегать слишком ранней встречи» с этими буквами. В то же время отечественные учёные разных поколений (Н. Ф. Бунаков, Н. В. Чехов, Н. И. Ашмарин, Н. А. Константинов, В. Я. Струминский, В. Б. Помелов и др.) в своих трудах давали высокую оценку некоторым работам провинциальных авторов, среди которых были уроженцы и Вятской губернии, например Илья Фёдорович Яковкин, автор первого, после М. В. Ломоносова, учебника истории [90]. В число немногих оригинальных, творческих работ для начальной школы Н. А. Константинов и В. Я. Струминский включали наряду с «Азбукой» Л. Н. Толстого и «Наглядной азбукой» Ф. Ф. Павленкова пособия вятского сельского священника и учителя Н. Н. Блинова «Ученье – свет» и «Пчелка»; относили их автора к плеяде «замечательных, талантливых и самоотверженных одиночек-педагогов» [35, с. 172].

Аналогичные высказывания в адрес Н. Н. Блинова и его произведений содержатся в трудах выдающихся русских педагогов Н. Ф. Бунакова [13] и Н. В. Чехова [162, с. 57]. Н. Ф. Бунаков стал автором статьи о Н. Н. Блинове в многотомном «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» [13]. Выдающийся российский гуманист писатель В. Г. Короленко также положительно оценивал подвижническую писательскую и педагогическую деятельность Н. Н. Блинова, высоко ценил его методические работы и считал, что вятский педагог заслужил «высокое почётное имя» [33, с. 76]. Значительный интерес к творческому, и в частности методическому, наследию Н. Н. Блинова проявляют и современные исследователи [21; 22].

Несомненно, Н. Н. Блинов был самым видным учителем, методистом и земским деятелем на Вятской земле; кроме того, Блинов был известной и популярной личностью в российских педагогических кругах. В настоящее время региональная печать знакомит читателя с

некоторыми ранее не публиковавшимися по идеологическим соображениям работами Блинова, которые выходят сейчас с соответствующими комментариями специалистов [10; 22].

В то же время методическое наследство Н. Н. Блинова во многом остаётся невостребованным. В частности, видные отечественные историки педагогики Н. А. Константинов и В. Я. Струминский с сожалением указывали на то, что замечательная и поучительная деятельность Н. Н. Блинова была впоследствии замолчана, а его работы преданы забвению [35, с. 180]. Причиной отмеченного этими авторами сложившегося положения в отношении научного наследия Н. Н. Блинова послужило то трагическое обстоятельство, что он неоднократно подвергался репрессиям со стороны властей. Священник Блинов за активное участие в издании «Вятской незабудки» и «Наглядной азбуки» подвергался обыску, ссылался в дальний приход под надзор полиции, лишался права работать в школе. Пелена забвения, затянувшая имя этого просветителя на многие десятилетия, значительно сузила возможности для изучения и использования его теоретико-методического наследства.

Николай Николаевич Блинов родился 7 (19) октября 1839 г. в селе Зашижемье Орловского уезда Вятской губернии в семье священнослужителя. В 1861 г. он окончил курс Вятской духовной семинарии и стал священником в удмуртском селе Карсовой Глазовского уезда Вятской губернии, где по его настоянию открылась школа. В дальнейшем он постоянно совмещал церковную, педагогическую, этнографическую и писательскую деятельность.

В 1868 г. Вятское губернское земство выпускает руководство для учителей, составленное Блиновым, под названием «О способах обучения предметам учебного курса начальных народных училищ» и книгу «Грамота. Учебник для народных школ». «Грамота» была рекомендована учебным комитетом министерства народного просвещения и быстро распространилась в земских школах. Затем он был учителем в вятском уездном городе Нолинске, где написал книгу «Ученье – свет». Интересный текст и иллюстрации (80 рисунков художника-сапульца В. И. Порфирьева) сделали книгу Блинова явлением в российской учебной литературе. В дополнение к ней он издал сборник стихотворений, пословиц и поговорок «Пчелка».

В 1872 г. Н. Н. Блинов участвовал в первом всероссийском съезде народных учителей в Москве, куда он был отправлен земством. Установив там прочные связи с известными педагогами и литерато-

рами, он стал сотрудником ряда газет и журналов. Велики были заслуги Н. Н. Блинова в области педагогической деятельности среди русских детей. Ему приходилось в печати и в практической учительской деятельности преодолевать косность старого духовенства. Так, ретрограды не мыслили обучение грамоте без обязательного повторения «глаголь – добро – есть...», считая эти слова чуть ли не за некие религиозные символы, без которых обучение грамоте никак не может обойтись.

Свои дидактические взгляды педагог стремился воплотить в «бахтинский» период своей педагогической деятельности. Важным этапом в жизни священника и учителя Н. Н. Блинова стал период его работы в крупном селе Бахта, расположенном в десяти верстах от города Вятки. Вятский учитель-просветитель Дмитрий Илларионович Сенников в статье «Две школы» (имелись в виду организованные Н. Н. Блиновым школа для мальчиков и школа для девочек), опубликованной в «Вятских губернских ведомостях» (далее – «ВГВ») (1870. № 41), поражался небывалой для того времени постановкой школьного дела. В школе (Блинов предпочитал говорить – «в школах», имея в виду классы для мальчиков и девочек) обучались в среднем 30 мальчиков и 20 девочек. Было введено наглядное обучение. Уроки сопровождались показом репродукций, иллюстраций, работой с картами. Вместе с Н. Н. Блиновым дети обрабатывали школьный садовый участок, сажали деревья, цветы и овощи, попутно знакомясь с основами ботаники и агрономии.

В школе был введён ручной труд: мальчики обучались сапожному делу, девочки – шитью и вязанию. Всё это было делом новаторским для того времени, не говоря уж об уроках физкультуры, которые были обязательны в школе Н. Н. Блинова как для мальчиков, так и для девочек. Необходимость этих нововведений просветитель объяснял тем, что крестьянским женщинам нередко приходится выполнять тяжёлую мужскую работу, и поэтому девочки с ранних лет должны быть физически подготовленными. Все указанные новшества проводились за счет личных средств учителя (кстати, отца одиннадцати детей). Жалованье уходило на приобретение физкультурных снарядов, книг и наглядных пособий, материалов для обучения детей ремеслу. Земство отпускало на школу крайне скудные средства.

Бахтинский период просветительской деятельности Н. Н. Блинова раскрывал протоиерей И. Ф. Фармаковский в своих воспоминаниях. Он рассказывал, как Блинов убеждал в Бахте крестьян, чтобы они

отдавали в школу девочек. Крестьяне возражали: «Ну, на что девкам нашим грамота? Ведь не писарями же им быть?!»

Но Блинов всё-таки добивался своего. В женской школе с девочками занималась и его жена. Она обучала детей чтению, письму и арифметике, а заодно шитью, вязанию и вышиванию.

Практическую педагогическую работу отец Николай сочетал с научно-педагогической. Стремясь к наибольшей эффективности обучения, он обобщил свой к тому времени уже богатый педагогический опыт и опубликовал методические пособия для учителей: «Грамота: Учебник для народных школ» (Вятка, 1868, 1870, 1872), «О способах обучения предметам учебного курса начальных народных училищ» (Вятка, 1870; СПб., 1875, 3-е изд.).

В «ВГВ» публиковались его статьи, носившие по тем временам новаторский, острополюемический характер. Так, в статье «О мерах по улучшению преподавания в народных школах» (1869. № 11, 13) он выступил с широким просветительским планом усовершенствования педагогической работы. В частности, им предлагалось создание специальных педагогических библиотечек, проведение съездов и совещаний учителей. Его собственная библиотека впоследствии стала предметом специального изучения. При этом Н. Н. Блинов, как и положено благонамеренному пастырю, добросовестно исполнял священнические обязанности в местной церкви, которая под его руководством была капитально отремонтирована. Была устроена ограда, и вся прихрамовая территория получила уютный и законченный вид.

Первые сведения о Н. Н. Блинове как об исследователе местного края датируются 1861 г., когда в «ВГВ» вышли его статьи, носившие этнографический характер. В материале «Новое поветрие» (1861. № 29) он рассказывал о суеверном предубеждении крестьян-удмуртов против одежды из фабричных материалов. В «Заметках о пермяках Вятской губернии» (1861. № 44, 45) едва ли не впервые в местной историографии он дал подробное описание быта этой народности, а в статье «О приемных покоях для больных» (1862. № 3) рассказал об отношении удмуртских крестьян к «казенной» медицине и способах народного целительства.

В последующие годы он увлечённо занимался изучением жизни местного населения, чему свидетельством являются его статьи в «ВГВ»: «Описание Карсовайского прихода Глазовского уезда» (1864. № 46, 48, 49), «Сельскохозяйственный быт пермяков и вотяков Карсовайского прихода» (1865. № 31, 33–37), «Иностранцы северо-восточной

части Глазовского уезда» (1865. № 59–67), «Влияние времени года на рождение и смертность» (1866. № 84–87), «Движение народонаселения в приходе села Карсовайского» (1869, № 14–22, 28–37). Все указанные статьи не были просто заметками, а именно большими глубокими статьями, печатавшимися на протяжении ряда выпусков газеты.

Свою историко-этнографическую ценность эти и другие работы Блинова не только не утратили, но с течением времени приобрели всё большую ценность, поскольку они являются одним из немногих источников, а в ряде случаев единственным, в области исследования истории и культуры малых народов» В 1866 г. «ВГВ» опубликовали знаменитый письменный памятник XVII–XVIII вв. «Повесть о стране Вятской» (другое название – «Повесть о городе Вятке»), вызвавший оживлённую и до настоящего времени не завершённую дискуссию историков по вопросу о времени заселения русскими Вятской земли. Это был так называемый «баженковский список». Блинов, ознакомившись с ним, сделал вывод о его неполноте и выдвинул свой, «блиновский» список. Дополнение, приведённое Блиновым, было опубликовано в «ВГВ» (1866. № 34, 45, 66). Надо отметить, что вплоть до настоящего времени среди специалистов не сложилось определённого мнения относительно того, какой из этих списков представляет бóльшую историческую ценность.

В эти годы Блинов направляет свои работы в Вятский губернский статистический комитет, где они получают положительный отзыв и рекомендации к опубликованию. Исследование о Карсовайском приходе высоко оценивается Русским Императорским географическим обществом, и в итоге в 1866 г. автор работы – сельский священник и учитель – принимается в действительные члены общества и награждается бронзовой медалью.

Но деятельность Н. Н. Блинова на педагогическом и публицистическом поприще вызвала недоброжелательное отношение местных властей. В 1875 г. он был «выведен за штат» и по требованию губернатора даже покинул Вятскую губернию. Н. Н. Блинов использовал эту «ссылку» для поездки в Санкт-Петербург, где поступил вольнослушателем на юридический факультет столичного университета. В 1879 г. Н. Н. Блинов вернулся в Вятскую губернию и занял место священника в Сарапульском Вознесенском соборе, где и прослужил много лет. Он возобновил свои краеведческие исследования, одновременно занимаясь литературной работой и участвуя в культурной жизни города.

В течение многих лет он был членом попечительного комитета публичной библиотеки Сарапульского земства. Принимал самое деятельное участие в организации и работе Сарапульского земского музея и Общества изучения Прикамского края. В 1880 г. он издал книгу «К 100-летию юбилею г. Сарапула». Продолжая изучать архивные материалы, Н. Н. Блинов опубликовал «Историко-статистическое описание города Сарапула, Воткинского и Ижевского заводов» (1887). Им был написан драматический этюд «Свет и во тьме светит!», посвящённый Л. Н. Толстому и являющийся своеобразным откликом на его пьесу «Власть тьмы».

В 1895 г. Н. Н. Блинов был переведён из Сарапула в удмуртское село Бемыж (Бемышево). Его интересовали бытовавшие в удмуртской среде обычаи и религиозные пережитки. Эти наблюдения легли в основу его книги «Языческий культ вотяков», экземпляр которой был подарен им В. Г. Короленко, выступавшему на Мултанском процессе в защиту удмуртов [103].

Закончив своё пастырское служение, семидесятилетний Н. Н. Блинов вернулся в Сарапул и вновь занялся краеведческой работой. Он выпустил книгу очерков «Сарапул и Среднее Прикамье. Былое и современное» (1908), «Памятные книжки города Сарапула» на 1911–1912 гг., а также издал книгу о славной вятской землячке Надежде Андреевне Дуровой «Кавалерист-девица Дурова – Чернова – Александров». В «Известиях Сарапульского земского музея» Н. Н. Блинов помещает ряд статей и заметок: «Сарапульская старина» (1913), этнографический очерк «Лапти», исторический очерк «Заселение Закамья» (1914). Последняя его статья «Церковь на Старцевой горе в городе Сарапуле» была опубликована на страницах первого выпуска «Известий Общества изучения Прикамского края» незадолго до его смерти.

Н. Н. Блинов был автором большого количества статей и более чем двадцати книг, изданных в Москве, Санкт-Петербурге, Вятке и Сарапуле. Среди них – «Народное образование в Вятской губернии за последние десять лет. 1864–1874», «Жизнь Робинзона», представлявшее собой изложение для детей известного романа Д. Дефо и др. В 1914 г. Н. Н. Блинову было присвоено звание «Почётный гражданин города Сарапула». Умер Блинов 31 декабря 1917 г. (13 января 1918 г.) в городе Сарапуле Вятской губернии.

Поистине всероссийскую славу и признание в учительской среде Н. Н. Блинову принесла книга «Ученье – свет» (М., 1873; Вятка, 1884). В своих воспоминаниях Н. Ф. Бунаков, рассказывая о событиях перво-

го всероссийского съезда народных учителей 1872 г., вспоминал в своей книге «Как я стал и как перестал быть “учителем учителей”», что «в вятской группе находился энтузиаст земской школы, педагог-священник Н. Н. Блинов, симпатичнейший человек, страстно преданный делу народного образования, широко понимавший задачу народной школы. Он тогда уже был известен своею умною книжкой “О способах преподавания предметов элементарного курса”, написанной горячо и с хорошим пониманием дела, а теперь привёз в Москву в рукописи свой новый труд “Ученье – свет”, с которым познакомил меня, и с которым я познакомил аудиторию, как с превосходным курсом “родиноведения” для народной школы. Книжка эта была издана в Москве Мамонтовым и до сих пор пользуется вполне заслуженным успехом» [14, с. 337].

Исключительно высоко оценивал методические изыскания вятского педагога Н. Ф. Бунаков в книге «Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837–1905», где он продолжил свои воспоминания о встречах с вятским педагогом на вышеупомянутом съезде: «Блинов Н. Н. познакомился со мной, показал и объяснил мне привезённые рукописи, которые привели меня в восторг. Работы были действительно оригинальные и достойные внимания, особенно “Ученье – свет”, книга для чтения в совершенно новом роде; не шаблонный сборник бессвязных статей, а ряд оригинальных описаний и рассказов, начиная с крестьянской избы, выводящих читателя постепенно за околицу, в поле, в лес и на широкий простор Божьего мира» [15, с. 97]. Столь высокая оценка работ и деятельности Н. Н. Блинова полностью совпадает с характеристиками, которые давали его методическим работам другие видные исследователи.

Н. В. Чехов отмечал, в частности, что до Н. А. Корфа «педагогические вопросы, связанные с постановкой школьного дела, и методы преподавания разрабатывались у нас по преимуществу теоретически, без применения к действительным условиям русской национальной школы. Среди всех педагогов и методистов того времени исключение в этом отношении составлял земец Вятской губернии священник Блинов, видный педагог и самоотверженный деятель в области народного образования» [162, с. 57].

Н. В. Чехов считал его методические работы одними из лучших из тех, что были созданы в тот период. Так что литературный и методический талант Блинова не вмещался в узкие рамки священнических, а также учительских обязанностей, которые ему приходилось

выполнять. Поэтому неудивительно, что, по определению вятского историка В. А. Бердинских, Блинов был своеобразной «белой вороной» и даже изгоем в среде сельского приходского духовенства [6, с. 133]. Одновременно он пользовался большим почётом и уважением среди учительства Вятской губернии.

Ценность научно-методического наследия Блинова определяется двумя обстоятельствами. Первое обстоятельство состоит в том, что он, будучи последовательным сторонником Ушинского в области начального обучения, в своей активной педагогической деятельности, продолжавшейся более полувека, активно проводил в жизнь такие новаторские идеи великого русского педагога и его ближайших последователей, как народность, гуманность, природосообразность в обучении и воспитании. Вслед за К. Д. Ушинским он неоднократно подчёркивал необходимость возможно более глубокого изучения природы ученика. Выступал за скорейшее введение всеобщего начального образования и как земский деятель и видный публицист (публиковался в «Неделе», «Биржевых ведомостях», «Русском обозрении», «Детском чтении», «Северном вестнике», «Мире Божьем», «Сельской беседе») всемерно способствовал этому.

Второе обстоятельство заключается в том, что, помимо просветительской работы в области распространения взглядов корифеев отечественной педагогики, вятский педагог стремился к формулированию в своих работах самостоятельных педагогических идей, нашедших своё воплощение, прежде всего, в таких его работах, как «Ученье – свет. Книга для чтения в народных училищах» (М., 1873; Вятка, 1884), «Замечания для учителей о классных занятиях по книге «Ученье – свет» Н. Блинова» (М., 1873) и «О способах обучения предметам учебного курса» (СПб., 1875. 3-е изд.).

Анализ пособий Н. Н. Блинова позволяет сделать вывод о том, что наиболее примечательной его чертой как методиста был расчёт «не на поспешность и усиленность занятий, а на применение к делу обучения разумных, упрощённых методов и на достаточность учебных пособий, соответствующих цели» [9, с. 11]. Тем самым педагог подчёркивал свою приверженность научно обоснованным, продуманным методикам, прежде всего, при обучении чтению, которое он считал основой основ в начальной школе. Поэтому он обращал особое внимание на «начальные приёмы», справедливо полагая, что «хорошо начатое дело и продолжать нетрудно». Он неоднократно отмечал у стремившихся работать творчески учителей «осознание необходимо-

сти введения улучшений», но одновременно указывал, что их многочисленные попытки в этом направлении нередко «не говорят в пользу самого дела».

Разуверившись в предлагаемых методиках, учителя бросают их, находя «чересчур замысловатыми». Н. Н. Блинова не удовлетворяли сформировавшиеся в учительской среде методические стереотипы, в частности стремление некоторых учителей начинать работу с детьми с «затверживания» всего алфавита. Блинов справедливо указывал, что «ни на одном языке нет таких слов, в которые входил бы не только весь алфавит, но хотя бы половина его; не всякая даже печатная страница совмещает в себе все буквы... К чему же тогда такая торопливость при изучении основ?» [9, с. 11].

С целью преодоления вышеуказанных стереотипов Н. Н. Блинов разработал своеобразную методику обучения чтению. В её основание он положил идею формирования, как он пишет, возможно более ясного понятия о звуке (букве), его изолировании или резком выделении среди других звуков (букв). Он предлагал в самом начале работы выделить два-три гласных звука, например «а» и «о». Затем учитель даёт описание случаев, когда человек вскрикивает: «Ай! Ой!» Потом эти звуки называются в словах: «мать», «кол», «сад», «дать», «дом», «шаг». Следующий этап работы – определение этих звуков в начале, середине и конце слов: «ах», «ха», «шар», «сор». В дальнейшем даются слова, содержащие эти гласные вместе: «оба», «закон». За двусложными следуют многосложные слова, такие как «Маша», «Параша», и смешанные – «солома», «собака». Аналогичным образом вятский методист предлагал изучать и другие гласные звуки и буквы. Согласные, по его методике, также должны были изучаться постепенно, «по одной зараз». При выборе порядка их изучения методист исходил из двух критериев: наибольшая протяжённость звука («л», «с») и более «лёгкое» объяснение («м» – «мама»). Таким образом, ко времени ознакомления с двумя-тремя согласными буквами ученики уже овладевали всеми гласными и поэтому могли читать лёгкие тексты, составлять довольно много слов и фраз и записывать их в тетрадь. «Вот основание метода обучения чтению, который только и может называться разумным», – несколько самоуверенно заявлял Блинов.

Ф. Ф. Павленков положил методические воззрения Блинова в основание своей «Наглядной азбуки», представлявшей собой такое учебное пособие, которое могло, по мысли автора, использоваться и без помощи учителя. Однако Н. Ф. Бунаков, называя работу Павленкова оригинальной, талантливой и полезной, не разделял оптимизма

Н. Н. Блинова по поводу того, что «эта азбука сделает возможным самообучение грамоте и быстро подвинет распространение грамоты в русском народе», хотя «непобедимая вера в громадную силу грамоты и неукротимое стремление дать русскому народу эту силу внушали ему (Блинову. – В. П.) уверенность, что возможно осуществление такой утопии, как самообучение грамоте» [15, с. 98].

Вятский историк педагогики В. А. Петров, кстати, один из первых пятнадцати выпускников Вятского учительского института (1917 г.), давал положительную характеристику методике Н. Н. Блинова, подчеркивал её логичность и доступность для рядового учителя [72, с. 200]. Нам представляется в методике Н. Н. Блинова оригинальным и ценным наличие такого для того времени нового элемента в обучении грамоте, как чётко установленная и наполненная конкретным содержанием поэтапность, известная в настоящее время под названием «алгоритмизация». В то же время, отдавая должное работе вятского методиста в области создания активной творческой методики обучения чтению, технология которой описана в его трудах и проверена на практике, заметим, что предлагавшаяся им методика не лишена существенных недостатков.

Наиболее серьёзным из них является то обстоятельство, что стремление к установлению строгой поэтапности в усвоении букв неизбежно должно было сопровождаться необходимостью введения слов, смысл которых был детям неизвестен. Примечательно, что, раскрывая очень подробно, с многочисленными примерами и ссылками на другие источники разнообразные нюансы методики обучения чтению и письму, священник Блинов «укладывает» всю «методику» обучения церковно-славянскому языку в полстраницы. Важнейшим средством обучения в начальной школе является книга.

Сам Н. Н. Блинов лучшим из методических руководств считал пособия К. Д. Ушинского. Однако вятский педагог отмечал, что, пользуясь ими, учитель должен уметь методически обрабатывать содержащийся в них учебный материал, применяясь к требованиям сельского училища и возможностям его учеников. Отмечая как положительную черту энциклопедичность и содержательную насыщенность «Детского мира» и «Родного слова» К. Д. Ушинского, Блинов в то же время считал, что эти пособия больше подходят для городских, более развитых и подготовленных к школьному обучению детей. Рассказы в них, указывал вятский методист, идут «разъединённо», и, хотя они связаны определённой логикой и последовательностью, сельскому ребёнку, никогда не покидавшему своей деревни, чересчур сложно

осознать некоторые сюжеты и понятия, относящиеся к тем сферам жизни, что выходят за пределы ежедневного бытия крестьянина.

Нам представляется подход Блинова к рассмотрению пособий Ушинского несколько упрощённым, а его аргументы по поводу якобы большей развитости городских детей по сравнению с сельскими не вполне убедительными. Также мы считаем недостаточно обоснованной и его критику в адрес работ великого русского педагога, ставших со времени своего появления на долгие годы основными пособиями для детского чтения и положивших начало изданию нового типа литературы – детской энциклопедии (детской хрестоматии); ни одна книга не может содержать такой объём материала и идей, которые бы отвечали всем потенциальным требованиям и запросам читателя; любая книга, как правило, решает локальную задачу. Такую же частную задачу ставил перед собой и сам Н. Н. Блинов при составлении «первой книги для сельских ребят» под названием «Ученье – свет». В ней автор предлагал вести ребёнка «от семьи к деревне, от деревни к селу, затем к школе, в которой ему дается представление о широком Божьем мире». Главное внимание в пособии автором уделяется обильно иллюстрированному связному повествованию, которое ведётся от лица мальчика, постепенно открывающего для себя окружающий мир. Повествование разделено на отдельные рассказы – «случаи», логически связанные между собой.

Н. Ф. Бунаков высоко оценивал сочность, народность и в то же время исключительно ярко выраженную литературность языка, которым написана книга. Принцип наглядности в ней реализуется не столько посредством иллюстраций, как у Я. А. Коменского в «Мире чувственных вещей в картинках», не через точное и научное описание рассматриваемых объектов, как в вышеотмеченных работах К. Д. Ушинского, а преимущественно путём использования выразительных средств народного русского языка. При этом Н. Н. Блинов не претендовал на энциклопедическую широту охвата проблем, присущую произведениям названных великих педагогов; такая задача им просто не ставилась, поскольку книга была предназначена лишь для первого года обучения.

Современный исследователь А. В. Блюм подчёркивал и другие достоинства книги Блинова, отмечал, что для неё «характерен глубокий гуманизм, она начисто лишена назидательно-нравоучительного тона, которым были проникнуты почти все издания подобного рода в то время» [11, с. 37].

Н. Н. Блинов внёс определённый вклад в решение проблемы использования основных дидактических принципов применительно к

условиям начальной народной школы. Свои воззрения по этому вопросу он изложил в работах «Замечания для учителей о классных занятиях по книге “Ученье – свет” Н. Блинова» (М., 1873) и «О способах обучения предметам учебного курса» (СПб., 1875), ставших одними из первых российских методических пособий региональных авторов для начальной школы. В них Н. Н. Блинов достаточно аргументированно обосновал необходимость использования основных принципов дидактики, в частности принципа сознательности в обучении. Так, будучи убеждён, что ребёнок только тогда относится к известному случаю, поступку и т. п. с должным вниманием, сознательно, когда ему известно хотя бы одно лицо, которое участвует в данном действии, методист берёт в качестве этого лица самого мальчика – героя книги «Ученье – свет», и предлагает учителю всегда ставить каждого ученика в то положение, в каком находится главное действующее лицо. Он рекомендовал педагогам побуждать детей к составлению своих собственных «книг», то есть личных дневников, в которые они должны были записывать ежедневные впечатления и наблюдения.

Немаловажное значение Н. Н. Блинов придавал реализации принципов доступности и последовательности в обучении, что находило отражение в его книге «Ученье – свет» в особом расположении материала, где деревенские реалии постепенно сменялись более сложными для сельских учащихся городскими сюжетами, а затем дети знакомились с жизнью других стран и народов. Принцип посильности также нашёл своё отражение в рассматриваемой книге Н. Н. Блинова. Она хоть и представляла собой единый рассказ, описание жизненных впечатлений одного мальчика, но одновременно подразделялась на отдельные главы. Её автор справедливо полагал, что к чтению большого рассказа или к однообразному, «связному до педантизма» изложению дети на первых порах ещё не готовы. Видимая же связь между всеми «рассказцами», создававшая иллюзию единого большого повествования, позволяла преодолевать детям страх перед чтением «толстых» книг.

Активная методическая деятельность Н. Н. Блинова в определенной степени способствовала утверждению среди учителей Вятской губернии принципа наглядного обучения. В своих выступлениях на съездах народных учителей и на страницах методических пособий он справедливо отмечал, что в начальные училища поступают дети разных возрастов, не одинаково развитые и обладающие различным, хотя, в целом, и не обширным запасом сведений и жизненных впечатлений. Однако каждый из этих детей обладает драгоценным каче-

ством детства – живой восприимчивостью. С любопытством рассматривает ученик-новичок всякий предмет, хотя бы отчасти и известный ему, если ему указывают на новые, не замеченные им ранее особенности этого предмета. Это стремление к восприимчивости, «охоту к рассматриванию» и должен использовать учитель в первый год обучения. Ему следует обратить внимание детей на окружающие предметы, определить вместе с детьми внешние отличия и обучить их словесному описанию. Особую роль в первый год обучения Блинов отводил возможно более широкому применению принципа наглядности, придавая ему даже самодовлеющее значение. Он полагал, что в первые месяцы обучения детей «не нужна будет никакая книга» [8, с. 2].

С таким подходом трудно согласиться, особенно если учесть, что во многих сельских школах обучение продолжалось «одну зиму», то есть всего четыре-пять месяцев. Н. Н. Блинов указывал также на то, что, на его взгляд, полноценной первой книги для чтения пока не создано. Казалось бы, такое мнение представляется абсурдным для человека, который был даже лично знаком или состоял в переписке с некоторыми авторами учебных книг, получивших широкое признание, например с Н. Ф. Бунаковым. Однако он пояснял, что в настоящее время книги замечательных русских педагогов существуют, несмотря на все свои достоинства, как бы сами по себе, а нужно, чтобы они дополнялись и были тесно увязаны в содержательном отношении с «коллекцией наглядных пособий», которой пока нет. Таким образом, вятским педагогом высказывалась оригинальная мысль о необходимости создания комплекса учебно-наглядных пособий как для обучения грамоте, так и для последующих ступеней обучения. Реализация этой идеи осуществлялась самим Н. Н. Блиновым как в процессе его активной работы по созданию в городе Вятке первого педагогического кабинета, губернской земской мастерской учебно-наглядных пособий, так и при составлении им различных методических пособий.

Собственное понимание реализации принципа наглядности в обучении Н. Н. Блинов подробно рассматривает в книге «О способах обучения предметам учебного курса». Отмечая явную недостаточность учёта этого дидактического принципа в практике работы российской начальной школы, он предлагал проведение самостоятельных уроков наглядного обучения, по четыре-пять уроков в неделю. Разумеется, он не был первым, кто выдвигал и реализовывал в практической деятельности идею проведения наглядных уроков. Однако в то время она представлялась в провинции достаточно новой и оригинальной, по-

скольку сам принцип наглядности не считался общепризнанным среди сельского учительства, особенно среди законоучителей.

В содержание наглядных уроков Н. Н. Блинов включал беседы о свете, цвете, форме и величине тел, упражнения на различение звуков, ознакомление детей с физическими свойствами тел и их поверхностей и многое другое. Дальнейшее развитие уроков наглядного обучения Н. Н. Блинов связывал с введением элементов природоведения и родиноведения при реализации принципа природосообразности. Здесь в качестве отправной точки педагоги разных стран, как известно, избирали различные объекты. Так, Й. Г. Песталоцци предлагал начинать изучение ребенком окружающего мира с человеческого тела, немецкие педагоги – с вещей из домашней обстановки, педагоги Англии – с «естественных произведений и технических производств».

Н. Н. Блинов придерживался последнего мнения и считал, что только в этом случае в школу будет внесён тот элемент жизненности, который освободит её от схоластики в процессе первоначального обучения и сделает последнее более наглядным [9, с. 9]. Изучение природоведения и родиноведения, по мнению Н. Н. Блинова, может реализовываться не только в процессе книжного обучения в классе, но также и во внеурочное время. С этой целью учитель может воспользоваться прогулками с учениками в ближайший лес, в поле, на луга. В ходе экскурсий и сам учитель узнаёт много нового, а «полученные им сведения могут принести неоценимую пользу для... составителей руководств отчизноведения» [9, с. 63]. Поэтому он советовал учителям во время экскурсий обращать внимание на географическое положение населённых пунктов, на горы, воды, почвы, животный и растительный мир, на характерные особенности местных жителей (внешность, национальность, одежду, пищу, нравы, обычаи, песни, сказки, предания, поверья, занятия, промыслы, торговлю и т. д.) и на собирание коллекций насекомых, растений, почв, минералов и т. д.

С этой целью он считал необходимым учителю составлять «коллекции естественных произведений из трёх царств природы». Н. Н. Блинов неоднократно подчёркивал необходимость для учителей иметь в своём распоряжении доступные средства наглядности: картины, муляжи, модели и т. п. В этой связи заслуживает внимания его мысль о том, что практически любой предмет можно сделать учебным пособием. Так, «валяющийся у крыльца камень не вызывает в ученике никакого интереса, но принесите этот камень в класс и сделайте о нём беседу и увидите результаты. Дети видели в лесу тысячи сосновых и

еловых шишек, но спросите, рассматривали ли они их внимательно, замечали ли они в них семена, зародыши будущих сосен и елей?» [9, с. 9].

Таким образом, вятский методист возлагал немалые надежды на региональную составляющую («местный элемент», по Блинову) в содержании образования. Не случайно, отмечал он, «результаты получаются далеко лучшими, когда материалом обучения будет ещё более близкое и родственное детям, а именно то, что может ещё легче действовать на способность восприятия их» [9, с. 9]. Наглядные природные, предметные и словесные впечатления локального характера обогащают мышление учащихся настолько, что, как считал педагог, на последующем этапе развития их духовных сил дети не имеют недостатка в материале для упражнения своих мыслительных способностей.

Н. Н. Блинов призывал учителей овладевать богатым методическим арсеналом российской педагогической мысли. Так, им настоятельно рекомендовалась разработанная Ушинским методика рассказов по картинкам. Упражнения в пересказе содержания картинок, справедливо считал педагог, должны сочетаться с письменными упражнениями, под которыми он понимал «осмысленное употребление букв, слов, выражений и расположение слов» [8, с. 58]. Вятский педагог поддерживал плодотворную идею русского педагога В. И. Водовозова об «обстоятельном словесном и вещественном разборе статей, дающем достаточный материал для письменных работ учеников» [8, с. 56].

В опоре на достижения передовой российской методической мысли, нашедшей своё наиболее яркое проявление в трудах Ушинского и его единомышленников и последователей, Блинов стремился в своих пособиях выразить собственное понимание целесообразной организации процесса обучения. Например, он предлагал разнообразить уроки чтения в зависимости от степени подготовленности учащихся и характера изучаемого материала и либо сразу приступать к чтению избранного учителем отрывка текста – в случае, если он своим содержанием вызывает в сознании детей хорошо им известные и «понятные до отчётливости обстоятельства», либо сначала провести предварительную беседу, в ходе которой внимание детей должно быть обращено на предметы и обстоятельства, о которых позднее пойдет речь в избранном для чтения отрывке текста. Такие беседы, отмечал Блинов, чаще должны иметь место в начальный период обучения. Так, при работе над рассказом «Деревня» из книги «Ученье – свет» методист советовал учителю начинать урок с обращения к детям рассказать о своей деревне. После этого чтение должно пойти легче, так

как оно будет опираться на знакомый детям материал и только что употреблённые в речи слова.

В качестве следующего этапа работы над данной темой Н. Н. Блинов советовал предложить детям составить, опираясь на лексическое содержание начального этапа урока, словесное описание своих деревень (каждому ученику – своей) и потом совместно – рассказ о селе, в котором находится школа. Этот последний рассказ в коротких, простых предложениях записывается учителем на классной доске. Как вариант он рекомендовал самостоятельную запись детьми составленного ими рассказа. Письменные упражнения, под которыми Блинов понимал «осмысленное употребление букв, слов, выражений и расположение слов», должны были идти одновременно с чтением книги, ибо только через практику дети могут привыкнуть к грамотному выражению своих мыслей, чему, по мнению Н. Н. Блинова, способствует «обстоятельный словесный и вещественный разбор статей, дающий достаточный материал для письменных работ учеников» [8, с. 58].

Следует признать, что вышеприведённые методические советы и рассуждения вятского педагога не были вполне оригинальными. Здесь Н. Н. Блинов по-своему интерпретировал руководства и объяснительные записки К. Д. Ушинского к книгам «Детский мир» и «Родное слово» [154; 155; 156; 157]. Ценность этих методических советов, приведённых в работах Блинова, состояла, прежде всего, в том, что указанные работы великого русского педагога находились достаточно длительное время под запретом, и поэтому учителя Вятской и соседних с ней губерний получали возможность ознакомиться с богатым методическим наследием российской педагогической мысли в популярном изложении вятского методиста.

Н. Н. Блинов не замыкался на использовании достижений российских педагогов. Из опыта немецких детских садов Блинов предлагал перенести в русскую начальную школу «дары Фрёбеля», черчение по клеткам, плетение, работу с бумагой, глиной и другими материалами, подвижные игры с мячом. Последние он связывал с преподаванием пения, которое тогда носило исключительно религиозный характер. По его мнению, пение должно быть и светским, служить своего рода фоном для игр и важным средством передачи молодому поколению народной памяти.

Стремление вятского педагога к освоению передовых методических образцов, в том числе и зарубежных, подчас оборачивалось копированием не только позитивного, а и, на наш взгляд, несколько кон-

сервативного опыта. В качестве примера укажем на некоторое заимствование из книги одного из сотрудников выдающегося немецкого педагога Фридриха Фрёбеля Генриха Лавенталя «Первое школьное обучение. Пособие учителям начальной школы» (М., 1867). Немецкий методист предлагал в течение *нескольких месяцев* задавать детям при ознакомлении с окружающими их в школе элементарными вещами вопросы типа: «Что это такое? Что есть у предмета? Для чего? Откуда? Зачем? Из чего сделан?» и т. п. Такой методический педантизм, заимствованный Н. Н. Блиновым у Г. Лавенталя, а также у Н. Ф. Бунакова, проявился почти дословно в книге вятского педагога «О способах обучения предметам учебного курса». Постановка подобного рода вопросов расценивалась видными педагогами отнюдь не как реализация принципа постепенности в обучении и вызвала едкие, ироничные замечания со стороны, в частности, Л. Н. Толстого. В то же время демократизм взглядов Блинова, его сочувственное отношение к крестьянам наглядно проявились в отношении к его работам со стороны официального чиновничества.

Пытаясь расширить сферу применения своих книг и получить средства на издание их дополнительного тиража, Н. Н. Блинов обратился с этой целью в особый отдел ученого комитета министерства народного просвещения, но в итоге только навредил делу. Цензор особого отдела К. К. Сент-Илер, в прошлом соратник К. Д. Ушинского, писал в своей рецензии: «Мальчик (герой книги «Ученье – свет». – В. П.) задумывается над тем, отчего некоторые живут богато, а другие – бедно, и задаёт себе вопрос “Зачем не только в разных местах, но и в одной деревне у одних всего довольно, а другие перебиваются с куска на кусок?”. Прямого ответа на этот важный вопрос нет в книге... Все статьи о неравенстве состояний кажутся нам неуместными. Сами вопросы эти не должны составлять материала для классных бесед. Нет никакой причины особенно возбуждать в детях вопросы о бедности и богатстве» [174]. В итоге было разрешено использование лишь «Пчелки», представлявшей собой сборник безобидных стихов, пословиц и сказок для детского чтения, а книги «Ученье – свет», «Замечания для учителей...», «О способах обучения...» подверглись запрету.

Научно-методическая и практическая педагогическая деятельность Блинова – яркое явление в истории российского провинциального образования. «Симпатичный образ этого русского народного учителя-энтузиаста, с одушевлением и какой-то нервной торопливо-

стью излагающего свои чистые и честные идеи о народном просвещении, о народной школе, народном благе, никогда не изгладится в моем воображении», – писал о нём Н. Ф. Бунаков [15, с. 241].

Важнейшей чертой практической педагогической деятельности и методического наследия Н. Н. Блинова выступает их актуальность и значительная ценность для дела начального просвещения крестьянского населения. Близость просветителя к народу, постоянная учительская работа в его среде, своевременный учёт запросов и требований времени, литературный и педагогический талант позволили создать ему отвечающие самым высоким методическим требованиям исторического периода произведения, применение которых в школах существенным образом повлияло на качество обучения. Региональные особенности Вятского края и соседних с ним регионов наложили явственно ощущаемый отпечаток на содержание их трудов. В частности, полиэтничный состав населения обусловил необходимость разработки учебно-методических пособий для нерусских народов.

Значительная часть педагогической деятельности Н. Н. Блинова была посвящена обучению удмуртских детей, для которых им была составлена первая удмуртская грамота «Лыдзон» («Чтение») (Вятка, 1867). В её основу была положена графика русского языка с добавлением надстрочных знаков для выражения специфических звуков удмуртской речи, а самое главное – новаторский для того времени звуковой метод обучения грамоте, предложенный К. Д. Ушинским. Следует заметить, что первая удмуртская азбука была написана иереем из удмуртского села Укан И. Анисимовым и издана в Казани в 1847 г. Но это было сугубо богословское издание, построенное на переложении краткого катехизиса. Поэтому первой полноценной с дидактической точки зрения азбукой-букварем следует считать труд Н. Н. Блинова. В этой азбуке приведены в определённой системе слоги, слова и выражения, даны переводы молитв и впервые на удмуртском языке прозаические отрывки светского нравоучительного содержания. Здесь же помещён первый перевод поэзии А. С. Пушкина на удмуртский язык, осуществлённый Блиновым. Свою рукопись Н. Н. Блинов направил в Вятский губернский статистический комитет, который в те годы был в Вятской губернии, по существу, центром культурной жизни.

В своём обращении в комитет он писал: «За составление ее (азбуки. – *В. П.*) назад тому более года я взялся вследствие настоятельной необходимости, так как поступающие ко мне для обучения вотские мальчики, не понимая русского языка, с большим трудом знако-

мились с русской грамотой» [15, с. 3]. И помощь была оказана: Вятский губернский статистический комитет направил её на рецензию известному вятскому издателю и журналисту Николаю Ивановичу Золотницкому, жившему в то время в слободе Кукарка Вятской губернии фактически в ссылке. Получив от него положительный отзыв, комитет стал хлопотать об издании работы. Комитет возбудил ходатайство перед губернатором, затем перед Московским цензурным комитетом, и в итоге азбука была издана быстро – в Вятке в 1867 г., а затем и в Москве.

В дальнейшем она неоднократно переиздавалась и совершенствовалась другими авторами. Издание этой азбуки поставило Н. Н. Блинова в один ряд с видными российскими просветителями малых народов. Успех издания вдохновил автора на издание других работ. Его работа по составлению методической литературы для средневожских народов была продолжена и значительно усовершенствована И. С. Михеевым. Методические взгляды Н. Н. Блинова до настоящего времени остаются современными и не утратившими своего значения.

Вятский просветитель внёс вклад в развитие национальной культуры и литературы, выступив автором оригинальных литературных этнографических, драматических, исторических, биографических произведений. Н. Н. Блинов не принадлежал к какой-то определённой научной группе. Он был единственным в своём роде учёным-методистом, учителем и священником. Подчас ему приходилось страдать именно потому, что нападавшие на него знали, что Блинов – один, его никто не поддержит и никто не защитит [12]. В качестве примера приведём историю с изданием в 1873 г. Ф. Ф. Павленковым в Санкт-Петербурге своей азбуки. Книга вышла с фамилией Блинова на обложке, который был вынужден дать на это согласие в интересах дела просвещения, хотя и предвидел для себя возможные неприятности, которые действительно не замедлили сказаться: последовали обыск, отстранение от учительской работы.

Спустя 15 лет, когда ссылки и цензурные придирки в отношении данного издания были далеко в прошлом и можно было «смело» указать на своё авторство, в предисловии к очередному изданию «Объяснения к “Наглядной азбуке”» Ф. Ф. Павленков вдруг счёл необходимым заявить следующее: «Составление “Наглядной азбуки” до последних лет приписывалось о. (отцу. – В. П.) Блинову, который долгое время ничего не имел против этого. Но после упреков, которые были им обращены ко мне по поводу будто бы невыгодных последствий от

такого недоразумения, я считаю вполне позволительным для себя заявить теперь, что отцу Блинову не только не принадлежит ни одной строки в “Наглядной азбуке” и “Чтении-письме по картинкам”, но что до окончания моей работы он даже не верил в возможность практического осуществления той мысли, которая была положена мной в основание этих азбук. В своей “Грамоте”, рекомендованной министерством народного просвещения, о. Блинов держался совершенно иной системы и даже стоял за раздельное обучение чтению и письму» [65, с. 4].

Совершенно необходимо отметить, что такое «признание», мягко говоря, не делало чести известному издателю. Получилось так, что когда издание книги было делом опасным, но в то же время сама необходимость издания была для Ф. Ф. Павленкова, как говорится, делом принципа, авторство им было «великодушно» отдано Н. Н. Блинову; спустя же годы, когда об изданной некогда вольнодумной книге можно уже было наконец говорить без опасений, Павленков вдруг забеспокоился о своём авторстве. Но ведь Блинов-то в своё время от этого навязанного ему «авторства» пострадал, и очень сильно! Он принял эту опасную миссию на себя и лишился работы, будучи отцом одиннадцати детей! А теперь «гроза миновала» и «славу борца» пожинал другой «герой»!

В России проживают многочисленные потомки видного русского священника и педагога-методиста, а сама бурная, насыщенная жизнь Н. Н. Блинова заслуживает дальнейшего изучения, так же как и его многочисленные труды.

VI. Е. В. Антипова

Среди отечественных учёных и деятелей культуры, эмигрировавших по тем или иным причинам из Советской России в XX в. и внесших значительный вклад в экономическое, научное и культурное развитие зарубежных стран, особое место принадлежит Елене Владимировне Антиповой. В довольно многочисленной когорте эмигрантов – литераторов, артистов, художников, а также физиков, химиков, инженеров, математиков и представителей других наук – она была едва ли не единственным психологом и педагогом. Её теоретические изыскания и практическая деятельность оставили яркий след в истории науки, прежде всего, в Бразилии. Заслуги Е. В. Антиповой отражены в ряде публикаций, но многие из них вышли за рубежом, в том числе в Латинской Америке, и поэтому малодоступны российскому

читателю. В связи с этим автором предпринимается попытка дать изложение основных фактов её биографии, показать Е. В. Антипову как продолжателя дела К. Д. Ушинского.

Детство и юные годы

Крупный учёный международного масштаба, специалист в области педагогической, социальной и коррекционной психологии Елена Владимировна Антипова родилась в городе Гродно Минской губернии 23 марта (4 апреля) 1892 г. В этом городе в 1890-е гг. был расквартирован 101-й пехотный Пермский полк Виленского военного округа, в котором служил офицером её отец Владимир Васильевич Антипов (1862–1927) [54, с. 363]. В. В. Антипов был уроженцем Лифляндской губернии, родом из купеческой семьи. Он окончил 2-е Константиновское военное училище в Санкт-Петербурге (1882) и Николаевскую академию генерального штаба (1898), где, кстати, среди его однокурсников был Антон Иванович Деникин (1872–1947), в будущем один из вождей российской «белой» армии. В 1907 г. полковник В. В. Антипов был назначен начальником Владимирского пехотного юнкерского училища в Санкт-Петербурге, и в этой должности он встретил начало Первой мировой войны. Он командовал 36-й пехотной дивизией, 19-м армейским корпусом. В 1916 г. Антипов был начальником штаба сначала 1-го, а потом 2-го Гвардейского корпуса, иными словами, он командовал элитными российскими войсковыми частями. 29 апреля 1917 г. В. В. Антипов был произведён в генерал-лейтенанты. Это была вершина его воинской карьеры.

Мать Е. В. Антиповой Софья Константиновна, урождённая Стоянова, родилась в семье капитана российской армии, погибшего в польской кампании 1863 г., болгарина по национальности. Эрудированная женщина, владевшая несколькими европейскими языками, она была знакома с военным делом и даже помогала мужу в подготовке письменных работ в годы его учебы в академии генштаба в Санкт-Петербурге. Она стала матерью трёх дочерей: Елены, Зинаиды (в замужестве Крейнин, р. 1895) и Татьяны (р. 1904).

В 1907 г. семья переехала в столицу, где Е. Антипова поступила знаменитую в те годы частную гимназию Л. С. Таганцевой [26, с. 146]. (Более подробно о гимназии Л. С. Таганцевой см. Приложение V.)

Самая известная из гимназических подруг Елены Антиповой – Лиза Пиленко (1891–1945), известная всему миру как поэтесса Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева, а также как Елизавета Скобцова.

В эмиграции во Франции она приняла монашеский постриг и стала именовать себя *Мать Мария*. Монахиня в миру и хозяйка приюта для обездоленных, в годы Второй мировой войны она была арестована как участница французского движения Сопротивления и за спасение еврейских детей была казнена в газовой камере концлагеря Равенсбрюк, а позднее канонизирована. Её имя, *Мать Мария*, стало нарицательным как символ сострадания и беззаветной любви к людям. Именно о ней в СССР в 1982 г. режиссёром Сергеем Николаевичем Колосовым (1921–2012) был снят художественный фильм, который так и называется – «Мать Мария». Главную роль в нем исполнила жена режиссёра, популярная актриса Людмила Ивановна Касаткина (1925–2012).

...В августе 1908 г. семья Антиповых отдыхала в Ялте. Её двоюродный брат Яков, не раз бывавший ранее со своим отцом в далёкой Бразилии, рассказывал восторженной Елене об этой латиноамериканской стране. Его рассказы так вдохновили романтическую натуру девушки, что она даже заявила родителям о намерении продолжить дело Петра Великого, прорубив окно из России, но не в Европу, а в Южную Америку.

Театры и концерты, музеи и библиотеки, занятия музыкой и языками с матерью, публичные лекции маститых профессоров заполняли свободное от гимназических занятий время девушки. Можно сказать, безоблачное детство. Но оно внезапно закончилось. Брак родителей, что называется, дал трещину. Софья Константиновна оставила мужа и вместе с Еленой, досрочно окончившей учёбу в гимназии, в мае 1909 г. переехала в Париж. Не исключено, что переезд в Париж был вызван также стремлением матери оградить дочь от революционного влияния. Вместе со своими подругами Елена стала членом гимназического кружка по изучению запрещённой марксистской литературы. Не останавливаясь на этом, девушки решили приносить практическую пользу, как они считали, для успеха дела революции, и пошли «в народ»: начали преподавать арифметику, географию и иностранные языки рабочим Путиловского завода. В архивах сохранились документы, в которых говорилось, что за квартирой Елены Антиповой велось негласное полицейское наблюдение [150].

Выбор жизненного пути

В Париже С. К. Антипова осталась навсегда, а вот её дочь с ранних лет проявляла тягу к самостоятельности и, что называется, охоту к перемене мест. Осенью 1910 г. Елена едет в Лондон, где в течение полугода служит домашним преподавателем французского языка в английской

семье. Затем она возвращается в Париж, где с октября 1911 г. в качестве вольнослушателя посещает занятия в Сорбонне, в Коллеж де Франс. Здесь она познакомилась с крупнейшими европейскими психологами и философами того времени: будущим Нобелевским лауреатом Анри Бергсоном (1859–1941); психологом и психопатологом Пьером Жане (1859–1947), выдвинувшим концепцию психологии как науки о поведении; Теодором Симоном (1873–1961) и Альфредом Бине (1857–1911), «отцами» всемирно известной шкалы измерения интеллекта («шкала Бине – Симона»).

В то время они как раз проводили исследования в области измерения умственных способностей ребёнка и занимались поиском метода адаптации обучения к детям с различным уровнем развития. В парижских школах они начали применять первые интеллектуальные тесты для детей. Но главной парижской встречей, ставшей поистине судьбоносной для Елены Антиповой, стало знакомство с всемирно известным профессором Эдуардом Клапаредом (1873–1940), ведущим специалистом по прикладной и педагогической психологии, основателем Института имени Жан-Жака Руссо в Женеве. В его лице она обрела учителя, коллегу и друга. Е. В. Антипова стала не только его ученицей, но и адептом выдвинутого Э. Клапаредом функционального подхода в экспериментальном исследовании развития детей. В сентябре 1912 г. Елена переезжает в Женеву и проходит обучение в возглавляемой Э. Клапаредом Школе педагогических наук. Она становится одной из самых успешных и любимых учениц этого по-настоящему крупного учёного и принимает участие в эксперименте по психологическому исследованию детей в местных школах.

Эта работа и одновременно учёба продолжались по 1916 г. В 1916 г. – по другим данным, весной 1917 г. – она узнаёт, что тяжело раненный генерал Антипов находится в госпитале где-то под Минском. Она прощается с благополучной Швейцарией и отправляется в Россию. Поиски отца заняли у неё почти год, и все-таки ей удалось его разыскать. Одна санитарка с риском для жизни прятала его у себя дома. Полтора месяца ухаживала Елена за отцом и смогла поставить его на ноги. Но только после того, как с помощью друзей его удалось тайно переправить в Крым, к родственникам, жившим в Евпатории, она смогла вздохнуть спокойно. В последующие годы генерал-лейтенанту русской императорской армии В. В. Антипову пришлось «переквалифицироваться» в сапожники и при этом стараться вести крайне незаметную жизнь, с тем чтобы не навлечь на себя внимание «органов». Ему посчастливилось умереть на родине, причём своей смертью.

Вернуться к научной работе в Швейцарии Елене Владимировне помешали Вторая мировая война, большевистская революция и последовавшая вслед за этим изоляция России, а также... замужество. Её мужем стал журналист и писатель Виктор Яковлевич Гликман (1882–1936). В Петрограде родился сын Даниил (1919–2005).

В 1918 г. Е. В. Антипова устроилась в Петрограде на работу в качестве психолога-обследователя в так называемый «Центральный карантинно-распределительный детский пункт», входивший в систему Народного комиссариата просвещения РСФСР. Здесь осуществлялся надзор над сиротами, беспризорниками и малообеспеченными детьми, которых после большевистской революции и в ходе Гражданской войны становилось всё больше. Среди воспитателей этого учреждения был, например, Александр Александрович Брянцев (1883–1961), впоследствии создавший Ленинградский театр юных зрителей, причём поначалу этот театр существовал именно в стенах упомянутого «пункта». Брянцев считается одним из основоположников отечественной театральной педагогики, наряду с Натальей Ильиничной Сац (1903–1993) [102, с. 382]. Среди малолетних подопечных Е. В. Антиповой был будущий многолетний директор Эрмитажа академик Борис Борисович Пиотровский (1908–1990).

Результаты своих исследований, схему и методику работы «пункта» Елена Антипова представила в докладе на конференции работников детских домов, прошедшей в Петрограде в 1923 г. Она поддерживала тесные научные контакты с одним из лидеров российской экспериментальной педагогической психологии и педологического движения Александром Петровичем Нечаевым (1870–1948).

Работа в Вятке

В 1919–1921 гг. Е. В. Антипова работала в Вятском детском коллере, занималась обследованием физического и интеллектуального развития детей. Причина, по которой Е. В. Антипова переехала в Вятку, достоверно неизвестна, но несложно предположить, что, по всей вероятности, переезд стал следствием жуткого голода, гнавшего из крупных городов в провинцию большие массы людей. Среди них было и немало представителей интеллигенции, которым было особенно сложно выжить в силу, как правило, отсутствия деревенских родственников. Кроме того, надо было где-то и работать. Достаточно сказать, что в 1917–1918 гг. во всей России работали только... четыре института, в том числе Вятский институт народного образования,

кстати, тогда ещё и не имевший статуса вуза [106, с. 49]. Так, в Вятке в начале 1920-х гг. среди преподавателей института народного образования (пединститута) оказались известные ученые, среди них профессора: филолог Н. М. Каринский [107, с. 154], историк А. А. Фортунатов, физик П. К. Мейер и др. [79, с. 702]

В Вятке Е. В. Антипова нашла работу в педологическом кабинете упомянутого коллектора. Кабинетом руководил врач Василий Алексеевич Трейтер (1875–1929). В 1917 г. он служил губернским комиссаром Временного правительства в Вятской губернии, т. е. некоторое время был фактически руководителем этого огромного региона, занимавшего в начале XX в. первое место в России по численности населения. Автором данной монографии в научных публикациях и местной краеведческой печати неоднократно поднимался вопрос о том, что В. А. Трейтер является возможным внебрачным потомком выдающегося немецкого просветителя, общественного деятеля и поэта Й. В. фон-Гёте. Тем не менее, несмотря на все наши исследовательские усилия, однозначно доказать эту «соблазнительную» версию нам не удалось. Впрочем, одновременно мы не считаем нужным и совсем отказываться от неё; есть факты, которые указывают в её пользу [75; 100].

Воспоминания профессоров Э. И. Моносзона [95, с. 104] и Н. П. Борисова [75, с. 118] о Трейтере были включены автором этой статьи в книгу «Педагоги и психологи Вятского края», вышедшую в Кирове в 1993 г. 10-тысячным тиражом [89]. Люди, близко знавшие В. А. Трейтера, характеризуют его как великодушного, благородного человека, прекрасного, гуманного врача и знающего преподавателя (в 1922–1929 гг. Трейтер работал в Вятском пединституте в качестве преподавателя) [105, с. 173]. До 1935 г. Е. В. Антипова переписывалась с сотрудницей педологического кабинета З. А. Лупповой. До конца своих дней Елена Владимировна вспоминала добрым словом В. А. Трейтера, хранила оттиск его публикации «Опыт педологической работы» (Харьков, 1925).

Возвращение в Петроград и отъезд из Советской России

В 1921 г. петроградские власти предложили Е. В. Антиповой возглавить так называемый «Реформаторий». Вообще, как известно, в первые советские годы имело место увлечение необычными названиями. Именно так была названа школа, в которой были собраны 153 малолетних преступника. Елена Владимировна покинула Вятку и незамедли-

тельно вернулась в Петроград. Следующие два года она посвятила работе в этом инновационном учебно-воспитательном учреждении. Это время было заполнено не только работой, но и неустанной борьбой за спасение мужа и сына: сына – от голода и болезней, а мужа – «контрреволюционера» – от преследований со стороны чекистов. В Петрограде Е. В. Антипова сотрудничала с психологической лабораторией Педагогического музея, которой руководил известный ученый, большой энтузиаст педагогической психологии Полина Осиповна Эфрусси (1876–1942).

В 1921 г. Е. В. Антипова провела самостоятельное широкомасштабное обследование группы дошкольников Петрограда на предмет «установления их умственного уровня» по методу Бине – Симона. В 1923 г. она принимала участие в работе 1-го психоневрологического съезда, который вошёл в историю отечественной психологии как площадка острой публичной дискуссии между профессором Георгием Ивановичем Челпановым (1862–1936) и его учениками Константином Николаевичем Корниловым (1879–1957) и Павлом Петровичем Блонским (1884–1941). Кроме того, в эти годы Елена Владимировна настойчиво осваивала богатейшее наследие отечественной педагогической мысли прошлого, и прежде всего труды К. Д. Ушинского. Спустя год она участвовала и во 2-м психоневрологическом съезде, на котором впервые публично с докладом выступил Лев Семёнович Выготский (1896–1934).

Тем не менее Е. В. Антипова остро ощущала свою явно недостаточную профессиональную востребованность: и как учёный, и как практикующий психолог. Кроме того, она, ученица Э. Клапареда, не могла не видеть того, что обожаемая ею психология в Советской России, в теории и на практике, с каждым годом всё больше теряет важнейшие качества любой науки: беспристрастность и объективность – и подпадает под влияние большевистского диктата. Волей-неволей ей пришлось обратить свой взор в сторону Запада. Если бы Е. В. Антипова осталась в России, то как минимум лишилась бы возможности работать, а как максимум – разделила бы участь коллег-педологов, профессионально уничтоженных и морально растоптанных известным постановлением ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. «О педологических извращениях в системе Наркомпросов». Ведь именно такие задачи, как «обследование в виде бессмысленных и вредных анкет», «исследование умственного развития и одарённости школьников» и т. п., которые легли в основу «приговора» педологии в Советском

Союзе, Елена Владимировна активно и осуществляла впоследствии вдали от родины.

Е. В. Антипова вела переписку с мужем, высланным ещё в 1922 г. из России на так называемом «философском пароходе»²³. В 1924 г. ей удалось, преодолев немалые сложности, выехать вместе с сыном в Германию, к мужу. Прежде чем навсегда покинуть Россию, Елена навестила в Симферополе отца, ранее генерала царской армии и профессора академии генерального штаба, ставшего в Советской России отличным сапожником; напоследок он изготовил внуку хромовые сапоги. О прошлом В. В. Антипова по-прежнему никто не догадывался, и это позволяло ему спокойно жить. Незадолго до отъезда из страны Елена опубликовала в Ленинграде две свои первые научные работы: «План и техника психологического обследования подростков» и «Умственный уровень детей дошкольного возраста».

Супруги воссоединились в эмиграции; казалось бы, все главные жизненные трудности уже позади, однако их дальнейшая семейная жизнь не сложилась. К тому же Елена никак не смогла привыкнуть, как она писала, к холодному Берлину. Несколько слов о писателе и журналисте Викторе Яковлевиче Гликмане (1882–1936), больше известном под псевдонимом *В. Ирецкий*. В 1928 г. в Берлине он выпустил фантастический роман «Наследники», в том же году переизданный в СССР как «переводной» и имевший заглавие «Завет предка». Его автором назван Я. Ириксон. По сюжету в этом романе, в частности, Гренландия отапливается с помощью тёплого атлантического течения Голфстрим, перегороженного плотиной из быстрорастущих кораллов. Гликман является прототипом главного героя романа современного российского писателя Д. Л. Быкова «Орфография». Гликман умер в эмиграции в Берлине. 3 января 1926 г. Елена возвратилась в Женеву, где продолжила совместную работу с Э. Клапаредом. Результаты этой работы были опубликованы в серии статей в психологических журналах Швейцарии.

²³ Определение «философский пароход» ввёл современный российский учёный Сергей Сергеевич Хоружий (1941–2020). Это собирательное название пассажирских судов, доставивших в 1922 г. из Петрограда в г. Штеттин (Германия) высланных под страхом смертной казни из РСФСР представителей оппозиционно настроенной интеллигенции: литераторов, художников, музыкантов, преподавателей вузов, учёных, философов и т. д. Среди них – философы Н. О. Лосский и Н. А. Бердяев, историк А. А. Кизеветтер, педагог М. Н. Стоюнина, экономист С. Н. Прокопович, юрист П. И. Новгородцев и другие, всего более ста человек.

Деятельность в Бразилии

В 1928 г. в институте появился представитель правительства бразильского штата Минас-Жерайс доктор Альберто Альвареш. Он предложил русской учёной, которая к тому времени уже приобрела известность в международных научных кругах, возглавить школу для будущих учителей, открывавшуюся в столице штата, – молодом городе Белу-Оризонти [47]. В 1929 г. Е. В. Антипова выехала в эту далёкую латиноамериканскую страну, где всю последующую жизнь она занималась организацией психологического образования, обустройством школ и приютов для детей, нуждавшихся в социальной и психологической коррекции. Помимо этого она выполняла «государственный заказ», заключающийся в выявлении интеллектуально одарённых детей. По окончании двухгодичного контракта она осталась в бразильском штате Минас-Жерайс и совместно со священником Алваро Неграмонте основала «Дом юного рабочего» и скаутскую организацию.

Природные и социально-культурные условия, в которых приходилось работать Е. В. Антиповой, были экстремально тяжёлыми для русского человека. Однако, несмотря на все трудности, она успешно трудилась. Как пишут её биографы, она сформировала бразильскую национальную модель психолого-педагогической поддержки детей с особенностями развития. Благодаря усилиям Е. В. Антиповой и её коллег тысячи бразильских учителей и врачей овладели современными профессиональными знаниями в области коррекционной педагогики и психологии, ознакомились с наследием российской педагогической мысли, в частности с трудами К. Д. Ушинского, а на место глубоко биомедицинской модели лечения людей «с умственной отсталостью» пришла гуманистическая парадигма обучающего развития и поддержки людей с особенностями развития [50, с. 235].

Наследница гуманистических идей Й. Г. Песталоцци о развивающем обучении и поддержке социально незащищённых слоёв населения, прежде всего детей, Елена Владимировна занималась не только интенсивной научно-исследовательской работой – она сумела добиться создания в 1940 г. в городке Ибирите, недалеко от административного центра штата Минас-Жерайс города Белу-Оризонти, первого в Латинской Америке интегративного образовательного комплекса под названием «Фазенда до Розарио» («Дом роз»), созданного для обучения детей с широким спектром особенностей развития, в котором и по настоящее время осуществляется психолого-педагогическая реабилитация и коррекция детей с нарушениями развития.

В 1932 г. Е. В. Антипова вошла в число организаторов «Общества Песталоцци», которое оказывало помощь детям, нуждающимся в социальной и психологической коррекции. «Общество Песталоцци» всемерно содействовало популяризации теоретического и методического наследия прогрессивных европейских, и прежде всего российских, педагогов, таких как К. Д. Ушинский и его соратники и единомышленники. Тем самым Е. В. Антипова внесла существенный вклад в социокультурные преобразования психолого-педагогического и образовательного пространства Бразилии.

Задачи отбора детей в бразильской системе образования по инициативе Е. В. Антиповой были заменены гуманистически ориентированными задачами их компенсаторного развития. Ей удалось разработать и внедрить систему психолого-педагогической поддержки одарённых детей и детей с особенностями развития [16].

«Дона Елена, сухая, аскетичная, похожая на колосок. Слабая женщина и сильная славянка, разрушительница всех стереотипов, – близорукая интеллектуалка с потрясающей прозорливостью, эта (вечно с головной болью!) бразильянка... из Санкт-Петербурга и конструктор детских душ, апостол женского рода, ниспосланный нам из российского Поднебесья. Она сама была лучшим примером того “созидательства”, которому учила и которое проповедовала самой жизнью своей», – такую характеристику дал Е. В. Антиповой близко знавший её известный бразильский писатель и журналист Отто Лара Резенде (1922–1992) [46, с. 38].

Е. В. Антипова стала основателем ряда образовательных учреждений самого различного уровня – от кафедр психологии в университетах штатов Минас-Жерайс и Рио-да-Жанейро до сети сельских учебных учреждений для детей с особыми потребностями. Личным примером и высокопрофессиональной работой она убедила власть, общество, церковь и благотворительные организации в возможности и необходимости создания благоприятных образовательных условий для роста и развития всех членов общества, в том числе слабых и имеющих отклонения в здоровье [48, с. 83].

Е. В. Антипова приехала для реализации конкретного профессионального проекта, но позднее значительно расширила его содержание, а главное, она наполнила всё то, что она делала, своей внутренней энергией служения обществу; стала подлинным Учителем для многих поколений бразильцев. Судьбы же тех советских учёных, которые трудились аналогичным образом и реализовывали свой науч-

ный и гражданский потенциал в психолого-педагогической теории и практике в СССР в 1930-е гг., печально известны, справедливо заметил современный исследователь А. М. Родин [111, с. 95].

Исследователь наследия Е. В. Антиповой Н. Ю. Масоликова отмечала, что Е. В. Антипова приобрела в Бразилии огромный авторитет и стала, по существу, основоположницей психологической науки в Латинской Америке [49, с. 237]. Заслуги Е. В. Антиповой были высоко оценены в Бразилии: она была удостоена звания почётного гражданина штата Минас-Жерайс, титула «Мать года», награждена бразильским орденом Южного Креста и медалью «За заслуги в области образования», которая была вручена лично президентом Бразилии. В её честь были названы образовательный Фонд (Foundation Helena Antipoff, FNA) и Центр психологических исследований и документации при Федеральном университете штата Минас-Жерайс, причём они действуют и поныне [54, с. 384].

Следует отметить, что, работая в Бразилии на протяжении почти полувека, Е. А. Антипова была во многом оторвана от активной научной жизни Европы и Северной Америки. Тем не менее она стремилась по возможности сотрудничать со своими европейскими коллегами. Были изданы пять выпусков её научных работ и материалов общественных инициатив на португальском языке; фактически это её собрание сочинений.

Е. В. Антипова скончалась 9 августа 1974 г. в г. Ибирите, там же и похоронена. Сын Даниил стал профессором психологии. Он продолжил дело матери, всю жизнь трудился в Бразилии, оставил о ней воспоминания, вышедшие в 1975 г. в Рио-де-Жанейро под названием «Её жизнь, её работа» (“Sua Vida, Sua Obra”) [167].

Научная деятельность и самоотверженная практическая работа Е. В. Антиповой получили достойную оценку как в самой Бразилии [168; 169; 171], так и далеко за её пределами, в том числе в самых авторитетных научных центрах [170]. Очерк о жизни и деятельности Е. В. Антиповой внесён в «Бразильский биографический психологический словарь» [172]. Различные стороны деятельности Е. В. Антиповой раскрыты в ряде публикаций последних лет [52]. Не забыта последовательница К. Д. Ушинского и на исторической родине, в России [51; 62]. Так, в июне 2012 г. в Москве, в Доме русского зарубежья имени А. И. Солженицына, состоялся международный научный colloquium «Наследие русского психолога Елены Антиповой в области науки, образования и прав человека в Латинской Америке, Европе и России».

На нём обсуждалось научное и гуманитарное наследие Е. В. Антиповой, «бразильского учёного русского происхождения» [53].

Теоретическое и практическое наследие Е. В. Антиповой многогранно и в современных условиях повышенного интереса к региональной проблематике в психологических и педагогических изысканиях заслуживает дальнейшего изучения со стороны российских исследователей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В монографии рассмотрены биографии и научно-теоретическое и методическое наследие ряда замечательных российских учёных-педагогов, которых с полным основанием можно считать предшественниками, соратниками и последователями К. Д. Ушинского. Актуальность монографии определяется не только её выходом в свет в год 200-летия со дня рождения великого русского педагога, но и тем, что в научный оборот введены новые имена (М. И. и В. И. Семевские, Я. С. Гогебашвили, И. Алтынсарин, В. В. Григорьев, Н. Н. Блинов, Е. В. Антипова и др.), которые отныне в определённой степени станут ассоциироваться в научном историко-педагогическом сообществе с именем Константина Дмитриевича Ушинского. При этом все эти замечательные люди и учёные-педагоги могут служить образцом для подражания всё новым и новым поколениям российских педагогов. Изучение их биографий и трудов может служить делу подготовки будущих педагогических кадров.

Таким образом, цель монографии, заключающаяся в создании научно-художественного, литературного произведения о предшественниках и последователях К. Д. Ушинского, достигнута. Раскрыта теоретическая и практическая значимость исследования. Задачи, которые решал автор в процессе написания монографии, выполнены. Характеристики героев монографии даны объективно, интерпретация научных фактов осуществлена непредвзято, с учётом исторических реалий и особенностей эпохи.

Автор в процессе работы над монографией неизменно использовал аксиологический подход, позволяющий выявить в характеризуемом явлении или персонаже всё самое ценное и прогрессивное. Особое внимание уделялось автором новизне своей работы. Её автор усматривает в приведении в монографии значительного количества малоизвестных биографических фактов и других данных, которые отныне стали достоянием историко-педагогической науки, а также в полностью реализованном на страницах книги индивидуальном авторском подходе, который можно охарактеризовать как биографический. Именно новые биографические факты положены в основу содержания монографии и составляют её главную ценность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Александровская учительская школа. URL: <http://museum.novsu.ac.ru/body.php?char=events&sub=14> (дата обращения: 12.11.2022).
2. А. Н. Рецензия на книгу И. Сильченко «Родная азбука» (Одесса, 1893) // Русская школа. 1894. № 5–6. С. 290.
3. Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. / под ред. М. И. Кондакова [и др.]. М. : Педагогика. 1987. 560 с.
4. Багaley Д. И. Опыт истории Харьковского университета : в 2 т. Т. 1. Харьков, 1894. 420 с.
5. Бенуа А. Н. Мои воспоминания : в 3 т. Т. 1. М. : Наука, 1990. 749 с. с. 155
6. Бердинских В. А. Вятский сундук: занимательное краеведение. Киров, 1997. 160 с.
7. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Санкт-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869–1894. Т. 1. СПб. : Тип. и лит. Б. М. Вольфа. 1896. 520 с.
8. Блинов Н. Н. Замечания для учителей о классных занятиях по книге «Ученье – свет» Н. Блинова». М., 1873. 67 с.
9. Блинов Н. Н. О способах обучения предметам учебного курса. СПб., 1875. 84 с.
10. Блинов Н. Н. Страдания великого учителя, Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа (для семейного чтения) // Уральский следопыт. 1991. № 8. С. 15–19.
11. Блюм А. В. Ф. Ф. Павленков в Вятке. Киров, 1976. 80 с.
12. Богданович А. И. «Учёные» открытия Н. Н. Блинова в вопросе о вотяках и их культуре // Мир Божий. 1898. № 12. С. 12–22.
13. Бунаков Н. Ф. Блинов Николай Николаевич // Критико-биографический словарь русских писателей и ученых / сост. С. А. Венгеров. Т. 3. СПб., 1892. С. 381–389.
14. Бунаков Н. Ф. Как я стал и как перестал быть «учителем учителей» // Избр. пед. соч. М., 1953. С. 328–395.
15. Бунаков Н. Ф. Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837–1905. СПб., 1909. 364 с.
16. Веретина О. Р. Психолог Елена Антипова: жизненный путь профессионала // VI заочная международная научно-практическая Интернет-конференция «Личность профессионала: развитие, образование, здоровье». Омск, госуниверситет им. Ф. М. Достоевского.

2015. URL: <https://www.sites.google.com/site/licnostprofessionalala/home> (дата обращения: 20.07.2022).

17. *Владимир Ленин*. Выбор пути. Биография. URL: <http://leninism.su/books/3571-vladimir-lenin-vybor-puti-biografiya.html> (дата обращения: 20.07.2022).

18. *Водовозова Е. Н.* На заре жизни и другие воспоминания. М. : Худож. лит., 1987. 420 с.

19. *Гаврилов С. В.* Научное наследие В. И. Семевского в советской историографии // Новый исторический вестник. 2008. № 1. С. 28–36.

20. *Гаричева Елена*. Александровская земская учительская школа. URL: <http://uspeniekolmovo.cerkov.ru/2015/12/24/aleksandrovskaya-zemskaya-uchitelskaya-shkola/> (дата обращения: 12.11.2022).

21. *Горбунов Ю. А.* Дань своему времени // Урал. 1981. № 2. С. 175–184.

22. *Горбунов Ю. А.* Страдания великого учителя // Уральский следопыт. 1991. № 7. С. 2–5.

23. *Григорова Татьяна*. Время. События. Люди. Воспоминания. URL: http://www.grigorov.ru/memory/vrema_sobytia_ludi.html.

24. *Гугель Е. О.* Детский сад. Дебют в России. Книга о том, кем, каким образом и на каких основах было создано российское дошкольное образование. СПб., 2011. 64 с.

25. *Гугель Е. О.* Детский сад до детского сада. СПб. : Агентство образовательного сотрудничества, 2003. 64 с.

26. *Дерюгина Е. Г.* Становление педагогической позиции директоров дореволюционных частных школ Санкт-Петербурга конца XIX – начала XX века // Историко-педагогический журнал. 2015. № 2. С. 143–155.

27. *Достоевский Ф. М.* Колония малолетних преступников. Мрачные особи людей. Переделка порочных душ в непорочные. Средства к тому, признанные наилучшими. Маленькие и дерзкие друзья человечества // Собрание сочинений : в 15 т. Л. ; СПб. : Наука, 1988–1996. Т. 13. Дневник писателя. 1876. Январь. С. 19–43.

28. *Егоров А. Д.* История лицеев в России от основания до закрытия (даты, события, факты). Иваново : ИИСИ, 1992. 152 с.

29. *Егоров С. Ф.* Из летописи жизни и деятельности К. Д. Ушинского // К. Д. Ушинский. Педагогические сочинения : в 6 т. Т. 1 / ред. кол. М. И. Кондаков (гл. ред.). М. : Педагогика, 1988. С. 387–402.

30. *Егоров С. Ф.* От составителя // Ушинский К. Д. Педагогические сочинения : в 6 т. Т. 4 / ред. кол. М. И. Кондаков (гл. ред.). М. : Педагогика, 1989. С. 5–6.

31. *Еленевская Елена*. Воспоминания. URL: http://www.sweden4rus.nu/lib/o_shvecii/text/irina_elenevskaia/vospominanija_chast_i.
32. *И-в Е.* Тимковский Илья Фёдорович // Юридический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905) / под ред. проф. М. П. Чубинского и проф. Д. И. Багалея. Харьков, 1908. 390 с.
33. *Изергина Н. П.* Литературная жизнь Вятки. Киров, 1990. 206 с.
34. *Кислов Владислав*. Страничка гатчинского краеведа. URL: <http://kraeved-gatchina.de>
35. *Константинов Н. А., Струминский В. Я.* Очерки по истории начального образования в России. М. : Учпедгиз, 1953. 272 с.
36. *Кох О. Б.* Герой своего времени (штрихи к портрету М. И. Севежского) // Страницы исторического краеведения. Псков. 2001. № 14. С. 46–60.
37. *Лебедев С. В.* Лев Николаевич Модзалевский (1837–1896). К 175-летию со дня рождения // Историко-педагогический журнал. 2012. № 1. С. 12–16.
38. *Ледовская Е. М.* Петрашень И. В. и его семья: страницы прошлого. СПб. : Музей-институт семьи Рерихов, 2011. 203 с.
39. *Люгемиль К. Я.* Начала и главные вопросы греческой этимологии. СПб., 1882. 220 с.
40. *Люгемиль К. Я.* О формах родительного падежа единственного числа так называемого 2-го греческого склонения // Журнал министерства народного просвещения. 1880, август.
41. *Люгемиль К. Я.* Первая греческая книга для чтения. СПб., 1885. 120 с.
42. *Люгемиль К. Я.* Nomerica // Журнал министерства народного просвещения. 1886, июнь.
43. *Люгемиль К. Я.* Различные жизнеописания Корнелия Непота, с прибавлением латинско-русского словаря. СПб., 1889. 410 с.
44. *Максимович М. А.* Воспоминание о Тимковских // Киевская старина. Т. 63. 1898. № 11. С. 260–272.
45. *Мартыненко Н. К.* Цели, задачи и структура российского общества защиты женщин в начале XX в. // Вестник ТюмГУ. 2008. Вып. 4 (60). С. 35–44.
46. *Мартынов Б. Ф.* Великий педагог Бразилии // Родина. 2013. № 10. С. 35–38.
47. *Мартынов Б. Ф.* Елена Антипова – великий педагог Бразилии // Латинская Америка. 2012. № 10. С. 81–84.

48. *Мартынов Б. Ф.* Русские в Бразилии // Латинская Америка. 1995. № 11. С. 78–84.

49. *Масоликова Н. Ю.* «Бразильянка из Санкт-Петербурга»: психолог Елена Антипова (1892–1974) и её вятские годы // Вятская земля в прошлом и настоящем (к 100-летию Вятского государственного гуманитарного университета) : сб. материалов VII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием : в 2 т. Т. 1 / редкол. : В. Т. Юнгблюд [и др.]. Киров, 20–21 ноября 2013 г. Киров : ВятГГУ, 2014. С. 236–244.

50. *Масоликова Н. Ю.* Метрополия и диаспора в жизни психолога Елены Антиповой (1892–1974): русские корни бразильской судьбы // Метрополия и диаспора: две ветви русской культуры : V Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 29–31 марта 2013 г.) : сб. докл. / сост. И. Ю. Белякова. М. : Дом-музей Марины Цветаевой. 2015. С. 229–242.

51. *Масоликова Н. Ю.* Новые страницы в истории российского психологического зарубежья «первой волны»: бразильский след // материалы юбилейной конф. «125 лет со дня основания Московского психологического общества» : в 2 т. Т. 1. М., 2011. С. 153–155.

52. *Масоликова Н. Ю.* Русские годы психолога Елены Антиповой (1892–1974) // Образование для всех и учёные-эмигранты: наследие русско-бразильского психолога Елены Антиповой (1892–1974) в области науки, образования и прав человека в Латинской Америке, Европе и России / сост. Н. Ю. Масоликова, М. Ю. Сорокина. М. : Дом русского зарубежья имени А. И. Солженицына, 2014. С. 25–45.

53. *Масоликова Н. Ю., Сорокина М. Ю.* Международный научный коллоквиум «Образование для всех и учёные-эмигранты: наследие русско-бразильского психолога Елены Антиповой (1892–1974) в области науки, образования и прав человека в Латинской Америке, Европе и России» // Ежегодник Дома русского зарубежья имени А. И. Солженицына. М., 2013. С. 634–640

54. *Масоликова Н. Ю., Сорокина М. Ю.* «Энергичные, знающие интеллигенты – для них Бразилия и создана»: из эпистолярного наследия психолога Елены Антиповой // Ежегодник Дома русского зарубежья имени А. И. Солженицына. М., 2010. С. 363–384.

55. *Михайлова М. В.* Модзалевский Лев Николаевич // Российская педагогическая энциклопедия : в 2 т. Т. 1. М. : Большая российская энциклопедия, 1993. С. 581.

56. *Модзалевский Л. Н.* Амос Коменский, основатель новой педагогики (по поводу 300-летия со дня его рождения). СПб. : Тип. Н. Г. Мартынова, 1892. 162 с.

57. *Модзалевский Л. Н.* Быт студентов в Германии. СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1865. 62 с.
58. *Модзалевский Л. Н.* Историческое значение христианства для воспитания. СПб. : Тип. Н. Г. Мартынова, 1892. 120 с.
59. *Модзалевский Л. Н.* О народности воспитания по Ушинскому // Памяти К. Д. Ушинского. СПб., 1896. С. 153–165.
60. *Модзалевский Л. Н.* Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен : в 2 ч. Ч. 2. СПб. : Алетейя, 2000. 489 с.
61. *Модзалевский Л. Н.* «Тарас Бульба» : либретто оперы. СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1880. 52 с.
62. Незабываемые могилы. Российское зарубежье : некрологи 1917–1997 : в 6 т. Т. 1 / сост. В. Н. Чуваков. М., 1999. 470 с.
63. *Никитин О. В.* Илья Фёдорович Тимковский и его «Опытный способ к философическому познанию русского языка». URL: <http://www.portal-slovo.ru>.
64. Официальная часть // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1846. Ч. 52. С. 10–11.
65. *Павленков Ф. Ф.* Объяснение к «Наглядной азбуке» (ключ к чтению и письму по картинкам). СПб., 1887. 36 с.
66. *Панаженко И.* Историческая записка о Новгород-Северской гимназии. Киев : Тип. С. В. Кульженко, 1889. 76 с.
67. *Песковский М. Л.* Вятский край // Живописная Россия: отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 8. Среднее Поволжье и Приуральский край. Ч. 2. Приуральский край / под ред. П. П. Семёнова-Тян-Шанского. СПб. : Т-во М. О. Вольф, 1901. С. 68–99.
68. *Песковский М. Л.* Играйте и читайте! Книга для малых деток. СПб. : Тип. М. М. Ледерле, 1896. 34 с.
69. *Песковский М. Л.* Обязательный минимум образования. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1895. 98 с.
70. *Песковский М. Л.* Прочитаешь – жизнь узнаешь. Книга для детей младшего возраста (около 12 лет). СПб. : Тип. М. М. Ледерле, 1896. 93 с.
71. *Песковский М. Л.* // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб. : Гранат, 1890–1907.
72. *Петров В. А.* Земская начальная школа в Вятской губернии : дис. ... канд. пед. наук. М., 1954. 520 с.
73. *Помелов В. Б.* В. И. Водовозов: «Польза общественная всегда будет моим девизом» // Педагогика. 2019. № 6. С. 97–105.

74. Помелов В. Б. Видный российский организатор образования И. Ф. Тимковский (к 250-летию со дня рождения) // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 7. № 4. С. 384–389.

75. Помелов В. Б. Воспоминания педагога Н. П. Борисова о 1920–1930-х годах // Герценка: Вятские записки [науч.-попул. альманах] : выпуск 22 / ред. кол. : Н. П. Гурьянова (сост.) [и др.]. Киров : Герценка, 2012.

76. Помелов В. Б. Выдающийся учёный-ориенталист и педагог В. В. Радлов и его просветительско-педагогическая деятельность в Вятской губернии (к 175-летию со дня рождения) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Педагогика и психология. 2012. № 1 (3). С. 136–142.

77. Помелов В. Б. Вятская земская учительская семинария // Земские учреждения: организация, деятельность, персоналии : материалы науч.-практ. конф. / научн. ред. М. С. Судовиков. Киров : Герценка, 2007. С. 106–112.

78. Помелов В. Б. «Вятские эпизоды» в жизни великого русского педагога К. Д. Ушинского // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2022. № 4 (56). С. 131–136.

79. Помелов В. Б. Вятский профессор П. К. Мейер // Общество. Наука. Инновации (НПК-2018) : сб. ст. XVIII Всерос. ежегод. науч.-практ. конф. 2–28 апреля 2018 г. Киров : ВятГУ, 2018. С. 702–709.

80. Помелов В. Б. «Вятский след» в жизни великого русского педагога К. Д. Ушинского // Книжная культура российской провинции : материалы Всерос. науч. конф. / ред. кол. : Н. В. Стрельникова [и др.]. Киров, 2022. С. 292–299.

81. Помелов В. Б. Вятское губернское земское училище «для распространения сельскохозяйственных и технических знаний и подготовки учителей» // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Педагогика и психология. 2012. № 3 (3). С. 128–135.

82. Помелов В. Б. Д. Д. Семёнов – друг и последователь К. Д. Ушинского // Педагогика. 2019. № 8. С. 113–119.

83. Помелов В. Б. Директор Новгород-Северской гимназии Илья Фёдорович Тимковский (к 250-летию со дня рождения) // Педагогика. 2022. № 9 (86). С. 109–118.

84. Помелов В. Б. Дорогое и любимое имя – К. Д. Ушинский // Начальная школа. 2014. № 3. С. 4–11.

85. Помелов В. Б. Илья Фёдорович Тимковский – первый наставник К. Д. Ушинского // Историко-педагогический журнал. 2022. № 4. С. 11–31.

86. Помелов В. Б. М. Л. Песковский – самоотверженный педагог и талантливый журналист // Вопросы педагогики. 2018. № 2. С. 68–74.
87. Помелов В. Б. Н. А. Корф – создатель земской школы // Педагогика. 2013. № 10. С. 91–99.
88. Помелов В. Б. П. Г. Редкин – основоположник русской теоретической педагогики // Вестник Вятского государственного университета. 2020. № 3. С. 170–179.
89. Помелов В. Б. Педагоги и психологи Вятского края : монография. Киров : Информцентр, 1993. 84 с.
90. Помелов В. Б. Первый вятский автор учебников И. Ф. Яковкин // Петряевские Чтения'98. Киров, 1998. С. 66–67.
91. Помелов В. Б. Основоположник дошкольного воспитания // Педагогика. 2012. № 9. С. 93–100.
92. Помелов В. Б. Основоположник российской педагогической публицистики: к 180-летию Н. Х. Весселя // Педагогика. 2014. № 7. С. 92–99.
93. Помелов В. Б. Первая женщина-методист начального образования // Начальная школа. 2016. № 6. С. 71–76.
94. Помелов В. Б. Просветительско-педагогическая деятельность В. В. Радлова // Педагогика. 2013. № 6. С. 112–118.
95. Помелов В. Б. Путь в педагогику начинался на Вятке (о Э. И. Монозоне) // Герценка: Вятские записки [науч.-попул. альманах] : выпуск 14 / ред. кол. : Н. П. Гурьянова (отв. ред.) [и др.]. Киров : Герценка, 2009. С. 100–112.
96. Помелов В. Б. Российская педагогика в лицах : монография. Саарбрюккен (Германия) : LAP Lambert Academic Publishing, 2013. 612 с.
97. Помелов В. Б. Российская прогрессивная педагогика второй половины XIX в. : монография. Киров : ВятГУ, 2020. 260 с.
98. Помелов В. Б. Российские педагоги второй половины XIX – начала XX в. : учеб. пособие для студентов педвузов. Киров : ВГПУ, 2000. 220 с.
99. Помелов В. Б. «Светить всем, жаждущим света» (к 180-летию видного российского педагога Н. Ф. Бунакова). // Вопросы педагогики. 2017. № 8. С. 49–58.
100. Помелов В. Б. Семья Трейтеров в Вятке // Немцы в России : сб. материалов II Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Киров. 28 апреля 2012 г. / редкол. : В. Т. Юнгблюд [и др.]. Киров : ВятГГУ, 2012. С. 92–102.

101. Помелов В. Б. Смольный институт благородных девиц. К 250-летию со времени основания // Начальная школа. 2015. № 2. С. 84–89.
102. Помелов В. Б. 100 великих педагогов. М. : Вече, 2018. 416 с.
103. Помелов В. Б. 120-летие мултанского дела: как это было / А. А. Спицын и историческое прошлое России : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Киров, 12 сентября 2016 г.) / сост., науч. ред. М. С. Судовиков ; ред. колл. : С. Н. Будашкина [и др.]. Киров : Герценка, 2016. С. 80–91.
104. Помелов В. Б. Страницы истории педагогического образования Вятского края (до 1914 г.) // Вятский государственный гуманитарный университет. 1914–2004 / отв. ред. М. С. Судовиков. Киров : ВятГГУ, 2004. С. 9–29.
105. Помелов В. Б. Трейтер Василий Алексеевич // Преподаватели ВятГГУ / сост. В. Б. Помелов. Киров : ВятГГУ, 2004. 208 с.
106. Помелов В. Б. У истоков высшего образования на Вятке : монография. Киров : ВятГУ, 2019.
107. Помелов В. Б. Филолог Н. М. Каринский и Вятский край // Вятская земля в пространстве исторической памяти (к 115-летию открытия Вятской учёной архивной комиссии) : материалы Всерос. науч.-практ. конф. 12. 11. 2019 г. / ред. колл. : М. С. Судовиков (сост., науч. ред.) [и др.]. Киров : Герценка, 2019. С. 154–158.
108. Помелов В. Б. Фридрих Фрёбель и его вклад в педагогику: к 230-летию со дня рождения педагога и к 175-летию открытия им первого в истории детского сада // Вестник ВятГГУ. Педагогика и психология. 2011. № 4 (3). С. 111–123.
109. Помелов В. Б. Ф. Ф. Павленков и развитие просвещения на Вятской земле // Вестник Марийского государственного университета. 2018. № 2. Т. 4. С. 44–51.
110. Помелова Е. В. Ссылный профессор К. В. Шапалинский (из Вятского окружения А. И. Герцена) // УШ Герценовские чтения : материалы науч. конф. / под ред. В. А. Коршункова. Киров, 2002. С. 92–95.
111. Родин А. М. Из истории запрета педологии в СССР // Педагогика. 1998. № 4. С. 94–95.
112. Русаков А. С. Детский сад. Дебют в России // Современник, Т. CV. 1864, ноябрь-декабрь // Новикова Е. Я., Валиев М. Т., Лейнонен И. Л. Биографическая страничка Софии Андреевны Люгебиль. URL: http://kmau.ru/sample_pers.phtml?n=2391 (дата обращения: 01.10.2022).

113. *Самчевский И.* Из летописи жизни и деятельности К. Д. Ушинского // К. Д. Ушинский. Педагогические сочинения : в 6 т. Т. 1 / гл. ред. М. И. Кондаков. М. : Педагогика, 1988. С. 387–402.
114. *Семевский В. И.* В. И. Водовозов : биогр. очерк. СПб. : Тип. Ф. С. Сущинского, 1888. 170 с
115. *Семевский В. И.* Кирилло-Мефодиевское общество. 1846–1847 гг. М., 1918. 128 с.
116. *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. 1–2. СПб., 1881. 190 с.
117. *Семевский В. И.* М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы. М., 1922. 380 с.
118. Семевский В. И. На сибирских золотых промыслах. СПб., 1896. 260 с.
119. *Семевский В. И.* Несколько слов о В. Н. Каразине. СПб., 1893. 38 с.
120. *Семевский В. И.* Общественные движения в России в первую половину XIX века. Т. 1. Декабристы. СПб. : Книгоиздательство М. В. Пирожкова, 1905. 290 с.
121. *Семевский В. И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. 360 с.
122. *Семевский В. И.* Рабочие на сибирских золотых промыслах. Т. 1–2. СПб., 1898. 270 с.
123. *Семевский М. И.* Аполлон Николаевич Майков: к полувековому юбилею его литературно-поэтической деятельности. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1888. 12 с.
124. *Семевский М. И.* М. И. Семевский о Великих Луках и Псковской губернии. Великие Луки : Великолуцкая типография, 2014. 298 с.
125. *Семевский М. И.* Грамотность в деревнях временно-обязанных крестьян Псковской губернии в 1863 году. СПб. : Тип. И. Огризко, 1864. 93 с.
126. *Семевский М. И.* Знакомые; Воспоминания; Стихотворения; Эпиграммы; Шутки; Подписи : альбом М. И. Семевского, изд.-ред. ист. журн. «Русская старина» : книга автобиогр. собственноруч. заметок 850 лиц : 1867–1888. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1888. 416 с.
127. *Семевский М. И.* Историко-этнографические заметки о Великих Луках и Великолуцком уезде. СПб. : Тип. гл. штаба по воен.-учеб. заведениям, 1857. 213 с.
128. *Семевский М. И.* Исторические и юридические акты XVII и XVIII столетий, собранные Мих. Семевским. М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1870. 88 с.

129. *Семевский М. И.* Константин Николаевич Батюшков. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1887. 58 с.
130. *Семевский М. И.* Кормилица царевича Алексея. 1719 г. СПб. : Тип. К. Вульфа, 1861. 30 с.
131. *Семевский М. И.* Наталья Фёдоровна Лопухина. 1699–1763: эпизод из её жизни. М. : Тип. Каткова и К^о, 1860. 52 с.
132. *Семевский М. И.* Общественное образование в Царстве Польском. 1815–1864. СПб. : Тип. А. А. Краевского, 1864. 61 с.
133. *Семевский М. И.* Описи орденов, разных вещей и драгоценностей Императора Павла I. М. : Университетская тип. (Катков и К^о), 1867. 31 с.
134. *Семевский М. И.* Павловск. Очерк его истории. СПб. : Тип. 2 Отделения Собств. Её Императорского Величества. Канцелярии, 1877. 592 с.
135. *Семевский М. И.* Павловск. Очерк истории и описание. СПб. : Коло. 2011. 528 с.
136. *Семевский М. И.* Пётр Алексеевич Зубов. 1819–1880. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1880. 80 с.
137. Семевский М. И. Полковые историографы // Русский вестник. 1860. С. 258–283.
138. *Семевский М. И.* Прогулка в Тригорское. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2020. 95 с.
139. *Семевский М. И.* Прогулка в Тригорское, Псков; Сельцо Михайловское. М. : Робин, 1999. 151 с.
140. *Семевский М. И.* Противники Фридриха Великого: Апраксин и Бестужев-Рюмин : очерк из русско-прусской войны 1756–1762 гг. СПб., 1862. 62 с.
141. *Семевский М. И.* Пётр Алексеевич Зубов. 1819–1880. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1880. 80 с.
142. *Семевский М. И.* Семейство Монсов. 1688–1724 : Очерк из русской истории. СПб. : Тип. Э. Праца, 1862. 204 с.
143. *Семевский М. И.* Слово и дело! 1700–1725. СПб., 1884. 351 с.
144. *Семевский М. И.* Торопец – уездный город Псковской губернии. 1016–1864. СПб. : Тип. В. Безобразова и К^о, 1864. 140 с.
145. *Семевский М. И.* Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллем Монс. 1692–1724. СПб., 1884. 84 с.
146. *Семевский М. И.* Царица Прасковья. 1664–1723. СПб., 1861. 151 с.
147. Семья Ульяновых / сост. Н. С. Гудкова. М. : Политиздат, 1985. 360 с.

148. Семёнов Д. Д. По поводу смерти Л. Н. Модзалевского // Вестник воспитания. 1897. № 2. С. 172–188.
149. Словарь русских писателей XVIII века. СПб. : Институт русской литературы (Пушкинский Дом). 2010. Вып. 3. 430 с.
150. Сметанина С. Елена Антипова – русская женщина, ставшая национальным достоянием Бразилии. URL: <https://russkiymir.ru/publications/280220/> (дата обращения: 18.07.2022).
151. Тимковский И. Ф. Записки Ильи Фёдоровича Тимковского. Моё определение в службу. Сказание в трёх частях // Русский архив, издаваемый Петром Бартеневым. Тетрадь пятая. СПб., 1874. 160 с.
152. Тимковский И. Ф. Памятник Ивану Ивановичу Шувалову, основателю и первому куратору Императорского Московского университета // Москвитянин. Ч. III. М., 1851. № 9. С. 40–52.
153. Ушинский К. Д. Воспоминания об обучении в Новгород-Северской гимназии // К. Д. Ушинский. Педагогические сочинения : в 6 т. / гл. ред. М. И. Кондаков. Т. 1. М. : Педагогика, 1988. С. 309–316.
154. Ушинский К. Д. О первоначальном преподавании русского языка // К. Д. Ушинский. Педагогические сочинения : в 6 т. / гл. ред. М. И. Кондаков. Т. 4. М. : Педагогика, 1988. М. 1989. С. 8–22.
155. Ушинский К. Д. Предисловие (к книге «Детский мир») // К. Д. Ушинский. Педагогические сочинения : в 6 т. / гл. ред. М. И. Кондаков. Т. 3. М. : Педагогика, 1989. С. 8–20.
156. Ушинский К. Д. Представление в совет воспитательного общества: Об издании книги для чтения // К. Д. Ушинский. Педагогические сочинения : в 6 т. / гл. ред. М. И. Кондаков. Т. 3. М. : Педагогика, 1989. С. 6–7.
157. Ушинский К. Д. Родное слово. Книга для учащихся // К. Д. Ушинский. Педагогические сочинения : в 6 т. / гл. ред. М. И. Кондаков. Т. 4. М. : Педагогика, 1989. С. 24–88.
158. Ушинский К. Д. Цветы московской педагогики на петербургской почве // К. Д. Ушинский. Педагогические сочинения : в 6 т. / гл. ред. М. И. Кондаков. Т. 3. М. : Педагогика, 1989. С. 474–496.
159. Фролов Э. Д. Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб., 2006. 556 с.
160. Фрëбелевские общества // Российская педагогическая энциклопедия : в 2 т. Т. 2 / редкол.: В. В. Давыдов (гл. ред.). М. : Большая российская энциклопедия, 1999. 672 с.
161. Чалый М. К. Воспоминания // Киевская старина. 1889. № 5–6. С. 326–328.

162. *Чехов Н. В.* Народное образование в России с 60-х гг. XIX в. М., 1912. 224 с.
163. *Штейн М. Г.* Дворянские роды Ульяновых и Лениных в истории России : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2007. 426 с.
164. *Штейн М. Г.* Ульяновы и Ленины. Семейные тайны. СПб. : ИД Нева, 2004. 511 с.
165. *Штейн М. Г.* Ульяновы и Ленины. Тайны родословной и псевдонима. СПб. : Вирд, 1977. 277 с.
166. *Шугуров Н. В.* Илья Фёдорович Тимковский, педагог прошлого времени // Киевская старина. 1891. № 8. С. 205–240.
167. *Antipoff D.* Helena Antipoff: Sua Vida, Sua Obra. Rio de Janeiro, 1975. 280 p.
168. *Campos R. H. F.* Helena Antipoff. Recife, 2010. 152 p.
169. *Campos R. H. F.* Helena Antipoff (1892–1974) : A Synthesis of Swiss and Soviet Psychology in the Context of Brazilian Education // History of Psychology. 2001. Vol. 4 (2). May. Pp. 133–158.
170. *Campos R. H. F.* Helena Antipoff: A Quest for Democracy and Human Rights with the Help of Psychological Science // Pickren W., Dewsbury D., Wertheimer M. (Eds.). Portraits of Pioneers in Developmental Psychology. N. Y. : Psychology Press, 2012. Pp. 51–66.
171. *Campos R. H. F.* Helena Antipoff: psicóloga e educadora – uma biografia intelectual. Rio da Janeiro, 2012. 320 p.
172. Dicionário Biográfico da Psicologia no Brasil. Pioneiros. Rio de Janeiro, 2001. Pp. 53–58.
173. *Pomelov V. B.* Timkovsky: the first mentor of Ushinsky // Перспективы науки и образования [Perspektivy nauki i obrazovania – Perspectives of Science and Education]. 2022. № 60 (6). Pp. 506–518.
174. ЦГИА РФ. 1874. Ф. 734. Оп. 36. Д. 26. Л. 490–492.
175. URL: <https://natalya-telezhinskaya.ru/2020/07/27/ибрай-алтынсарин-человек-учитель-про/> Ибрай Алтынсарин: человек, учитель, просветитель (1841–1889).
176. URL: <https://www.nur.kz/family/school/1631262-ibraj-altynsarin-biografia-literatora/>.
177. URL: <https://biographe.ru/uchenie/ibraj-altynsarin/ИбрайАлтынсарин/>.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I. Гатчинский сиротский институт

История Гатчинского сиротского института весьма интересна и примечательна, а потому заслуживает специального рассказа. Начало институту положила вдовствующая императрица Мария Фёдоровна, урожденная принцесса София Доротея Августа Луиза Вюртембергская (1759–1828). Вдова императора Павла I была квалифицированным скульптором и замечательным художником; ее работы – ни много ни мало – украшают Павловский дворец. Но все-таки её истинным призванием следует признать занятие благотворительностью. Будучи матерью десяти собственных (!) детей, получивших, естественно, надлежащее воспитание и образование, и обладая уже в силу этого немалым личным педагогическим опытом, она решила распространить свой опыт и на других детей, в том числе на самых обездоленных, – сирот.

В итоге несколько учебных заведений благотворительной направленности были обязаны именно ей своим возникновением. Благотворительная деятельность в деле просвещения девочек-сирот и подготовки их к взрослой жизни стало в дальнейшем своего рода обязанностью русских императриц, а начало этому благородному делу было положено именно Марией Фёдоровной. Причём она занималась этим, как нам представляется, по велению души. Её личные доходы составляли один миллион рублей в год. Из них она тратила на себя всего примерно семнадцать тысяч, а всё остальное распределяла между основанными ею воспитательными домами для подкидышей, школами для слепых и глухонемых детей, сиротским домом, госпиталем и богадельней для ветеранов войн.

12 ноября 1796 г. император Павел I своим указом передал Воспитательное общество благородных девиц, больше известное как Смольный институт, под эгиду своей супруги. 2 мая 1797 г. Мария Фёдоровна приняла в своё ведение также Московский и Санкт-Петербургский воспитательные дома. Именно с этого дня фактически ведёт своё начало ведомство учреждений императрицы Марии, но такое название оно официально получило много позднее, в 1854 г. Его эмблемой является пеликан, кормящий птенцов своей кровью. В геральдике пеликан является символом самоотверженной родительской любви.

В 1803 г. Мария Фёдоровна основала в окрестностях российской столицы, в Гатчине, Сельский воспитательный дом, ставший отделением Санкт-Петербургского воспитательного дома. Учреждение было рассчитано на содержание в нем 600 детей обоего пола, которые принимались сюда с семилетнего возраста.

В течение трёх-четырёх лет воспитанники получали образование в объеме начальной школы и ремесленные навыки, после чего девочек направляли гувернантками в богатые семейства, а мальчиков уже в десять лет приписывали к Александровской мануфактуре или размещали по вольным мастерам-ремесленникам и крепким крестьянским семьям. Поскольку мальчикам вплоть до совершеннолетия полагалось денежное пособие, крестьяне охотно принимали в дом состоятельного сироту. Спустя несколько лет юноша стремился найти невесту именно из сиротского дома; такой семье полагалась изба и пособие «на обзаведение».

Способных к продолжению образования детей переводили в Санкт-Петербургский воспитательный дом для дальнейшей учебы. Они получали профессию прямо в стенах сиротского дома. Здесь работали сапожная, столярная и портновская мастерские. К пятнадцати годам обучение ремеслу считалось законченным, и выпускник, получив выпускное пособие, устраивался мастером на фабрику либо открывал свою небольшую мастерскую.

Основным предметом в школе был труд, а также русская словесность, арифметика и рисование. Очень немногие ученики, показавшие особые способности, могли учиться до шестнадцати лет; они получали аттестат и рассчитывали на поступление в Академию художеств или университет, окончание которых давало, в частности, личное дворянство. Девушки-отличницы могли рассчитывать лишь на аттестат домашней учительницы, но и это было немало, поскольку сулило им в дальнейшем более или менее надежный заработок и свое место в жизни. В те времена лишь очень немногие женщины имели хоть какую-то специальность. На гербовой бумаге школьным секретарём выводилась витиеватым почерком следующая «аттестация»: «Сим удостоверяется, что девица Прасковья Яковлева может быть рекомендована благородным семействам, как оказавшая отличные успехи в изучении Российского языка».

В 1817 г. Гатчинский воспитательный дом получил самостоятельный статус. В 1828 г. для него было построено новое здание по проекту архитектора Д. И. Квадри на Павловском проспекте г. Гатчи-

ны (ныне проспект 25-го Октября, 2), сохранившееся до наших дней почти без изменений.

После смерти Марии Фёдоровны сиротский дом продолжал оставаться образцовым учебным заведением, его статус был даже повышен. С 1837 г. он стал именоваться Институтом для сирот из офицерских и чиновничьих семей. В него больше уже не принимали подкидышей и девочек. Император Николай I утвердил новый подход к работе учебного заведения, который выражался словами: «Строжайшая дисциплина, основанная на страхе и розге воспитателя». К 1828 г. количество воспитанников достигло одной тысячи. В 1834 г. учебное заведение было преобразовано в восьмиклассную мужскую гимназию для детей-сирот, а указом Николая I от 23 ноября 1837 г. – в Гатчинский сиротский институт. В институт стали принимать мальчиков-сирот 10–12 лет исключительно из семей погибших офицеров и рано ушедших из жизни чиновников гражданской службы. В институте, помимо элементарного обучения, детей приучали к физическому труду. Давали навыки ряда ремесел. Среди воспитателей имелся дефицит действительно профессионально подготовленных педагогов.

«Что касается до учебной и воспитательной частей, то здесь успехи были далеко не так решительны, а часто вовсе их не было», – вспоминал педагог П. В. Евстафиев. Воспитанники носили единообразную форму военизированного образца: китель с погончиками, на пуговицах которого было изображение гнезда пеликана. В 1848 г. программа обучения получила профессиональную направленность, а именно в институте стали готовить канцелярских чиновников. В тот же год в институте был учреждён женский пансион, но только для девочек, чьи родители служили здесь же. В 1867 г. пансион преобразовали в женскую гимназию. В 1855 г. Гатчинский сиротский институт был назван Николаевским в память его основателя, императора Николая I. В 1863 г. программа обучения в Сиротском институте была приближена к гимназической. В учреждении в основном обучались осиротевшие обер-офицерские дети.

Расскажем об одном из директоров. Пожалуй, наиболее известным и заслуженным из них был Иосиф (Осип) Фролович Доливо-Добровольский, отставной полковник Гатчинского лейб-гвардии полка, возглавивший это учебное заведение в 1862 г.

«Это был строгий до педантизма начальник. Когда он появлялся в Институте, трепет пробегал по всему зданию, начиная со сторожей и кончая учителями. Все прихорашивались, застегивались на все пу-

говицы, вытягивались в струнку. Он был довольно жесток по отношению к воспитанникам, огромные связи в дворцовом мире давали ему возможность чувствовать себя на недостижимой вершине... Александр II был крестным отцом одного из детей Доливо-Добровольского», вспоминал бывший воспитанник института В. А. Малаховский. И. Ф. Доливо-Добровольский пользовался расположением императора и благодаря этому остался безнаказанным даже после посещения Гатчинского института императорской четой. Во время этого визита императрица Мария Александровна осмелилась даже попробовать суп, который подавался воспитанникам, правда, сразу же выплюнула его.

19 февраля 1868 г. собравшиеся на крыльце института учащиеся V–VI классов отказались выполнить требование воспитателя А. Е. Игнациуса разойтись. Его постоянные мелочные придирки и грубость довели воспитанников до того, что они решились высказать свое недовольство директору. Директор принял представителей на своей квартире и пообещал воспитанникам сохранить содержание разговора втайне от надзирателя. Однако тут же позвал его и всё ему рассказал. 21 февраля Игнациус доложил директору, что все всем довольны, но в половине девятого вечера следующего дня воспитанники снова явились на квартиру Доливо-Добровольского.

На сей раз директор взял сторону воспитателя и даже грозил сдать в солдаты всех воспитанников старше 17 лет. Первоначально воспитанники вели себя сдержанно, но когда в контору вошел Игнациус, за которым послал директор, то воспитанники мгновенно потушили свечи и... бросились на своих «наставников», устроив им «тёмную». Учреждённая следственная комиссия опросила учеников V–VI классов. Все на вопрос об участии в бунте ответили утвердительно. Более того, все, кроме пятерых, сказали, что участвовали добровольно, а активные участники (П. Власов и К. Барташевский) даже вменили себе это в заслугу.

В ходе расследования обнаружилось грубые нарушения правил содержания детей в учреждении: им давали недоброкачественную пищу, проштрафившихся подолгу держали в карцерах в ужасных условиях, причём сам факт существования карцера долгое время скрывался. В конце концов было принято решение: Доливо-Добровольского и Игнациуса уволить с благовидной формулировкой «по болезни», а семерых воспитанников отчислить, выдав им свидетельства о неполном гимназическом образовании и по 60 руб. Шестым в

списке значился будущий знаменитый шахматист Михаил Иванович Чигорин. Так закончилось это единственное в своем роде за всю историю российского образования «дело о бунте».

С 1878 г. в 4 четырех младших классах института был введён курс прогимназий министерства народного просвещения, а в трех старших – учебный курс старших классов военных гимназий. Заведение состояло в Ведомстве учреждений императрицы Марии и в начале 1900-х гг. располагало неприкосновенным капиталом в 4,8 млн. руб.

С 1884 г. действовало «Санкт-Петербургское попечительное общество о бывших воспитанниках Гатчинского Николаевского сиротского института и их семействах», которое стало одним из первых и наиболее крупных в России «обществ вспомоществования» бывшим воспитанникам при учебных заведениях. Его отличительной чертой являлись пользовавшиеся большой популярностью семейно-танцевальные «Гатчинские вечера», проводившиеся пять раз за сезон начиная с зимы 1892–1893 гг., в зале Павловой (Троицкая ул., ныне ул. Рубинштейна, 13), а позднее в Офицерском собрании армии и флота (Литейный пр., 20). В ходе каждого «вечера» проводились с благотворительной целью лотереи и игры.

Благотворительная деятельность общества состояла главным образом в выдаче денежных пособий и ссуд. За первые 20 лет была выдана ссуда 625 лицам на 32 935 руб., пособий – 357 лицам на 9 535 руб. Большинство ссуд предназначалось на оплату студентами посещения лекций в вузах. На 1 июня 1916 г. неприкосновенный капитал общества составлял 82 663 руб., а оборотные средства – 31 489 руб. По последнему уставу и штатам, действовавшим по 1917 г., в состав Гатчинского сиротского института входили: отделение для малолетних, состоявшее из трех классов; основное отделение в составе шести классов и седьмого дополнительного по программе реальных училищ. Во внеклассное время воспитанники занимались танцами, гимнастикой, пением и музыкой. Воспитанники составляли два хора (церковного и светского пения), и три оркестра (духовой, симфонической и народной музыки).

Наиболее способным воспитанникам Ведомство учреждений императрицы Марии выплачивало стипендию 300 руб. в год для продолжения образования в технических, землевладельческих, горно-промышленных и других вузах. Менее способные к учёбе дети по окончании начальных классов определялись, с согласия их опекунов, пансионерами на средства института в низшие сельскохозяйственные,

технические или ремесленные учебные заведения. В 1910-е гг. институт содержал более 650 воспитанников, из них около 520 обучались на казенный счет, а остальные были пансионерами и приходящими. За содержание пансионеров необходимо было платить 300 руб. в год. Ученики института были непременно участниками городских праздников и народных гуляний. К Рождеству и Пасхе им полагались гостинцы «от казны».

Кратко расскажем о некоторых педагогах.

Скрипач, композитор, дирижер и музыкальный педагог Карл Францевич Альбрехт (1807–1863) в молодости работал в Дюссельдорфе и других городах Германии. В 1838 г. он был приглашен в Санкт-Петербург в качестве дирижера оркестра драматического театра. Затем был назначен капельмейстером Немецкой оперы. Позднее он получил место капельмейстера в Русской опере. 27 ноября 1842 г. состоялось первое представление оперы М. И. Глинки «Руслан и Людмила» под управлением Альбрехта. Он был ведущим российским дирижером своего времени. Современники особенно отмечали симфонические концерты придворной певческой капеллы и концерты Филармонического общества, которые шли под его руководством. В качестве композитора К. Ф. Альбрехт является автором трех струнных квартетов, мессы и музыки к балету «Горный дух», написанных им в 1825 г. В 1850–1863 гг. он был преподавателем музыки и пения в Гатчинском сиротском институте. Его сыновья Евгений и Карл также пошли по стопам отца, избрав музыку своей профессией.

Иван Киприянович Куприянов (1820–1878) считается первым русским краеведом-историком. Он был единственным учеником института, кто в нем учился, а потом работал здесь преподавателем. В 1850-х гг. около 10 лет он сотрудничал с журналом М. П. Погодина «Москвитянин», в котором почти в каждом номере помещались его заметки и письма, критические статьи и обзоры. В 1860-х гг. служил в новгородской гимназии, затем преподавал географию в Гатчинском сиротском институте. Он составил наиболее полную библиографию русских рукописей и старопечатных книг.

Куприянов напечатал в самых разных изданиях более 50 статей и книг, посвященных преимущественно историческому прошлому и древностям Великого Новгорода; в их числе: «Описание замечательной Псалтири» (СПб., 1855); «Два неизвестных проекта Посошкова» (Отечественные записки. 1856. № 3); «Обозрение пергаментных рукописей новгородской Софийской библиотеки» (Отечественные за-

писки. 1857. Т. VI); «Исторический очерк Софийской библиотеки» (Известия Императорской Академии наук. 1856. Т. V); «Крестные ходы, местные праздники и церковные обряды древнего Новгорода» (Новгород, 1859); «Прогулка по Новгороду и его окрестностям» (Новгород, 1862); «Краткий очерк жизни Ея Императорского Величества блаженной памяти государыни императрицы Марии Феодоровны» (СПб. : Печатня В. Головина, 1869). Совместно со своим коллегой по Новгородской гимназии Николаем Карловичем Отто он составил «Биографические очерки лиц, изображенных на памятнике тысячелетия России, воздвигнутом в г. Новгороде в 1862 г.».

И. К. Куприянов справедливо считал необходимым «тщательно собирать те крупницы сведений, которые разбросаны в летописях». «Придет пора, когда под пером талантливого писателя снова заговорят живым языком мертвые до сих пор факты прошлого: тогда ничего не будет лишним, бесполезным. Наше дело – собирать эти факты и подготавливать почву будущим трудам, дабы не заслужить себе впоследствии укора в том, что мы не сумели сохранить тех немногих черт былого, коих не истребило еще в нас всепоглащающее время», – писал он.

Расскажем о некоторых известных россиянах, которые учились в институте. Сильнейший шахматист России на рубеже XIX–XX вв. М. И. Чигорин (1850–1908) овладел азами этой игры благодаря учителю немецкого языка Гатчинского института Августу Августовичу Шуману. Вскоре ученик с легкостью обыгрывал своего наставника. Чигорин дважды (в 1889 и 1892 гг.) оспаривал звание чемпиона мира у Вильгельма Стейница, но, увы, оба разу соперник оказывался сильнее. Тем не менее Михаил Иванович навсегда вошёл в историю и как первый россиянин – дважды вице-чемпион мира, и как автор знаменитого шахматного построения, получившего название «защита Чигорина».

Сын директора Михаил Доливо-Добровольский (1861/1862–1919), также обучавшийся в Гатчине, стал знаменитым физиком, одним из основоположников электротехники. В частности, он создал асинхронный двигатель переменного тока (1889) и разработал систему трехфазного тока (1890). Эти его изобретения используются по сей день без каких-либо существенных изменений.

Живописец Федор Александрович Васильев (1850–1873), так же как Чигорин и Михаил Доливо-Добровольский, был уроженцем Гатчины и так же, как и они, учился в институте. За свою короткую жизнь он создал целый ряд шедевров, таких как «Оттепель», «Мок-

рый луг», «Перед дождем», «После грозы» и другие и сформировал собственное направление в пейзажной живописи – лирико-поэтическое. Советский физик, академик АН СССР (1958) Иван Васильевич Обреимов (1894–1981) окончил Гатчинский институт в 1910 г. Он вошел в историю своими работами в области молекулярной физики и спектроскопии, оптики твердого тела. Был награжден орденами Ленина (1974), Трудового Красного Знамени (1964), Красной Звезды (1945), золотой медалью им. С. И. Вавилова (1959), Сталинской премией первой степени (1946). Доктор физико-математических наук, профессор Ленинградского госуниверситета Борис Алексеевич Венков (1900–1962) известен как крупнейший специалист в области теории чисел, автор фундаментального труда «Элементарная теория чисел» (М. ; Л., 1937).

В связи с реформой образования после Великой Октябрьской социалистической революции институт был закрыт в 1918 г. После этого здесь располагались различные учреждения, в том числе детский дом, а затем, до начала Великой Отечественной войны – городская средняя школа № 3. В военные годы здания института были сильно повреждены. После восстановления в них размещались средние школы. Ныне в ней находится муниципальная гимназия имени К. Д. Ушинского.

Таким образом, Гатчинский сиротский институт имеет славную историю, заслуживающую дальнейшего изучения.

Приложение II. Потомки М. И. Косинского

В рассказе о потомках М. И. Косинского обратимся к публикации гатчинского краеведа Владислава Кислова. Иосиф из братьев был самым старшим (1866–1901). Вот что написал о нём в воспоминаниях его племянник, внук М. И. Косинского Михаил Фёдорович Косинский: «Семнадцатилетний гимназист 6-го класса Ревельской гимназии Иосиф Косинский однажды утром был найден в парке с раной головы, в бессознательном состоянии. Рядом лежало бездыханное тело его гимназического товарища Лесникова, с простреленным сердцем. Иосифа удалось вернуть к жизни, но история эта (дело было осенью 1883 г.), наделавшая много шума, так и осталась до конца не выясненной. Да и едва ли семья моего деда была заинтересована в её полном выяснении. По-видимому, оба гимназиста были вовлечены в подпольный кружок террористов; не смогли или не захотели выполнить

какое-то возложенное на них поручение и решили покончить с собой. Лесников выстрелил первым, ранил в голову товарища, а себе пустил пулю в сердце. Результатом этой истории было исключение Иосифа из гимназии “с волчьим паспортом”. Завершить среднее образование он так и не смог: где-то служил, чем-то занимался, но, видимо, с подпольным движением не порывал. Уже после смерти своего отца, Михаила Иосифовича, в начале или середине 1990-х гг. Иосиф был сослан в Тобольскую губернию. Непрерывные удары судьбы, невозможность вырваться из заколдованного круга несчастий сделали своё дело: он начал пить. Прошло несколько лет. Когда после долгих хлопот всё же удалось вернуть его из ссылки в Петербург, страшный недуг уже глубоко пустил корни. Периоды запоя участились, служба не ладилась; из дома стали всё чаще пропадать вещи. И вот наступила развязка. Вернувшись из ссылки, он находился под негласным надзором полиции. Стоял июнь 1901 г. Иосиф жил летом с родными, снимавшими дачу под Петергофом. Однажды он не вернулся вечером со службы, из Санкт-Петербурга, а наутро в доме появился жандармский офицер и рассказал, что накануне дядя обратил на себя внимание сыщика, который сел с ним в один вагон и неотступно наблюдал за ним до самого Петергофа; здесь слежка была особенно строгой, поскольку царское семейство и двор, как известно, лето всегда проводили в Петергофе. Дядя, видимо, это заметил. Выйдя на станции Новый Петергоф, он направился не налево, в сторону дачи, а направо, к дворцам, начал петлять, чтобы сбить сыщика с толку, и кончил тем, что в Английском парке близ Старого Петергофа, при стуче приближающегося поезда, обернулся, погрозил сыщику кулаком, пропустил паровоз и бросился под первый вагон. Его тотчас же ударило подножкой в висок и отбросило на насыпь. Он был мёртв». Так печально закончил свою жизнь старший из сыновей М. И. Косинского.

Второй сын, Фёдор (1870–1905) был морским офицером. В 1905 г., будучи лейтенантом, он служил старшим флагманским офицером штаба младшего флагмана на броненосце «Ослябя», затонувшем 14 мая после героического, ставшего известным на всю Россию, сражения у острова Цусима. Уцелевшие в этом бою члены экипажа «Осляби» свидетельствовали, что Фёдор погиб смертью героя. Он мог бы стать писателем. Его ранние литературные опыты хранятся в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге: Заграничное плавание крейсера 1 ранга «Генерал-адмирал» 1894–1895 гг. Кронштадт, 1895; Наши матросы. Очерки и рассказы. СПб., 1904; Песни русско-

го матроса. СПб., 1903; Состояние русского флота в 1904 году. СПб., 1904; Баковий вестник (рассказы и стихотворения). Всего восемь книг, изданных в 1895–1902 гг. Советская власть жестоко обошлась с его родными. Репрессиям подверглись все братья, сестра, жена, сыновья, все племянники и племянницы. Как вспоминал его сын Михаил, та же судьба, вероятно, постигла бы и самого Фёдора Михайловича. Его портрет был удалён из экспозиции Военно-морского музея; так велика была неприязнь к офицеру императорского флота, отдавшему жизнь за свою родину.

Константин (1872–?) был третьим сыном М. И. Косинского. Он окончил гимназию в Великом Новгороде и Военно-медицинскую академию в Санкт-Петербурге (1897). 30 ноября 1897 г. начал службу младшим врачом 32-го пехотного Кременчугского полка, квартировавшего в г. Цеханове Плоцкой губернии.

16 февраля 1898 г. был переведён в Кронштадт младшим врачом одного из флотских экипажей. В 1905 г. вышел в отставку. Работал врачом в Гатчинском сиротском институте, затем в Рязанской губернии. В 1914 г. был призван во флот, с февраля 1917 г. служил врачом в дивизионе подводных лодок. В 1917 г. заведующий домом отдыха для моряков в Ораниенбауме. С 1923 г. санитарный врач в школах Лиговского района в Ленинграде.

Местным жителям запомнился тем, что безвозмездно лечил детей на дому. Музыкант, участник музыкального квартета, он организовывал музыкальные концерты в школах. Был женат на Вере Семёновне, урождённой Князевой; имел дочь Ольгу. 18 июля 1929 г. был арестован с братом Алексеем по так называемому групповому «делу музыкального квартета». 1 декабря 1929 г. Константин был приговорен к 5 годам исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества. 13 декабря отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. В июне 1930 г. находился там же, работал в лазарете. Жена получила одно разрешение на свидание с мужем. Его дальнейшая судьба неизвестна. Константин также имел писательский опыт: он опубликовал книгу «Заграничное плавание крейсера 2 ранга “Крейсер”. 1901–1902» (Кронштадт, 1902).

С детства самым большим увлечением Константина была музыка. Его дочь Ольга Константиновна Клименко вспоминала: «Прежде всего, это был поразительный музыкальный талант. Никогда более я не видела подобного самородка в этой области. Необыкновенная музыкальная память, природная сила кисти и природная техника. Придя

с какого-нибудь концерта, он садился за рояль и играл то, что только что слышал, в любой тональности, попутно импровизируя и иногда изображая, как тот или другой известный пианист исполняет это музыкальное произведение. Кроме того, он сам сочинял прекрасные вещи. Сидя за столом, даже не наигрывая на инструменте, он быстро-быстро переносил на нотную бумагу все звуки и мелодии, которые рождались в его голове. Слух у него был абсолютный. Но этого было мало. Настоящим художником он становился, когда играл на виолончели. У него был прекрасный инструмент (Амати?), и летними вечерами на веранде дачи он играл самозабвенно. С детских лет я помню, что по вечерам в нашем доме всегда устраивались трио, квартеты и квинтеты. (Кстати сказать, эти “квартеты” в 1929 году сыграли роковую роль в аресте и заключении его, вместе с младшим братом Алексеем, в Соловки).

Однокашником моего деда М. И. Косинского по инженерному училищу был известный в дальнейшем композитор Цезарь Кюи. Конечно, он помог бы такому талантливому юноше, сыну своего товарища, получить настоящее музыкальное образование. Но по окончании гимназии на семейном совете с участием богатых тёток – Буяльской и Лихачёвой – было решено устроить его в Военно-медицинскую академию, ибо профессия музыканта – дело ненадёжное и неверное, а доктор всегда при желании будет материально обеспечен. Средств для музыкального образования не было, а денежная зависимость от богатых тёток была. Пришлось подчиниться».

Четвёртый сын М. И. Косинского Михаил родился в 1874 г. Окончил гимназию и Санкт-Петербургский университет, прошёл военную службу вольноопределяющимся, затем служил в акцизном управлении в министерстве финансов. Одновременно преподавал пение в реальном училище и гимназии Гуревича и Губинского. Имел чин титулярного советника. После революции проживал в Москве, служил в финотделе Наркомпроса РСФСР. В 1925 г. уволился со службы по состоянию здоровья. Жил в Ленинграде у сестры Наталии, имел случайные заработки. В марте 1935 г. выслан с сестрой в Куйбышев на 5 лет. 30 ноября 1937 г. арестован как «участник контрреволюционной организации». 21 декабря 1937 г. приговорён к высшей мере наказания, 15 января 1938 г. расстрелян.

Младший сын М. И. Косинского Алексей родился 14 января 1880 г. Окончил Морской кадетский корпус, в сентябре 1898 г. произведен из гардемарин в мичманы. В 1900–1901 гг. участвовал в за-

граничном плавании на крейсере II ранга «Джигит», в 1902 г. окончил Минные офицерские классы Балтийского флота; окончил также штурманские классы. В 1904 г. служил лейтенантом на кораблях 1-й Тихоокеанской эскадры – крейсере «Аскольд» и миноносцах «Боевой» и «Статный». Во время обороны Порт-Артура ранен, после выздоровления командовал миноносцем «Статный». Прорвался на миноносце в китайский порт Чифу, вывез из Порт-Артура русские знамёна и секретные документы. С 1907 г. командовал на Балтике миноносцем «Ловкий» в звании старшего лейтенанта, с лета 1911 г. переведён на броненосный крейсер «Громобой», с 1913 г. старший офицер в звании капитана II ранга, затем командир эскадренного миноносца «Бурный». С января 1915 г. командир эскадренного миноносца «Забияка» (6 января 1916 г. подорвался на mine). С апреля 1916 г. капитан I ранга. В октябре 1917 г. командир Укреплённого района побережья Або-Бьёрнборг. В 1920–х гг. работал заведующим весовым бюро судостроительной верфи № 12 в Ленинграде. Музыкант, участник «музыкального квартета». 18 июля 1929 г. арестован с братом Константином по «делу музыкального квартета». 1 декабря 1929 г. приговорён к 5 годам исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. 20 февраля 1930 г. скончался в лагере. Старшая дочь Наталия (1878–1946), так же как её братья Константин и Михаил, родилась в Санкт-Петербурге. Окончила гимназию, Екатерининский институт (1896). Работала служащей в столичном «съезде» мировых судей. Затем проживала в Ленинграде, занималась домашним хозяйством. В марте 1935 г. была выслана с братом Михаилом в г. Куйбышев на 5 лет. Их дальнейшая судьба неизвестна [34].

Несмотря на все те трудности и препятствия, которые выпали на долю представителей рода Косинских, можно утверждать, что многие из них достойно прожили свою жизнь и были патриотами России.

История рода Косинских интересна и по-своему поучительна, а потому заслуживает дальнейшего внимания исследователей.

Приложение III. М. Л. Песковский как родственник семьи Ульяновых

Здесь уместно дать краткое представление о месте М. Л. Песковского в «генеалогическом древе» семьи Ульяновых, причём мы ограничимся самыми краткими сведениями о «европейской ветви», то

есть линии со стороны матери В. И. Ленина [17]. Жена Михаила Леонтьевича Персоковского Екатерина Ивановна, урождённая Веретенникова, приходилась двоюродной сестрой В. И. Ленину по линии матери. Мать Екатерины Ивановны Анна Александровна была старшей сестрой Марии Александровны Ульяновой, матери В. И. Ленина.

Дед В. И. Ленина Александр (урождённый Израиль) Дмитриевич Бланк (1799–1870), врач по специальности, и его супруга Анна Ивановна (Иоганновна) Гроссшопф (1799–1840) венчались в 1828 г. (В разных источниках указываются и другие годы рождения А. Д. Бланка и А. И. Гроссшопф, а также их венчания и смерти А. И. Гроссшопф.) Они имели сына Дмитрия (1833–1895) и дочерей: Анну (1831–1897), Любовь (1832–1895), Екатерину (1833–1883), Марию (1835–1916) и Софью (1836–1897). После ранней смерти жены А. Д. Бланк сделал предложение её сестре – Екатерине Ивановне Эссен.

Однако их брак не был официально утверждён, и они жили в гражданском браке. В апреле 1841 г. А. Д. Бланк и Е. И. Эссен покинули столицу, где всё напоминало Александру Дмитриевичу о смерти жены и трагической гибели его брата Дмитрия (урождённый Абель), также врача по специальности. (Во время эпидемии холеры обезумевшая толпа обвинила его, конечно безосновательно, в смерти больных, и выбросила с третьего этажа больницы на асфальт.) Всем семейством они переехали на жительство в Пермь, где А. Д. Бланк получил сразу две должности – инспектора врачебной управы и врача гимназии. Именно здесь он познакомился с учителем латыни И. Д. Веретенниковым, ставшим в 1850 г. мужем его старшей дочери Анны, и преподавателем математики А. А. Залежским, взявшим в жены его другую дочь – Екатерину. Но это случилось позднее, а в марте 1843 г. А. Д. Бланк стал заведовать госпиталем Юговского казённого завода, в сентябре 1845 г. был назначен врачом Златоустовской оружейной фабрики, а с 21 мая 1846 г. занял должность медицинского инспектора златоустовских госпиталей, где и закончил службу. Выйдя на пенсию, он купил небольшое имение в с. Янасалы (другое название – Кокушкино) Черемышевской волости Лаишевского уезда Казанской губернии, с 1924 г. – Ленино, с 1964 г. – Ленино-Кокушкино Пестречинского района Татарской АССР, ныне Республики Татарстан. 7 (19) сентября 1863 г. умерла Е. И. Эссен. 17 (29) июня 1870 г. умер сам А. Д. Бланк; 18 июня он был погребён в селе Черемышеве на церковном кладбище рядом с гражданской женой. Незадолго до смерти он увидел своего внука Володю, будущего В. И. Ленина, родившегося 10 (22) апреля

1870 г. К этому времени сын А. Д. Бланка Дмитрий скончался, а все дочери А. Д. Бланка имели свои семьи. В настоящее время в разных странах живут более 130 потомков и других родственников А. Д. Бланка²⁴.

Сведения о многих представителях родов Бланков-Ульяновых длительное время были весьма скудны, поскольку на исследования в этой области ещё в сталинские времена фактически был наложен строжайший запрет. Усилиями отечественных историков, прежде всего Михаила Гиршевича Штейна (1933–2009), посвятившего этим поискам ряд монографий и докторскую диссертацию, имеет место значительное продвижение [163; 164; 165]. О младшей из сестёр Бланк *Софье* известно, что она в 1861 г. вышла замуж за преподавателя Самарского уездного училища И. К. Лаврова. В семье было шестеро детей.

Напротив, о детях *Марии* Бланк известно очень многое благодаря тому, что многие из них проявили себя в революционной деятельности, особенно Владимир (1870–1924). Кроме него, в семье было ещё семь детей: Анна (1864–1935), Александр (1866–1877), Ольга (1868–1869), ещё одна Ольга (1871–1891), Николай (1873–1873), Дмитрий (1874–1943), Мария (1878–1937)²⁵. *Екатерина* Бланк (в первом браке Алёхина) после внезапной смерти мужа вышла замуж в 1856 г. за старшего учителя математики Пермской мужской гимназии А. А. Залежского. У них было десять детей. *Любовь* Бланк вышла замуж за казначея Пермского уездного казначейства Александра Фёдоровича Ардашева. Именно Ардашевы поддерживали достаточно близкие отношения с Ульяновыми. У них было шестеро сыновей.

Подробнее расскажем о семье старшей дочери А. Д. Бланка *Анне*. В 1850 г. она вышла замуж за учителя латинского языка младших классов Пермской мужской гимназии Ивана Дмитриевича Веретенникова. И. Д. Веретенников работал в гимназии с 1841 г., заведовал библиотекой гимназии; затем был директором училищ Самарской губернии (по другим источникам, инспектором Самарской гимназии), наконец, инспектором (т. е. заместителем директора) Дворянского института в Пензе. Здесь он работал в 1861–1864 гг. В его квартире преподаватель физики этого института Илья Николаевич Ульянов и по-

²⁴ Среди родственников В. И. Ленина по материнской линии, например, фашистский фельдмаршал времен Второй мировой войны Отто Мориц Вальтер Модель (1891–1945) и экс-президент ФРГ (в 1984–1994 гг.) Рихард Карл фон Вейцзеккер (1920–2015).

²⁵ О скончавшихся в младенчестве *первой* Ольге и Николае ранее не принято было упоминать в литературе.

знакомился со своей будущей женой М. А. Бланк²⁶. Именно И. Д. Веретенников сосватал также сестер своей жены Екатерину и Софью, соответственно, за А. А. Залезского и И. К. Лаврова. У Веретенниковых было восемь детей. Достоверные сведения сохранились лишь о некоторых из них. В частности, дочь *Анна* (?–1888) стала одной из первых женщин-врачей в России, занималась литературной деятельностью; оставила «Записки земского врача», опубликованные журналом «Новый мир». Сын *Александр* (1857–1920) в 1880–1883 гг. (по другим данным в 1880–1885 гг.) преподавал латынь и древнегреческий язык в Симбирской мужской гимназии. В числе его учеников был не кто иной, как... его двоюродный брат Владимир Ульянов, у которого, кстати, латинский язык был любимым предметом в школе. Сын *Николай* (1871, Саратов – 31.03.1955) был товарищем детских игр Володи Ульянова в Кокушкино; он единственный из двоюродных братьев и сестёр оставил о нём воспоминания. Его книга «Володя Ульянов» неоднократно издавалась и переведена на ряд языков. Он окончил Казанский университет (1896) и многие годы преподавал физику и математику. Заведовал отделом в наркомате финансов СССР, работал в статистическом отделе ЦК РКП(б) в 1923–1928 гг. При его участии созданы музеи Ленина в Казани и в родовом имении семьи – селе Кокушкино, позднее – Ленино, ныне – Ленино-Кокушкино.

Дочь *Любовь* (1851–1926) работала телеграфисткой, в последние годы жизни жила в семье Анны Ильиничны Ульяновой (Елизаровой). Дочь *Мария* (1862–1931) работала учительницей, а также библиотекарем в Гельсингфорсе (Хельсинки), в Румянцевской библиотеке (Госу-

²⁶ Первым местом работы И. Н. Ульянова с 7 мая 1855 г. стал Дворянский институт в г. Пензе. В июле 1860 г. сюда на должность инспектора института приехал И. Д. Веретенников. И. Н. Ульянов подружился с ним и его женой Анной Александровной, и в том же году Анна Александровна познакомила его со своей сестрой Марией Александровной Бланк, которая на зиму приезжала к ней в гости. Илья стал помогать Марии в подготовке к экзамену на звание учительницы, а она ему – в разговорном английском. Молодые люди полюбили друг друга, и весной 1863 г. состоялась помолвка, а в августе – свадьба. 15 июля 1863 г., после успешной сдачи экстерном экзаменов при Самарской мужской гимназии, «дочь надворного советника девица Мария Бланк» получила звание учительницы начальных классов «с правом преподавания Закона Божьего, русского языка, арифметики, немецкого и французского языков». Тем самым дочь надворного советника стала женой надворного советника; этот чин И. Н. Ульянову пожаловали в июле все того же столь счастливого для него и его жены 1863 г.

дарственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина) в Москве. Наконец, ещё одна дочь А. А. и И. Д. Веретенниковых, *Екатерина Ивановна*, и есть жена М. Л. Песковского. Екатерина Ивановна родилась в Самаре, окончила гимназию, затем высшие женские курсы в Казани. С сентября 1879 г. стала учительницей 1-го класса Симбирского двухклассного женского училища, где работала до сентября 1883 г. вдвоем с В. П. Ушаковой-Прушакевич. Известно, что инспектор училища Владимир Михайлович Стржалковский отмечал в 1882 г., что урок учительницы Веретенниковой по арифметике может быть назван образцовым. С осени 1883 г. она живёт в столице, оканчивает Бестужевские курсы, выходит замуж за М. Л. Песковского.

Александр и Анна Ульяновы, поступив учиться в высшие учебные заведения Санкт-Петербурга, постоянно бывали в гостях у Песковских. Именно Екатерина Ивановна Песковская уведомила весной 1887 г. Марию Александровну Ульянову (через симбирскую учительницу Веру Васильевну Кашкадамову) об аресте Александра и Анны. Впоследствии у Песковских, в их петербургской квартире, не раз бывали Владимир и Ольга Ульяновы.

Между прочим, М. Л. Песковский принимал участие в судьбе Александра Ильича Ульянова и ходатайствовал, хотя и безуспешно, о его помиловании. В частности, он обращался в Особое присутствие Правительствующего Сената с просьбой назначить адвокатом подсудимого присяжного поверенного Александра Яковлевича Пассовера (1840–1910), одного из лучших юристов, лично хорошо известного Песковскому. С ним у Матвея Леонтьевича была соответствующая договорённость. Однако это прошение было оставлено без последствий, так как исходило не от подсудимого; во всяком случае, такое объяснение получил заявитель. Как известно, сам подсудимый, то есть А. И. Ульянов, отказался подавать прошение о помиловании. На этом неутомимый Матвей Леонтьевич не успокоился. 3 марта М. Л. Песковский обратился к директору Департамента полиции П. Н. Дурново с прошением: «Ульянов – очень дельный, чисто кабинетный, до угрюмости нелюдимый человек, зарекомендовавший себя блестящими успехами в науке... Ульянова – барышня в лучшем смысле слова, совершенно чуждая всего того, что может шокировать девушку...²⁷. Максимум, что может быть поставлено им в вину, какое-нибудь случайное “компрометирующее знаком-

²⁷ Имеется в виду старшая сестра В. И. Ленина Анна Ильинична Ульянова, которая также была арестована, но потом была отпущена с запретом проживания в Санкт-Петербурге.

ство”. На основании вышеизложенного он просил освободить их под его, Песковского, “личное поручительство”» [17].

За А. И. Ульянова вступался также живший в Казани великий просветитель нерусских народов Поволжья Николай Иванович Ильминский. В 1887 г., по просьбе другого выдающегося просветителя Ивана Яковлевича Яковлева, он пытался помочь находившемуся под следствием Александру Ульянову. Ильминский хорошо знал семью скончавшегося годом ранее Ильи Николаевича Ульянова. Письмо Яковлева Н. И. Ильминскому в Казань отвёз Володя Ульянов. Он был сочувственно встречен Николаем Ивановичем и даже некоторое время жил у него, пока в Казань не приехала его мать Мария Александровна Ульянова вместе с младшими детьми, сыном Митей и дочерью Машей. Н. И. Ильминский не только поддержал ходатайство об освобождении Александра Ульянова, – правда, оно оказалось безуспешным, – но и оказал помощь Владимиру Ульянову в поступлении в Казанский университет [147, с. 108–109].

Как явствует из вышеизложенного, история семьи Ульяновых таит в себе немало тайн и, несомненно, ещё ждёт своего заинтересованного исследователя.

Приложение IV. Воспоминания Т. Л. Рудыковской о семье Песковских

Татьяна Леонидовна Григорова-Рудыковская родилась 13 октября 1892 г. в Санкт-Петербурге в семье генерал-майора Леонида Петровича Рудыковского. Примечательной личностью был её прадед Евстафий Петрович Рудыковский (1784–1851). Он окончил военно-медицинскую академию в Санкт-Петербурге, был участником Отечественной войны 1812 г. В качестве доктора он сопровождал семью генерала Раевского на Кавказ в мае 1820 г. Оставил записки «Встречи с Пушкиным», опубликованные в «Вестнике Европы» (1841). Доктор вылечил А. С. Пушкина от малярии (жёлтой лихорадки), о чём свидетельствует сохранившаяся история болезни А. С. Пушкина. Великий поэт посвятил доктору шутивное стихотворение:

Аптеку позабудь ты для венков лавровых.

И не мори больных, но усыпляй здоровых!

Т. Л. Рудыковская окончила Высшие педагогические курсы (ныне Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена), по окончании которых учительствовала более

40 лет. Начала работать репетитором ещё в студенческие годы. На общественных началах работала лектором общества «Знание». Награждена орденом Трудового Красного Знамени, медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» и другими медалями и памятными знаками. Будучи учителем географии по образованию, много путешествовала. Последний раз в 1975 г., в возрасте 83 лет, ездила поездом до Красноярска, а оттуда – теплоходом в Норильск. Умерла 22 декабря 1981 г., похоронена на Шуваловском кладбище Санкт-Петербурга. Т. Л. Григорова-Рудыковская оставила воспоминания, в которых нашлось место для М. Л. Песковского и его близких. Перелистаем отдельные фрагменты этих мемуаров.

«...Вернувшись из Эривани (Еревана. – *В. П.*) в 1907 г. в столицу для окончания среднего образования именно в столичной гимназии, я поступила в 6 класс в ту же гимназию, где начинала свой подготовительный класс, т. е. в гимназию Екатерины Ивановны Песковской, – двоюродной сестры В. И. Ленина. В то время о нём не упоминалось, но весь дух учебного заведения дышал новизной свободных идей. Председателем педагогического совета гимназии был профессор Сергеевич, преподаватели – молодёжь, среди которой был зять профессора Тарле А. М. Тарновский, и тов. Полетаев, ставший в начальные годы революции во главе комиссариата народного образования в г. Петрограде. Гимназия занимала 3-й этаж углового дома по Среднему проспекту и 6-й линии Васильевского острова. Вход был со Среднего проспекта, а на “личную половину” Песковских, – с 6-й линии. В угловой комнате был расположен “фонарь”, – так назывался застеклённый угловой балкон, заполненный большими цветочными горшками зелёных растений, среди которых стояла кресло-качалка. Позднее я узнала, что это был любимый уголок Владимира Ильича, когда он бывал в семье Песковских²⁸. О М. Л. Песковском у меня сохранилось очень смутное воспоминание, связанное с похоронами единственной дочери (от Екатерины Ивановны), умершей от инфекционного заболевания, кажется, скарлатины.

Мне запомнилась его седая “грива” и добрые глаза. Женя училась в нашей гимназии. Здесь, в доме княгини Черкасской Песковские организовали частную женскую гимназию, педагогические курсы новых языков и детский сад. Катафалк с гробом стоял в зале, и на по-

²⁸ У Песковских в 1880-х гг. бывали Анна и Александр Ульяновы, их мать Мария Александровна; позднее Владимир Ульянов (в 1891 г.) и его сестра Ольга.

следней панихиде присутствовали ученицы. Родители её очень любили и старшая сестра, – Мария Матвеевна Песковская, всегда рассказывала мне много хорошего о ней. Говорила даже, что идея создания гимназии возникла в связи с обучением Жени, а после её смерти Екатерина Ивановна бесплатно обучала всех девочек по имени Женя.

Мария Матвеевна, – падчерица Екатерины Ивановны, – была её главной помощницей в делах. Она не вышла замуж, хотя некрасивой ее назвать нельзя: черноглазая, с широкими бровями и пышными черными волосами, очень подвижным лицом и твердо очерченными усиками, Мария Матвеевна обладала и умом и остроумным и веселым нравом. Я её очень любила, называла “солнышко моё”, она в ответ звала меня “луночкой” и относилась ко мне, как и сама Екатерина Ивановна, с большой теплотой, особенно после смерти отца. Наша переписка прекратилась где-то в конце 1920-х гг., когда мы с мужем переехали в Озерки, и я не сумела выбрать времени, чтобы по-прежнему забегать к ним в Зоологический переулок, где они жили после ликвидации их частной гимназии...» [23]

Скромные, но талантливые и трудолюбивые служители образования М. Л. Песковский и его жена внесли свой неповторимый вклад в развитие Российского государства. Их судьбы были тесно связаны с судьбой Отечества.

Приложение V. Л. С. Таганцева и её гимназия

Любовь Степановна Таганцева оказала огромное влияние на формирование у Елены педагогического призвания, поэтому расскажем об этом замечательном педагоге несколько подробнее. Л. С. Таганцева с молодости мечтала о собственной школе. Ей помог невероятный случай: она выиграла в лотерею крупную сумму, и всю её потратила на организацию гимназии. По воспоминаниям учениц, в её школе царила строгая дисциплина. Преподаванием занимались первоклассные педагоги, которых тщательно отбирала сама директриса. В гимназию принимали после собеседования и девочек из совсем небогатых семей. Основательница учебного заведения находила для таких одаренных детей меценатов, которые и платили за их обучение. Эти моменты впоследствии воспроизведутся в судьбе самой Е. В. Антиповой.

Воспитанница Елена Еленевская оставила воспоминания о гимназии Л. С. Таганцевой. «Гимназия занимала два этажа дома на Мо-

ховой улице. В нижнем этаже помещались приготовительный, первый и второй классы и гимнастический зал, который служил и для организации подвижных игр во время перемен. В верхнем этаже помещались все прочие классы, с третьего по восьмой включительно, актовый зал, столовые, учительская и к ним примыкала квартира начальницы, Любови Степановны. Начиная со второго класса, в каждом классе было по два отделения, каждое всего по 20–25 учениц, для того чтобы учительскому персоналу легче было поддерживать личный контакт с отдельными ученицами, наблюдать и направлять формирующиеся характеры. Насколько серьёзно относились к педагогическим задачам учителя, видно из того, что в конце каждого учебного года Любовь Степановна вызывала к себе родителей и каждой матери в отдельности говорила не только о положительных чертах, но и об отрицательных сторонах характера её дочери, чтобы та могла с ними бороться. Учебный день начинался с молитвы. Все классы с учительским персоналом во главе с начальницей собирались в актовом зале. Хор из учениц старших классов перед занятиями пел “Отче наш”, одна из учениц восьмого класса читала Евангелие, а затем еще и молитву. Маленькие перемены между уроками длились десять минут, а большая перемена, во время которой девочки завтракали, продолжалась сорок пять минут. Ученицы могли приносить с собой бутерброды, но можно было получать за отдельную плату горячий завтрак от гимназии; некоторым, близко живущим, в том числе и мне, приносили завтрак в судках из дома.

Над всем преподавательским персоналом парил дух самой Любови Степановны. Небольшого роста, с правильными чертами лица и гладко, на прямой пробор причёсанной головой, она держала себя с таким достоинством, что производила величественное впечатление. Ходила она очень быстро, скользя в своих прюнелевых сапожках по всегда отлично начищенному коридору. Иногда во время урока дверь тихо отворялась, и на ее пороге появлялась ее прямая фигурка. Сразу все в классе подтягивались, начиная с учителя и классной дамы и кончая самой отчаянной шалуньей в классе. Любовь Степановна делала знак рукой, чтобы урок продолжался, и садилась в стороне, недалеко от столика классной дамы. Она сама была математикой, и уроки математики были ее любимым предметом. Безукоризненно беспристрастная, она не могла удержаться одобрительной улыбки, когда какая-нибудь ученица толково излагала геометрическую теорему или решала у доски алгебраическую задачу.

Таганцева не была поклонницей увеселений в стенах гимназии, и у нас никогда не бывало балов, как, например, это было в гимназии Оболенской. Но она очень поощряла личный контакт между преподавателями и ученицами, а потому всегда на Рождестве, 28-го декабря, у нас в гимназии устраивалась елка с программой: ставились сценки из классиков, ученицы декламировали, играли на рояле, и эта программа вырабатывалась и готовилась при живом участии учителей. С ученицами седьмого класса Любовь Степановна часто беседовала об их будущем; спрашивала, собираются ли они остаться в восьмом классе, который был не обязательным, и был поставлен на университетскую ногу с лекционной системой, сдачей зачётов по четвертям, и в котором преподавались начатки юридических наук, высшей математики, латыни и т. д.» [31].

Судьба Л. С. Таганцевой и возглавляемого ею учебного заведения доказывает тот факт, что история Российского государства вбирает в себя огромный объём ещё не исследованного материала, научно поставленное изучение которого откроет перед учёными – историками педагогики возможность более полно и точно представить процесс развития отечественного образования.

Приложение VI. В. В. Григорьев

Учёный-востоковед Василий Васильевич Григорьев родился в 1816 г. во Владимирской губернии в дворянской семье. Среднее образование получил в домашних условиях. В 1834 г. окончил отделение восточных языков историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета со степенью кандидата. Своими учителями в науке он считал университетских профессоров, академиков Х. Д. Френа и О. И. Сенковского.

Особенно тесно Григорьев был связан с основоположником научной арабистики в России, автором трудов об арабских источниках при изучении Древней Руси, основателем Азиатского музея Императорской Академии наук Христианом Даниловичем Френом (1782–1851). Русский и польский востоковед, статский советник, заслуженный профессор Осип (Юлиан) Иванович Сенковский (1800–1858) проявил себя как полиглот, писатель, критик, редактор, журналист, редактор первого русского массового «толстого журнала» «Библиотека для чтения». В 1835–1838 гг. Григорьев преподавал в своей альма матер персидский язык, но затем разногласия с Сенковским

вынудили его покинуть столицу и принять предложение продолжить научную карьеру на юге России.

В 1838–1844 гг. он занимал кафедру восточных языков в Ришельевском лицее в Одессе. Поместил в «Записках Одесского общества истории и древностей» несколько статей. Наиболее значительной из них является публикация под названием «О куфических монетах VIII, IX, X и отчасти VII и XI в., находимых в России и прибалтийских странах, как источниках для древнейшей отечественной истории». Статьи Григорьева по проблемам истории Востока печатались и в других местных изданиях, особенно в «Одесском альманахе» и «Новороссийском календаре». В 1842 г. он защитил в Московском университете диссертацию на степень магистра исторических наук на тему «О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству».

В 1845 г. В. В. Григорьев вернулся в Санкт-Петербург. В июне 1846 г. поступил на службу чиновником особых поручений в департамент духовных дел иностранных исповеданий министерства внутренних дел. Помогал Николаю Ивановичу Надеждину в редактировании «Журнала министерства внутренних дел»; размещал в нем статьи разнообразного содержания.

В. В. Григорьев много работал в столичных географическом и археологическом обществах. На паях с В. В. Дерикером он приобрёл у Фёдора Карловича Дершау журнал «Финский вестник», который был ими переименован «Северное обозрение»; правда, издавался он после этого совсем недолго. В 1851 г. В. В. Григорьев переехал в Оренбургский край, где получил должность начальника пограничной экспедиции. В этом учреждении сосредоточивались все дела по сношению с ханствами и управлению местным населением, которое обобщённо называли киргизами. (Хотя там жили представители многих национальностей, преимущественно казахи.) Должность вынуждала его бывать в самых разных населённых пунктах края.

В эти годы он, помимо добросовестного выполнения своих служебных обязанностей, немало внимания уделял истории восточных окраин Российской империи и написал ряд значительных статей. Из них следует выделить, как особенно важный и интересный, материал «О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре: записки мирзы Шемса Бухари», в котором собраны интересные исторические сведения и впервые дан образец таджикского наречия.

В своих публицистических статьях В. В. Григорьев стремился к обоснованию российских интересов в Средней Азии и попытался

охарактеризовать разумные, с его точки зрения, способы воздействия на взаимоотношения русской администрации и местного населения.

В качестве главного инструмента осуществления российской имперской политики он выдвигал идею приобщения народов Востока к достижениям европейской цивилизации, под которой он подразумевал их просвещение. В Англии, проявлявшей особый интерес к действиям Российской империи в Туркестане, статьи Григорьева производили большое впечатление. Некоторые из них были переведены на английский язык. В 1853 г. В. В. Григорьев участвовал в походе на Ак-Мечеть в качестве правителя походной канцелярии. В 1854–1862 гг. был управляющим Областью Оренбургских Киргизов. В 1862 г. В. В. Григорьев оставил службу в Оренбургском крае и в 1863 г. занял кафедру истории Востока в Санкт-Петербургском университете, где перед этим получил степень доктора восточной словесности. К этому периоду относятся его капитальные работы «Кабулистан и Кафиристан» (1867) и «Восточный Туркестан» (1869, 1873), а также монография «О скифском народе саках» (1871). В «Журнале министерства народного просвещения» был опубликован его труд «О походах Александра Великого в Западный Туркестан» (1881). В 1870–1878 гг. В. В. Григорьев был деканом факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета.

В 1869–1870 гг. В. В. Григорьев состоял главным редактором «Правительственного вестника». В 1874 г. после Михаила Николаевича Лонгинова занял пост начальника Главного управления по делам печати, т. е. в течение почти шести лет занимал должность главного цензора страны. В 1867 г. В. В. Григорьев был избран управляющим Восточным отделением при императорском Русском археологическом обществе и впоследствии награжден малой золотой медалью Общества. Он также являлся членом-корреспондентом Академии наук, членом Парижского азиатского общества, членом-корреспондентом Парижского института живых восточных языков, почётным членом Королевского азиатского общества. В 1869 г. ему был присвоен чин действительного статского советника.

В. В. Григорьев готовил третий международный съезд ориенталистов, состоявшийся в Санкт-Петербурге в 1876 г., для которого Григорьев издал сборник своих первых статей под заглавием «Россия и Азия». Как публицист, В. В. Григорьев близко стоял к учению славянофилов; как учёный, он обнаружил глубокое знание истории Востока, изучение которого, особенно среднеазиатского, было в значитель-

ной степени продвинуто именно им. В своих трудах он неизменно давал новое освещение затронутых вопросов. Умер в Павловске 19 (31) декабря 1881 г. Похоронен в Санкт-Петербурге на Новодевичьем кладбище; могила утрачена.

Судьба В. В. Григорьева интересна сама по себе, а научно поставленное изучение его трудов могло бы значительно расширить наши представления об истории Российского государства в XIX в.

Приложение VII. Н. И. Ильминский

Выдающийся учёный-ориенталист Н. И. Ильминский родился 23 апреля (5 мая) 1822 г. в г. Пензе в семье священника.

В 1842–1846 гг. он учился на физико-математическом отделении Казанской духовной академии. Проявил большие лингвистические способности и по окончании учёбы был оставлен в академии преподавателем арабского и татарского языков. В 1851–1854 гг. изучал ислам и арабский язык, находясь в научной командировке на Ближнем Востоке (Египет, Палестина, Сирия). Профессор Ильминский был крупнейшим учёным своего времени, членом-корреспондентом Российской Императорской академии наук (с 1870 г.), большим эрудитом, полиглотом (по свидетельствам современников, он знал 28 языков). С 1854 г. преподавал восточные языки на миссионерском отделении Казанской духовной академии, а также естественно-научные предметы, историю философии, древнееврейский язык. Он был одним из основателей миссионерского Братства во имя Святителя Гурия, открывшегося в Казани в 1867 г., и возглавил его Переводческую комиссию.

Н. И. Ильминский был ведущим переводчиком книг на татарский, чувашский, марийский и удмуртский языки. В 1870-е гг. перевёл на крышенский язык Псалтырь. При переводах на татарский язык Ильминский отказался от использования татарского книжного языка с арабской графикой как совершенно непонятного деревенским жителям. Книги Священного Писания он «перелагал» на разговорный крышенский диалект, используя при этом русский алфавит. Его помощником и сотрудником в освоении этого диалекта стал православный священник Василий Тимофеевич Тимофеев (1836–1895), крещёный татарин, искренне желавший помочь делу просвещения своего родного народа. В первые годы своей научной и преподавательской деятельности Ильминский активно участвовал в обсуждении проблем миссионерства, работал над переводами Священного Писания на та-

тарский язык. Не ограничиваясь кабинетной работой, он стремился к изучению татарского языка «из первых уст». Для этого он даже одно время жил в татарской слободе и посещал занятия в медресе.

По поручению архиепископа Казанского Григория он ездил по татарским селам и выносил из таких поездок много нового; расширял свои филологические познания и узнавал ценные этнографические сведения. В этих поездках он постоянно сталкивался с тем бедственным положением, в котором находилось просвещение у народов Казанской губернии. Его общительный характер, знание языков и способность притягивать людей располагали к нему даже обычно недоверчивых к чужакам деревенских жителей.

В ходе живого общения у Ильминского рождались идеи о том, каким образом можно бы было наиболее эффективно обеспечить просвещение и христианизацию средневожских народов.

Н. И. Ильминский всё более убеждался в неэффективности существовавшего в то время способа просвещения, заключавшегося в обучении начинающих учащихся либо на русском языке (в русских школах), либо на арабском языке (в исламских мектебах и медресе). Не способствовало утверждению нерусского населения в православии и явное невнимание общества к школьному образованию их детей. Для удмурта или марийца, желавшего получить элементарное образование, выбор был небольшой – между татарской мусульманской школой и русским приходским училищем.

Н. И. Ильминским был разработан оригинальный подход в христианском воспитании и просвещении «инородцев» с использованием их родных языков. Этот подход включал в себя первоначальное обучение на родном языке с одновременным, или несколько более поздним, подключением родных языков учащихся.

Деятельность Н. И. Ильминского объективно была направлена на «прочное сближение инородцев с коренным русским населением путем просвещения». Но при этом Ильминский считал инородческий язык даже не целью, а прежде всего средством просвещения, причем средством временным. Н. И. Ильминский был искренне убежден в том, что «мелкие народности» не могут вступить на путь общекультурного развития, пользуясь только духовным достоянием своей народности, не имеющей ни науки, ни литературы.

Для этого они должны приобщиться к культуре русского народа, а это возможно только через усвоение русского языка, который только и может проторить путь ко всем сокровищам русской культуры. Тем

самым просветителем стремился приобщить нерусские народы к русской, а через нее и к общечеловеческой культуре, а, с другой стороны, сделать более доступными для русских культурные ценности других народов России. Подход Н. И. Ильминского базировался на основе живого разговорного народного языка. Родной язык он считал основанием и орудием школьного образования, а главную роль в системе просвещения отводил начальной школе.

Преподавание в начальной школе в соответствии с его взглядами велось первые два года исключительно на родном языке; русский язык изучался как учебный предмет. Преподавание на родном языке должно было продолжаться до того времени, когда «малые сии» смогут в достаточной мере овладеть русским языком. Обучение русскому языку начиналось с разговорных уроков. В 3–4-х классах русский становился языком преподавания.

Лучшие учителя нерусских народных школ, по Ильминскому, лица одной национальности с учениками. От русских учителей он требовал знания родного языка учащихся и использования его в учебно-воспитательной работе. Учебники, считал педагог, должны печататься на родном для учащихся языке с использованием русской графики. Он также стремился приспособить организационную структуру русских школ, формы и методы их учебной работы к национальным особенностям населения, для чего необходимо создание передвижных школ для кочевых народов, интернатов при школах, образцовых специализированных учебных комнат.

Преподавание Закона Божия и изучение основополагающих молитв в начальной школе должно было вестись на родном языке «иностранцев». В связи с этим предполагалась переводческая и издательская деятельность на иностранных языках. Переводческая комиссия и была создана в Казани. Здесь же сосредоточилась и издательская деятельность. Казань выступала в качестве своего рода форпоста иностранческого образования по причине имевшихся здесь глубоких просвещенческих традиций, а также в силу того, что этот город был и остаётся по сей день центром самого крупного по численности этноса Поволжья – татарского этноса.

Переход на русский алфавит, осуществлявшийся по настоянию Н. И. Ильминского и его единомышленников, ускорил процесс вхождения нерусских народов в российскую культурно-образовательную среду. Применение в обучении разговорных татарского, башкирского, казахского и других национальных языков России способствовало

развитию литературных языков у этих народов и созданию учебной, детской и церковной литературы на этих языках. Н. И. Ильминский умер (от рака желудка) 27 декабря 1891 г. (8 января 1892 г) в г. Казани, где и похоронен на Арском кладбище, возле кладбищенской церкви, рядом с могилой первого просветителя Казани Святителя Гурия. Могила Ильминского сохранилась.

Просветительские идеи Н. И. Ильминского в наше время получили новые стимулы к использованию в современном отечественном образовании; личность же самого Н. И. Ильминского служит примером преданной службы интересам общества.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Помелов Владимир Борисович родился 8.VII.1953 г. в г. Веймар (ГДР). Работал учителем в Нижнеивкинской (1975–1979) и Опаринской школах (1979–1981). В КГПИ (ВятГУ) с 1981 г.: проректор по учебной работе (1987–1996), декан педагогического факультета (1999–2009); с 2009 г. профессор кафедры педагогики.

Доктор педагогических наук (1999), профессор (2000). Отличник народного просвещения РФ (1994), почётный работник высшей школы РФ (2003), кавалер медали К.Д. Ушинского (2007). Член-корреспондент Российской академии естественных наук, действительный член Международной академии наук педагогического образования. Победитель конкурса научных работ («Учёный года ВятГГУ-2013»). Заслуженный работник ВятГГУ (2016). Лауреат общественной премии «Вятский горожанин» (2014). Член комиссии по присвоению звания «Почётный житель г. Кирова» (с 2007). Член редколлегии журналов «Педагогика. Вопросы теории и практики» (Тамбов), «Вестник ВятГУ» (Киров); член ред. совета журналов «Медицинское образование сегодня» (Киров, КГМУ) и «Историко-педагогический журнал» (Н. Тагил). Участник 160 научных конференций.

Автор более 600 публикаций, в том числе в «Росс. пед. энциклопедии», «Росс. энциклопедическом. пед. словаре», «Энциклопедии Земли Вятской» (статьи в 3-х томах). Публиковался более чем в 40 журналах, в том числе, в «ELPIS» (Польша), «Linguae» (Словакия), «History of education and children's literature» (Италия), «Советская педагогика», «Педагогика», «Спутник агитатора», «Воспитание школьников», «Начальная школа», «Народное образование», «Педагогика. Общество. Право», «Перспективы науки и образования», «Вестник Академии туризма и краеведения», «Профессионально-техническое образование», «Воспитание детей и подростков», «Вопросы психологии», «Вопросы педагогики», «Историко-педагогический журнал», «Панорама», «Парк развлечений», «Вестник гуманитарного образования», «Гуманитарный трактат», «Заметки учёного», «Педагогическое искусство», «Вестник Омского ГПУ», «Вестник Шадринского ГПУ», «Ярославский пед. вестник», «Вестник МарГУ», «Вестник МГОСГИ», «Символ науки», «Педагогика. Вопросы теории и практики», «Медицинское образование сегодня», «Вестник ВятГГУ (ВятГУ)», «Вестник

Самарского ГТУ», «Концепт», «Образование в Кировской области», «Сибирский учитель» и др.

Автор книг «Педагоги и психологи Вятского края» (Киров, – далее К., 1993), «Региональные особенности развития народного образования в российской провинции во второй половине XIX–1917 г.» (К., 1998), «Российские педагоги второй половины XIX–начала XX вв.» (К., 2000), «Воспитание деловых качеств у школьников» (Москва, – далее М., 1988), «Просветители Вятского края: российские деятели культуры и местные учёные–педагоги» (К., 2007), «История образования в Вятском крае в XIV–XVIII вв.» (К., 2011), «Российские педагоги: XIX–XX вв.» (К., 2012), «История Вятского образования: XIV–XXI вв.» (К., 2013), «Педагогика и психология» (К., 2013), «Российская педагогика в лицах» (Саарбрюккен, 2013), «Просветительство русской православной церкви в российской провинции» (Саарбрюккен, 2013), «100 великих педагогов» (М., «Вече», 2018), «100 великих детей» (М., 2021), «Когда победы были большими... Очерки о вятских футболистах» (К., 2018), «Просвещение нерусских народов Вятского края» (XIX–начало XX вв.) (К., 2018), «Просвещение в Вятском крае (XIV–начало XX в.)» (К., 2019), «Просветители и педагоги-методисты Вятского края» (К., 2019), «У истоков высшего образования на Вятке» (К., 2019), «Вятские педагоги и психологи» (К., 2019), «Традиция гуманизма в истории зарубежного образования» (К., 2020), «Тенденции развития российского образования первой половины XX в.» (К., 2020), «Российская прогрессивная педагогика второй половины XIX в.» (К., 2020), «Историко-педагогическая регионолистика» (К., 2020), «А. С. Макаренко и его педагогическое наследие» (К., 2021), «Жизнь К. Д. Ушинского» (К., 2023).

Соавтор книг «Национальные ценностные приоритеты сферы образования и воспитания (вторая половина XIX–90-е гг. XX в.)» (М., 1997), «Воспитание всесторонне развитой личности школьника в процессе трудовой деятельности» (Кишинёв, 1989), «Ученическое самоуправление в школе: сегодня и завтра» (Киев, 1989), «Религии народов Вятского края» (К., 2009), «Кировский педагогический» (К., 1989), «Преподаватели ВятГГУ» (К., 2004), «Ректоры ВятГГУ» (К., 2004), «Вятский государственный гуманитарный университет. 1914–2004» (К., 2004) и др.

Научное издание

Помелов Владимир Борисович

**ПРЕДШЕСТВЕННИКИ, СОРАТНИКИ
И ПОСЛЕДОВАТЕЛИ К. Д. УШИНСКОГО**

Редактор *Ю. Н. Болдырева*
Технический редактор *Л. А. Кислицына*

Подписано в печать 26.04.2023

Выход в свет 22.09.2023

Формат 60×84/16.

Печать цифровая.

Бумага для офисной техники.

Усл. печ. л. 12,65

Тираж 500 экз.

Заказ № 152.

Вятский государственный университет

610000, г. Киров, ул. Московская, 36

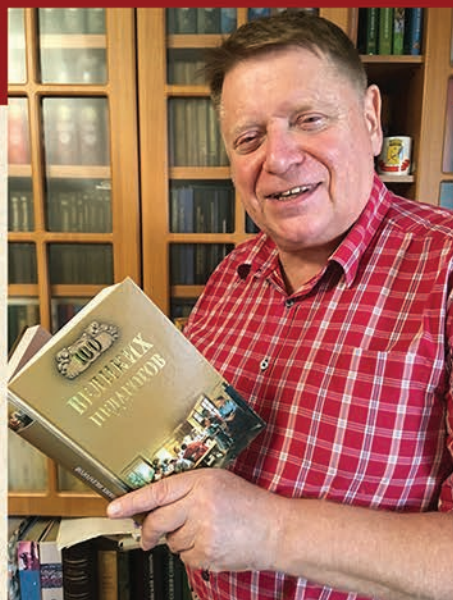
www.vyatsu.ru, www.vestnik43.ru

Тел. (8332) 20-89-64 (Научное издательство ВятГУ)

Отпечатано в Центре полиграфических услуг

Вятского государственного университета,

610000, г. Киров, ул. Московская, 36

ПОМЕЛОВ Владимир Борисович

доктор педагогических наук, профессор,
профессор ФГБОУ ВО «Вятский государственный
университет»

Портреты на обложке

Вверху слева направо: К. Д. Ушинский

Внизу слева направо: В. В. Григорьев, И. Я. Яковлев,
Я. С. Гогешашвили, И. Алтынсарин

Слева сверху вниз: Л. Н. Модзалевский, Н. Н. Блинов,
М. Л. Песковский

Справа сверху вниз: М. И. Семевский, Е. Н. Водовозова,
Е. В. Антипова